А. Т. ПАВЛОВ

ФИЛОСОФИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РУССКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ
ГУМАНИТАРНОЙ АКАДЕМИИ

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

А. Т. Павлов

ФИЛОСОФИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии

Санкт-Петербург
2010

Библиотека "Руниверс"

ББК 87.3(2) + 87.3(2)6
П12

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 09-03-16030д

Ответственный редактор
А. А. Ермичев

Павлов А. Т.
П12 Философия в Московском университете / А. Т. Павлов.— СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2010.— 288 с.
ISBN 978-5-88812-421-5

В книге известного ученого Алексея Терентьевича Павлова исследуется история русской профессиональной философии как она сложилась в стенах прославленного Московского университета — одного из центров развития русской мысли. Автор рассказывает о выдающемся вкладе профессорско-преподавательского корпуса в развитие отечественной философской науки, которая в начале XX века достигает высокой научной зрелости, поравнявшись в своих результатах с европейской философией.

Книга адресована всем, кто следит за перипетиями русской культуры.

ББК 87.3(2) + 87.3(2)6

© А. Т. Павлов, 2010
© Русская христианская гуманитарная академия, 2010

Библиотека "Руниверс"

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Преподавание философии в первое полустолетие существования университета ... 4

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Философия в университете в первой половине XIX века ... 41

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Преподавание философии после восстановления кафедр философии. Становление профессорской философии (1861–1905 гг.) ... 75

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Подготовка в Московском университете специалистов по философии в 1906–1917 гг. ... 201

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
Философия в Московском университете в послереволюционные годы (1917–1941) ... 224

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
Восстановление философского факультета и его развитие до начала 90-х гг. XX века ... 249

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Преподавание философии в первое полустолетие существования университета

Создание университета, роль М. В. Ломоносова и И. И. Шувалова.— Почему в Москве, а не в новой столице.— Философский факультет.— Первая философская лекция Н. Н. Поповского.— Читать ли лекции на русском? — Профессор философии И. Г. Фромман.— Первый профессор философии из выпускников университета Д. С. Аничков.— Диссертация Д. С. Аничкова.— Профессор И. М. Шаден.— И. Г. Шварц в Москве.— Масоны и просвещение.— Преподаватели философии Е. Б. Сырейщиков, Д. Н. Синьковский, М. М. Снегирев.— Профессор философии А. М. Брянцев.— Эпизод с И. В. Л. Мельманном.— Правоведы и философия.— Профессор права С. Е. Десницкий.— Просветитель Н. И. Новиков.

12 (25) января 1755 г. императрица Елизавета Петровна своим указом утвердила Проект организации Московского университета и двух гимназий. Тем самым впервые в России было создано учебное заведение для подготовки ученых, государственных служащих высокой квалификации, преподавателей различных специальностей и медиков.

Но этому акту предшествовали настойчивые попытки М. В. Ломоносова наладить работу академического университета и гимназии при Петербургской академии наук. Вспоминая, в каком состоянии он нашел академию и учебные заведения при ней, Ломоносов писал, что в университете не было «ни подобия университетского по примеру других государств. Не было факультетов, ни ректора, по обычаю выборного повсегодно. Не было студентов, ни лекций» [1]. Такое положение Ломоносов объяснял тем, что в Канцелярии Академии всем заправлял Шумахер, которому «было опасно происхождение в науках

[1] *Ломоносов М. В.* Избранные философские произведения. М., 1950. С. 549.

Библиотека "Руниверс"

и произвождение в профессоры природных россиян, от которых он уменьшения своей силы больше опасался. Того ради учение и содержание российских студентов было в таком небрежении, по которому ясно оказывалось, что не было у него намерения их допустить к совершенству учения»[2].

Усилия Ломоносова по налаживанию учебного процесса в академическом университете привели к тому, что ректором университета был назначен Г. Ф. Миллер, который представил свой проект университетского регламента, мнение о котором академик В. К. Тредиаковский попросил высказать Ломоносова. 12 октября 1748 г. Ломоносов пишет В. К. Тредиаковскому, что, по его мнению, «в Университете неотменно должно быть трем факультетам, юридическому, медицинскому и философскому (богословский оставляю синодальным училищам), в которых бы производились в магистры, лиценциаты и докторы»[3].

К сожалению, ничего подобного в регламенте, представленном Г. Ф. Миллером, не было. Ломоносов добился того, что вместо Миллера ректором университета был назначен Крашенинников, а в университет из духовных семинарий было прислано 24 студента, в их числе будущие профессора Московского университета Н. Н. Поповский и А. А. Барсов. Однако вскоре многие студенты были определены в разные департаменты, других отправили за границу, и Ломоносов понял, что Шумахер и его подручные будут и дальше противодействовать налаживанию образования при Академии наук. Видимо, поэтому он задумал осуществить свою мечту о подготовке российских кадров для «приращения наук» вне юрисдикции Академической канцелярии. Он решил действовать через фаворита императрицы Елизаветы Петровны Ивана Ивановича Шувалова, который был довольно образованным человеком и роль покровителя наук, литературы и искусства ему весьма импонировала. Пользуясь огромным влиянием при дворе, он мог многое сделать.

---

[2] Там же. С. 553.

[3] Там же. С. 653.

Библиотека "Руниверс"

Летом 1754 г. Ломоносов пишет письмо Шувалову, в котором предлагает учредить университет в Москве, поскольку университет при Академии наук в Петербурге не выполнял своих функций по подготовке специалистов для различного рода научных занятий в России. Уже 19 июля 1754 г. И. И. Шувалов внес в Правительствующий Сенат «Доношение об учреждении в Москве университета и двух гимназий» с приложением проекта устава и штата. Сенат утвердил Доношение, в котором было отмечено пять причин, по которым Москва была выбрана местом для университета:

1) великое число в Москве дворян и разночинцев,
2) положение Москвы в сердце русского государства,
3) дешевые средства к содержанию,
4) обилие родства и знакомства у студентов,
5) великое число домашних учителей, содержимых помещиками в Москве.

Университет был создан, как и предлагал Ломоносов, в составе трех факультетов: философского, юридического и медицинского. По уставу на юридическом и медицинском факультетах должно быть по три профессора, а на философском — четыре (Ломоносов предлагал шесть, но Шувалов сократил до четырех, объединив некоторые специальности). Итак, на философском факультете: «профессор философии обучать должен логике, метафизике и нравоучению», профессор физики — «физике, экспериментальной и теоретической», «профессор красноречия для обучения оратории и стихотворству» и «профессор истории для показания истории универсальной и российской, також древностей и геральдики» [4].

Профессора обязаны были читать лекции публичные для всех слушателей и приватные для желающих. В соответствии с уставом университета все студенты три года должны были обучаться на философском факультете, который был своего рода общеобразовательным и только после окончания которого студенты могли либо оставаться на нем «для подробнейшего

[4] *Белявский М.Т.* М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955. С. 278.

Библиотека "Руниверс"

познания наук, философский факультет составляющих», либо перейти на юридический или медицинский, где обучение продолжалось еще четыре года.

Торжественное открытие университета состоялось 26 апреля 1755 г.[5] речами переведенных из Академического университета любимых учеников М. В. Ломоносова Н. Н. Поповского и А. А. Барсова, а также учителей французского и немецкого языков — Лабома и Литкена.

Уже в июне Н. Н. Поповский, назначенный ректором университетских гимназий, приступил к чтению лекций по философии. В «Речи, говоренной в начатии философических лекций» он обратил основное внимание на определение предмета философии и на возможность и необходимость излагать философские проблемы на родном языке. Давая определение философии, Поповский сравнивает ее с храмом, «в котором вмещена вся вселенная», в котором все, что есть в земле, на земле и под землею, как в театре изображается. «Хотя она в частные и подробные всех вещей рассуждения не вступает,— говорил Поповский,— однако главнейшие и самые общие правила, правильное и необманчивое познание натуры, строгое доказательство каждой истины, разделение правды от неправды от нее одной зависят»[6]. Сравнивая философию с архитектором, который, «не вмешиваясь в подробное сложение каждой части здания», определяет размеры здания, его положение, отношения частей, Поповский говорит, что и философия «предписывает общие пути и средства всему человеческому благополучию»[7]. Философия объемлет своим оком все области знания. «Нет ничего в натуре толь великого

---

[5] М. Т. Белявский в своей книге замечает, что в этот день официально были открыты гимназии при университете, так было напечатано в Приглашении, да и студенты в количестве 30 человек, направленные из духовных семинарий, прибыли в Москву в конце мая. Однако все участники этого события воспринимали его как открытие университета, ибо уже в июне начались лекции без всякого торжественного собрания (см.: *Белявский М. Т.* М. В. Ломоносов и основание Московского университета. С. 208).

[6] Избр. произведения русских мыслителей 2-й половины XVIII века. Т. 1. М., 1952. С. 88.

[7] Там же. С. 90.

Библиотека "Руниверс"

и пространного, до чего бы она своими проницательными рассуждениями не касалась... От нее зависят все познания; она мать всех наук и художеств»[8].

Изложив все значение философии для правильного познания мироустройства, Поповский обратил внимание и на трудности ее постижения. Он подчеркнул, что тот, кто хочет научиться философии, должен хорошо знать латинский язык — «пять или больше лет употребить на изучение латинского языка»[9]. Однако такое положение, по убеждению Поповского, не может продолжаться вечно. Конечно, знание латинского языка совершенно необходимо для знакомства с произведениями древних философов. Однако является ли в принципе латинский язык тем языком, на котором только и может философия изъясняться, задает вопрос Поповский и отвечает, что не только латинский язык, но и русский язык вполне может быть языком философского творчества. «Нет такой мысли,— подчеркивает Поповский,— кою бы по-российски изъяснить было невозможно»[10]. Ведь науки, выделившиеся из философии,— арифметика, геометрия, механика, астрономия и прочие — давно на многих языках излагаются, так же может излагаться на русском и философия. Раньше философия говорила по-гречески, рассуждал Поповский, потом римляне стали ее на своем языке излагать. Так почему же россияне не могут столь же успешно осваивать философию и рассуждать о ней по-русски? «Век философии не кончился с Римом...— говорил Поповский,— мы причиняем ей великий стыд и обиду, когда думаем, будто она своих мыслей ни на каком языке истолковать, кроме латинского, не может»[11]. «Что же касается до изобилия российского языка, в том перед нами римляне похвалиться не могут»[12],— убежден Поповский, который еще до перевода в Московский университет перевел на русский

[8] Там же. С. 88.
[9] Там же. С. 89.
[10] Там же. С. 91.
[11] Там же. С. 90.
[12] Там же. С. 91.

Библиотека "Руниверс"

язык оды Горация, поэму английского поэта Александра Попа «Опыт о человеке», уже будучи профессором университета он перевел двухтомный труд Локка «О воспитании детей». Так что, говоря о возможностях русского языка в изложении философских проблем, он опирался на свой богатый опыт переводчика и поэта. Что касается специфических философских терминов, отмечал Поповский, то ведь и римляне не все греческие термины перевели на свой язык, а оставили греческие, дав им свое толкование. «Таким же образом поступим и мы с греческими и латинскими словами, которые перевесть будет трудно» [13],— отметил Поповский.

Почему такое внимание уделил Поповский изложению философии на русском языке? Ведь он очень хорошо понимал всю важность овладения латинским языком, который был в то время языком межнационального научного общения. Но Поповский одновременно осознавал и всю сложность овладения латинским языком и необходимость более широкого распространения научных знаний в обществе, где далеко не каждый мог в совершенстве владеть иностранными языками. (Хотя надо отметить, что и в университете, и в университетских гимназиях очень много внимания уделялось изучению языков, особенно латинскому, немецкому и французскому. Желающие могли изучать также еще итальянский и английский.)

Чтение философии на русском языке Поповский считал необходимым потому, что присланные из духовных семинарий первые студенты далеко не все в совершенстве владели латынью, а в зрелом возрасте освоить язык было значительно сложнее, хотя успехи в освоении других наук нареканий не вызывали.

Поэтому для лучшего усвоения студентами философских проблем Поповский, прочитав вступительную лекцию на латинском языке, продолжил свой курс по-русски. Итак, говорил он, «начнем философию не так, чтобы разумел только один изо всей России или несколько человек, но так, чтобы каждый российский язык разумеющий мог удобно ею пользоваться» [14].

---

[13] Там же.

[14] Там же.

Библиотека "Руниверс"

Целый год Н. Н. Поповский читал курс философии на русском языке. Однако сторонники преподавания на латинском языке сумели убедить куратора университета И. И. Шувалова в том, что преподавание на русском приведет к тому, что студенты не будут совершенствоваться в знании латыни, а следовательно, не будут в состоянии следить за наукой, развивающейся в Западной Европе, что неизбежно скажется и на престиже русской науки в международном научном сообществе. В результате на следующий год философию стал читать приглашенный из Штутгарта профессор философии Иоганн Генрих Фромман уже на латинском языке, а Н. Н. Поповский стал профессором элоквенции (красноречия) и преподавал в университете до 1760 г., когда внезапно в тридцатилетнем возрасте скончался.

К сожалению, кроме вступительной лекции к курсу да еще двух произведений «О пользе наук и о воспитании во оных юношества» и «О воспитании детей», ничего из написанного Н. Н. Поповским не сохранилось, поэтому судить о содержании его философского курса лекций затруднительно. Скорее всего, философские взгляды Поповского были очень близки взглядам М. В. Ломоносова, любимым учеником которого он был.

И. Г. Фромман читал в университете курсы логики, метафизики и нравоучительной философии, а также по психологии и богословию. Кроме лекций по кафедре философии И. Г. Фромман с декабря 1761 по октябрь 1763 г. исправлял должность инспектора обеих гимназий при университете. По свидетельству современников, особыми дарованиями он не отличался, но, как отмечено в увольнительном свидетельстве Фроммана, подписанном куратором университета В. Е. Адодуровым, «он в высшей степени добросовестно и усердно исполнял свои обязанности». В 1764 г. контракт с ним был продолжен, но в 1765 г., сославшись на расстроенное здоровье и семейные обстоятельства, он подал в отставку, был уволен со службы и уехал на родину. Вернувшись в Германию, И. Г. Фромман получил кафедру философии в Тюбингенском университете, где в 1766 г. защитил докторскую диссертацию о состоянии наук и искусств в Российской империи «Stricturae de statu scientiarum et artium in imperio Russico»

Библиотека "Руниверс"

(«Краткое начертание состояния наук и искусств в Российской империи»)[15].

Отстраненный от чтения философских курсов Поповский не переставал настаивать на чтении лекций на русском языке хотя бы для некоторых студентов.

В сентябре 1758 г. Поповский на заседании Конференции[16] предложил, чтобы философия читалась по-русски для тех учеников, «из коих одни вообще не желают учиться латыни, а другие уже слишком великовозрастны, чтоб быть в состоянии окончить латинский язык к 20 годам; кроме того, они уже сделали успехи в других предметах, которые должны будут оставить из-за латинского языка»[17].

Однако даже частичное чтение лекций на русском языке Конференция не разрешила из опасения, что в этом случае и все остальные ученики перестанут изучать латынь, хотя латинский язык, как сказано в протоколе, «есть главная цель учреждения университета и основание всех наук»[18].

В связи с отъездом Фроммана из России куратор университета В. Е. Адодуров 14 июля 1765 г. предписал логику, метафизику и нравственную философию читать профессору и ректору гимназий Иоганну Матиасу Шадену, который «и кроме того

---

[15] В своей диссертации И. Г. Фромман три страницы уделил описанию преподавания философии в Москве, а затем изложил свое видение состояния культуры в России, выделив в качестве выдающихся деятелей русской культуры Татищева, Ломоносова, Магницкого, Нартова, Муравьева, Кантемира (назвав его Дмитрием, хотя речь шла об Антиохе), Поповского, Елагина, Сумарокова, Хераскова, Тредиаковского. (См.: *Берков П.* Изучение русской литературы иностранцами в XVIII веке // Язык и литература. Т. V. Л., 1930. С. 110–114.)

[16] Университетская Конференция — основной руководящий орган университета. В ее состав входили все профессора, директор университета и ректор гимназий. В 1758 г. в ее составе были: Н. Н. Поповский, Ф. Г. Дильтей, И. Г. Фромман, И. Х. Керштенс, директор И. И. Мелиссино и ректор И. М. Шаден.

[17] Протокол Конференции от 19 сентября 1758 г. // Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 1. М., 1960. С. 135.

[18] Там же.

Библиотека "Руниверс"

в чтении логических и метафизических лекций при университете упраждняется»[19]. Однако И. М. Шаден такую нагрузку взять на себя не согласился. Как записано в протоколе Конференции от 16 июля 1765 г., «профессор Шаден чтение лекций по логике, метафизике и нравственной философии, иными словами, всю профессорскую должность господина профессора Фроммана безо всякой выгоды или пользы для себя принять не может, тем более, что по контракту своему делать это он не обязан; если же он за год до того взял на себя преподавание логики и метафизики, то сделал это по доброй воле, побуждаемый общей пользой, с тем условием, что в случае какой-либо перемены на философском факультете, он, как и прочие профессора, сможет заниматься только профессорскими ординарными лекциями, сложив с себя трудную и утомительную должность ректора, которую выполняет в продолжении девяти с лишком лет»[20].

То есть Шаден соглашался взять на себя нагрузку Фроммана при условии снятия с себя обязанности ректора гимназий или за дополнительную плату. Тогда профессорская Конференция приняла решение поручить чтение философских лекций кому-нибудь из окончивших университет.

30 июля 1765 г. Конференция предложила прочитать по две пробные лекции молодым магистрам Ивану Урбанскому и Дмитрию Аничкову на предложенные Фромманом темы: из «Винклеровых наставлений по психологии» главу V «О происхождении души» и из логики главу VII, часть практическую «О методе обучения»[21]. После прочтения обеих лекций профессорская Конференция решила, что «Аничков может читать в университете студентам публичные лекции по логике и метафизике»[22]. Так с августа 1765 г. Д. С. Аничков стал основным пре-

[19] Там же. Т. 2. М., 1962. С. 141.

[20] Там же. С. 143.

[21] Там же. С. 152 (имелась в виду книга профессора физики Лейпцигского университета Иоганна Генриха Винклера «Institutiones philosophiae universae, usibus academicis accomodatae» (изд. 3-е, Лейпциг, 1762). Т. 1.— Общая философия, психология и логика. Т. 2.— Естественное право, этика, политика. Т. 3.— Физика. См. там же. С. 305).

[22] Там же. С. 157.

Библиотека "Руниверс"

подавателем логики и метафизики в Московском университете и занимал кафедру философии до конца своей жизни (до 1788 г.). А начал он преподавательскую деятельность в 1762 г., когда, будучи выпускником университета, был определен «в гимназию для обучения геометрического, тригонометрического и алгебраического классов», а также и «в университет для обучения студентов чистой математике»[23].

Через два года после занятия кафедры философии Аничковым сторонникам чтения лекций на русском языке при активной поддержке директора университета писателя М. М. Хераскова удалось добиться разрешения читать лекции на русском языке.

Екатерина II, учитывая, что к 1767 г. в университете было уже 5 преподавателей из «природных россиян», указать соизволила, что «в университете пристойнее бы читать лекции на русском языке». В связи с этим указанием куратор университета В. Е. Адодуров писал директору Хераскову: «Во исполнение сего е. и. в. всевысочайшего повеления извольте, ваше высокоблагородие, как оным докторам юриспруденции Третьякову и Десницкому, в силу означенного Конференции определения, так и докторам медицины Зыбелину и Вениаминову, равно же и магистру Аничкову приказать лекции свои читать уже на русском языке»[24].

Чтобы подчеркнуть то значение, которое имели лекции по философии в Московском университете, приведу решение университетской Конференции от 2 августа 1768 г. Рассмотрев на своем заседании случаи перевода студентов на медицинский

---

[23] Там же. С. 68. Будучи преподавателем математики, Д. С. Аничков перевел на русский язык учебники по арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, фортификации, а за годы преподавания в университете он написал и собственные учебники, по которым в XVIII в. велось преподавание во многих учебных заведениях. Например, в 1764 г. была напечатана «Арифметика теоретическая и практическая, из разных авторов собранная магистром Аничковым», в 1782 г. на латинском языке вышел его учебник «Annotationes in logicam, metaphysicam et cosmologiam» («Заметки по логике, метафизике и космологии») и другие.

[24] Там же. Т. 3. М., 1963. С. 124.

Библиотека "Руниверс"

и юридический факультеты без прохождения полной программы обучения на философском факультете, Конференция еще раз подтвердила, что студентов на медицинский и юридический факультеты не переводить ранее, чем через три года обучения на философском факультете, ибо «не зная логики, физики, математики и нравственных наук», приступить к высшим наукам нельзя[25].

Аничков стал первым профессором философии из числа студентов, окончивших Московский университет. Правда, путь к профессорству оказался для Аничкова довольно сложным.

Начав читать в университете курсы логики и метафизики, Аничков в 1769 г. представил в университетскую Конференцию докторскую диссертацию, защита которой была необходима для получения профессорского звания.

Однако большинство профессоров встретило диссертацию Аничкова в штыки. В протоколе Конференции отмечено, что профессора Рейхель, Дильтей, Рост, Барсов, Шаден и Лангер «не могут поддержать мнений, которые рассеяны повсюду в розданной сегодня 24 августа латинской и русской диссертации «О начале и происхождении натуральной религии» производимого в ординарного профессора философского факультета г-на магистра Аничкова, и что они здесь торжественно против этих мнений протестуют, ибо от них может произойти что-либо в предосуждение и позор для университета»[26]. Присутствовавшие на Конференции профессора Вениаминов, Зыбелин, Третьяков и Десницкий к такому мнению о диссертации Аничкова не присоединились. Однако Московский архиепископ Амвросий был весьма обеспокоен появлением в университете такого, по его мнению, «богохульного сочинения» и донес о нем в Синод для принятия соответствующих мер. К счастью для Аничкова, тогдашний обер-прокурор Синода П. П. Чебышев, ознакомившись с диссертацией, не усмотрел «в сочинении Аничкова противностей православному закону» и, не желая навлечь неприятности на куратора университета В. Е. Адодурова,

[25] Там же. С. 156.

[26] Там же. С. 219–220.

Библиотека "Руниверс"

заявил, что в решении Синода нет точных изъяснений, в чем сочинение Аничкова вредно, а посему Аничкова «в чувствие приводить будет не можно». В конце концов, пролежав в Синоде 18 лет, в 1787 г. дело Аничкова было списано как нерешенное[27]. (Распространенная в литературе версия о сожжении диссертации Аничкова на Лобном месте в Москве принадлежит профессору университета И. М. Снегирёву, однако никакими документами не подтверждается.)

Диссертация Аничкова «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания» в действительности ничего богохульного не содержала, ибо была посвящена изобличению языческих верований и защите единобожия. Однако в диссертации были приведены многочисленные примеры суеверий, которые использовала и православная церковь для привлечения верующих. Например, Аничков писал: «Если для обмана простых людей и для скверной прибыли выдумает жрец какое-либо изваяние или образ, плачущий водою сквозь потаенные скважины, или оракул, глаголющий необыкновенным механическим голосом, то к такому месту тотчас толпами пойдут идолопоклонники молиться и удивляться как новоявленным чудесам»[28]. Именно такими приемами пользовалась и православная церковь, что, конечно, знал и Аничков, но полагал, что подобные приемы несовместимы с истинной верой, ибо «противно натуре человеческой верить тому, чего в мыслях и в воображении представить не можно»[29]. По мере расширения человеческих знаний о причинах природных явлений, полагал Аничков, совершенствуется и человеческая вера. Если непросвещенные народы склонны к обожествлению природных явлений, что является следствием незнания их причин, то по мере все более полного познания окружающего мира человечество приходит к осознанию того, что Бога нельзя понимать иначе, «как токмо всемогущим и премудрым», и что

[27] Там же. С. 432–433.

[28] Избранные произведения русских мыслителей 2-й половины XVIII в. Т. 1. М., 1952. С. 129–130.

[29] Там же. С. 132.

Библиотека "Руниверс"

без откровения его «понимать не можно»[30]. Свои рассуждения Аничков подкреплял многочисленными ссылками на Лукреция, а также на Овидия, Ювенала, Петрония, А. Попа, Ломоносова. Конечно, диссертация Аничкова свидетельствовала об отходе от традиционных православных догматов, ибо явно содержала деистические идеи, однако говорить о реальном отходе его вообще от религиозных убеждений нет никаких оснований.

Д. С. Аничков вынужден был переписать свою диссертацию и после ее защиты под новым названием «Философическое рассуждение о начале и происшествии богопочитания у разных, а особливо невежественных, народов» получил в 1771 г. звание экстраординарного профессора, а в 1777 г. звание ординарного профессора логики и метафизики и проработал в этом звании до своей кончины в 1788 г. Уже в звании профессора Д. С. Аничков получил чин надворного советника и стал членом Вольного российского собрания, учрежденного при Московском университете в 1771 г. по инициативе куратора университета И. И. Мелиссино.

После защиты диссертации Аничков написал целый ряд сочинений, сами названия которых свидетельствуют о том, что его философские взгляды никоим образом не противоречили религиозным убеждениям. Например: «О невещественности души человеческой и из оной происходящего ее бессмертия» (1777), «О разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих» (1783) и многие другие. Аничков никогда не был атеистом, никогда не сомневался в том, что Священное Писание есть книги боговдохновенные, т. е. написанные непосредственно по внушению и при содействии Духа Божия. Как истинный христианин, а следовательно, приверженец единобожия, то есть монотеизма, он критиковал языческое многобожие, как заблуждение.

Он доказывал, что вера в Бога может быть объяснена без всяких чудес из страха, привидений и удивления. В своих рассуждениях Аничков исходит из того положения, что как в природе, так и в поступках людей действует *принцип причинности.*

---

[30] Там же. С. 133, 132.

Библиотека "Руниверс"

Следовательно, любое действие человека, любая его мысль имеет свои причины. Он пишет: «Надлежит нам утвердить свои мысли в том, что нет почти ни одного из знатных действий человеческих такого, которое бы не имело своей побудительной причины. <...> В физических и неодушевленных телах причины скорее познаются и удобнее различаются одни от других; напротив того, причины душевных действий иногда случаются столько содействующими в одной, что ни под каким видом не можно бывает узнать, которой из них должно приписывать больше действия; а иные из них нередко бывают и такого непостижимого свойства, что в тот же час, как начинаем примечать оные, перестаем и чувствовать действие их»[31].

Поэтому, пишет Аничков, познать причину возникновения богопочитания весьма непросто. Опираясь на материал по истории и мифологии, цитируя сочинения Лукреция, Овидия, Ломоносова и других мыслителей, Аничков, подобно французским просветителям, выдвигает на первое место среди причин, порождающих веру в Бога, страх непросвещенных людей и народов перед непонятными для них явлениями, что заставляет их обожествлять пугающие их явления. Итак, делает вывод Аничков, «от страха, во-первых, произошло многобожие, и страх первых в свете произвел богов»[32].

На втором месте среди причин, породивших языческие верования, у Аничкова — *привидения*, т. е. невещественные образы-фантазии, видения, вымыслы, которые невежественными людьми принимаются за реально действующих существ — демонов, леших и прочих страшилищ. Страшные вымыслы, пишет Аничков, с детских лет западают в душу людей и порождают суеверие, многобожие и прочее зло.

Наконец, третьей причиной боготворчества Аничков считает *удивление* людей необыкновенными качествами человеческими, в результате чего варварские и непросвещенные народы «боготворят подобных себе смертных», а также «самые неодушевленные вещи по причине необыкновенных их действий».

---

[31] Там же. С. 115–116.

[32] Там же. С. 121.

Библиотека "Руниверс"

«Непросвещенные,— пишет Аничков,— удивляются вещам и оные от удивления боготворят единственно по незнанию точных причин, производящих странные в вещах действия»[33].

Поскольку причиной страхов и удивления, порождающих суеверие, является, по мнению Аничкова, невежество, дикость, необразованность, то и средством борьбы с религиозными суевериями он считал просвещение, научное объяснение истинных причин природных явлений и человеческих поступков.

Значительное внимание в своих работах Аничков уделяет теории познания и логике. Главным авторитетом для него в этой области выступает Джон Локк. Стоя на позициях сенсуализма, Аничков считает источником всякого знания восприятия, возникающие в результате воздействия внешних предметов на органы чувств. Критикуя теорию врожденных идей, Аничков доказывает, что новорожденные младенцы не имеют никаких понятий и представлений, которые вырабатываются постепенно в процессе жизни.

Выступая против учения, воздвигавшего непроходимую стену между человеком и животным миром, Аничков утверждал, что начальная ступень познания — чувственное восприятие — свойственна не только человеку, но и животным. Всего же в человеческом познании Аничков различал три ступени: чувственное восприятие, выработка душой понятия о воспринятом предмете и рассуждение. Подчеркивая первичность чувственного познания, Аничков в то же время отмечает, что чувства могут и обманывать, а потому поправлять их надо рассуждениями.

Ссылаясь на учение Бэкона «о логических идолах», Аничков тоже говорит о сложностях процесса познания, в ходе которого на пути к истине встречаются всякого рода затруднения, которые Аничков называет *предрассуждениями*.

Важным для понимания философских взглядов Аничкова является его учение о соотношении души и тела. Опасаясь прямо высказать свою точку зрения, он излагает различные точки зрения на этот вопрос и отмечает, что наиболее правильные взгляды по этому поводу высказывают перипатетики. В «Слове о разных

[33] Там же. С. 126, 129.

Библиотека "Руниверс"

способах, теснейший союз души с телом изъясняющих», определяя понятия идеализм, материализм, монизм и дуализм, Аничков отвергает как ложные учения монистов, как идеалистического, так и материалистического толка, за то, что первые не признают вещественного бытия мира и тел, а вторые утверждают, «что душа человеческая есть вещественная». По Аничкову, более правы дуалисты, которые признают существование как вещественного мира, так и невещественной души. Среди дуалистов Аничков выделяет философов трех классов: последователей Декарта, сторонников Лейбница и перипатетиков. Картезианцев он критикует за отрыв души от тела и за признание врожденных идей. Сторонников учения Лейбница — за признание предустановленной гармонии (в его терминологии — «предуставленного согласия»), которая, отвергая зависимость души от тела, утверждает зависимость тела от души. Перипатетики же признают взаимозависимость души и тела и не мыслят возможности действовать душе иначе как через тело. Излагая свои взгляды, Аничков вынужден был защищаться от обвинений в отрицании бессмертия души, доказывая, что после смерти тела душа обретает иной способ существования. «Но если скажет кто,— пишет Аничков,— что система физического втечения противна бессмертию души, потому что в силу сего положения все чувствования зависят от действия тела на душу; и как по разрушении тела уничтожатся чувствования, то и душа, после смерти тела своего в глубочайшем и непрерывном сне будучи погружена, ни понимать, ни о прошедшем помнить, и ниже себя за ту же самую признавать не будет; но для бессмертия душевного не должно необходимым почитать сие, чтоб она и после смерти тела своего имела чувствования». Без тела, рассуждает Аничков, душа может жить своею собственной силою, т. е. «рассуждать, умствовать и употреблять чистое разумение». «Разум доказывает, что душа наша, по разрушении тела, отменный против прежнего образ ограничивания получит»[34].

О том, насколько злободневны были в те годы размышления о бессмертии души, говорит и книга Радищева «О человеке, о его

[34] Там же. С. 183–184.

Библиотека "Руниверс"

смертности и бессмертии», написанная в 1792 г. А цитированная работа Аничкова относится к 1783 г.

Лекционных курсов Аничкова не сохранилось, однако есть все основания полагать, что они были выдержаны в духе философии Христиана Вольфа, ибо все учебники, по которым велось преподавание принадлежали сторонникам вольфианства. Не только в университете, но и во всех учебных заведениях преподавание философских дисциплин вплоть до начала XIX в. велось по учебникам главным образом Баумейстера и Винклера, составленным в духе философии Христиана Вольфа, который явился в известной мере систематизатором лейбницианства. Учебники Ф. Х. Баумейстера «Логика», «Метафизика», «Нравоучительная философия», «Физика, или естественная философия» неоднократно переводились на русский язык и использовались во всех учебных заведениях Росси вплоть до 30-х гг. XIX столетия[35].

К тому же отступать от идей, изложенных в учебниках Баумейстера, Винклера, Гейнекция и других вольфианцев, которые в то время выписывались для университетской библиотеки, было просто небезопасно, ибо пункт 8 Проекта об учреждении Московского университета предписывал: «Никто из профессоров не должен по своей воле выбрать себе систему или автора и по оной науку свою слушателям предлагать, но каждый повинен последовать тому порядку и тем авторам, которые ему профессорским собранием и от кураторов предписаны будут»[36].

И в биографии Аничкова, опубликованной в 1820 г., написано, что «он преподавал философию на латинском языке, придерживаясь господствовавшей тогда системы Вольфа, изложенной Баумейстером»[37].

---

[35] «Логика» Баумейстра с 1760 по 1827 г. издавалась 5 раз, «Метафизика» с 1764 по 1830 г.— 4 раза, «Нравственная философия» с 1783 по 1788 г.— 2 раза.

[36] См.: *Белявский М. Т.* М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955. С. 279.

[37] Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами оного, с краткими их жизнеописаниями. Ч. II. М., 1820. С. 4.

Библиотека "Руниверс"

Да, собственно говоря, и в теоретических работах Аничкова было немало идей, заимствованных у Баумейстера. Например, такие его пассажи из работы «Слово о свойствах познания человеческого и о средствах, предохраняющих ум смертного от разных заблуждений», как: «Всепознание наше получает начало свое от чувств, по оному: *нет ничего такого в разуме, чего бы прежде не находилось в чувствах*» или «Ум наш по врожденной себе способности невидимые вещи познает из видимых, от особенных вещей отвлекает всеобщие понятия»[38], почти дословно повторяют фразы из «Метафизики» Баумейстера: «всякое познание человеческое начинается от чувств», «свойства, многим вещам общие, мы обозначаем понятиями повсемественными или отвлеченными»[39]. Хотя у Аничкова встречаются и идеи, которых и следа нет у Баумейстера, например, резкое отрицание врожденных идей или возможность понимания Бога из его творения и т. п.[40]

Теоретические работы Д. С. Аничкова свидетельствуют о том, что он был в курсе всех новейших исследований и опирался в своих трудах на работы европейских ученых тех лет, а не только на античных мыслителей.

Кроме Аничкова, лекции по логике, метафизике, этике читал и И. М. Шаден, магистр философии Тюбингенского университета, приглашенный в 1756 г. на должность ректора гимназий (Н. Н. Поповский в 1756 г. стал инспектором гимназий и профессором элоквенции (красноречия), от чтения философских лекций он был освобожден). В 1772 г., после того как на должность ректора гимназий был приглашен из Лейпцигского университета доктор философии, профессор Х. Ф. Матеи, Шаден покинул должность ректора гимназий и стал профессором практической философии и политики. Начал читать лекции Шаден еще будучи ректором гимназий,

[38] Избранные произведения русских мыслителей 2-й половины XVIII в. Т. 1. С. 134, 136.

[39] Христианина Баумейстера Метафизика. М., 1789. С. 6–7.

[40] См.: Избранные произведения русских мыслителей 2-й половины XVIII в. Т. 1. С. 136, 137 и др.

Библиотека "Руниверс"

причем не только философские, но и по греческим и римским древностям, народному праву, политике, риторике. Читал Шаден также и историю философии, обращая особое внимание на изложение философских систем Лейбница и Хр. Вольфа, которые он высоко ценил. Курсы логики и метафизики он излагал по учебникам Баумейстера. По свидетельству С. П. Шевырёва, Шаден в своих лекциях утверждал, что успешные занятия философией возможны только в том случае, если они сочетаются с постоянными и усердными молитвами[41]. Среди учеников Шадена были Фонвизин, Карамзин, которые высоко отзывались о лекциях Шадена, читавшихся на латинском языке. Он преподавал в университете до 1797 г.

Вообще надо сказать, что в первые десятилетия существования университета один преподаватель вел занятия по многим дисциплинам: например, Аничков преподавал все разделы математики и философские курсы, приглашенный в 1756 г. доктор права Венского университета Филипп Генрих Дильтей читал на юридическом факультете все дисциплины (право римское, естественное, философию права и т. д.).

С 1781 г., после ухода из университета профессора Ф. Г. Дильтея, профессор Шаден стал читать на юридическом факультете лекции по всем разделам права.

Заметный след в истории университета оставил недолго преподававший в нем выходец из Трансильвании Иоганн Георг Шварц (Иван Егорович или Георгиевич, как его звали в России), причем не столько своими лекциями, которые вызывали интерес у слушателей, сколько кипучей деятельностью по созданию с помощью «масонских братьев» различных просветительских обществ и учреждений при Московском университете.

В Московском университете 28-летний «немчик из Трансильвании» появился в сентябре 1779 г., получив место профессора немецкого языка (до этого с 1776 г. он служил гувернером в Могилеве и, наведываясь в Москву, завел знакомства с московскими масонами). По его инициативе уже в ноябре 1779 г.

---

[41] *Шевырёв С. П.* История Московского университета. М., 1855. С. 159.

Библиотека "Руниверс"

на пожертвования членов масонских лож была учреждена Педагогическая семинария при университете для подготовки учителей в светские учебные заведения, и Шварц занял при ней место инспектора. В феврале 1780 г. профессорская Конференция университета произвела Шварца в профессора философии и беллертов (т. е. изящной словесности) и поручила ему заняться делами гимназии, которая влачила жалкое существование. А в конце того же года при его активном участии была учреждена «тайная и сиентифическая» масонская ложа «Гармония», в которую, кроме Шварца, вошли куратор университета Херасков, издатель Н. И. Новиков, князья Н. Трубецкой, А. Черкасский, Энгалычёв, а также А. М. Кутузов и И. П. Тургенев. Немного позже ложу пополнили П. А. Татищев и князь Ю. Трубецкой.

Для привлечения к просветительской деятельности состоятельных московских дворян Шварц занялся созданием Дружеского ученого общества и Собрания университетских питомцев. 13 марта 1781 г. было открыто Собрание университетских питомцев, а 6 ноября 1782 г. состоялось торжественное открытие Дружеского ученого общества, хотя практически оно начало действовать значительно раньше. Целью Дружеского общества было объявлено: 1) печатание учебных книг и забота о распространении тех знаний, которыми менее всего у нас занимаются: латинского и греческого языков, древностей, химии, изведывания свойств вещей в природе; 2) содержание в Переводческой семинарии при университете 35 юношей. В объявлении было указано, что Московский губернатор граф Чернышёв покровительствует обществу, а преосвященный Платон, архиепископ Московский, оказывает ему благоволение. При финансовой поддержке членов Дружеского ученого общества Переводческая семинария для подготовки переводчиков издаваемых Н. И. Новиковым книг была открыта в июне 1782 г. (Она не просуществовала и 10-ти лет и была закрыта по предписанию Екатерины II как одно из «скопищ известного нового раскола»[42].) С помощью Дружеского ученого

[42] *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 261.

Библиотека "Руниверс"

общества Шварцу удалось также начать издание «Московской немецкой газеты».

Эта бурная организаторская деятельность Шварца сочеталась с педагогической работой в университете, где он читал лекционные курсы по философии и эстетике. Причем И. Г. Шварц был одним из немногих профессоров-иностранцев, который выучил русский язык и на нем читал, чтобы быть более понятным слушателям.

В своих лекциях Шварц старался опровергнуть учения французских материалистов, «чуждавшихся религиозного направления». Более других, по его мнению, заблуждался в философских вопросах Гельвеций, отрицавший наличие в человеке внутренней силы. А между тем, говорил Шварц, откуда в человеке понятие о духовном, о справедливости, о любви, откуда у него мысли о будущем, ведь ничего такого человек не ощущает, с пищей не поглощает, т. е. извне не получает. Эти понятия, по Шварцу, присущи человеческой душе изначально, составляют его нравственное существо. Больше всего Шварц превозносил мистические учения. Особенно ему импонировали философские взгляды Я. Бёме, с помощью которых Шварц старался пояснить неясные места в учении Сен-Мартена.

Разум, говорил Шварц, бессилен проникнуть в тайну создания мира. Бог создал мир для зрения самого себя, ибо Бог есть неисследимая Воля (Дух), которая смешалась с элементами материи и создала четыре стихии, из которых состоит вселенная. В каждой частице мира есть искра Духа, поэтому все в мире одухотворено, чистой материи не существует, есть только противоположности: жизнь и смерть, холод и тепло, добро и зло и т. п. Адам, уклонившись от воли Бога, погряз в самости, но через любовь к ближнему человек может вернуться к Добру. Пример Христа дает путь каждому к свету Добра. Разум должен уступить место Откровению, ибо разум бессилен проникнуть в мир духовный. Но разум необходим для познания всего телесного и он же помогает постигать откровения Библии. Сам разум без откровения не может познать сущность мира, ибо впадает в противоречия: деист Вольтер выдумывает Бога,

Библиотека "Руниверс"

материалист и детерминист Дидро его отрицает, индетерминист Руссо видит Бога в каждом творении.

Отдавая религии преимущество перед наукой, Шварц все же науку не отрицал, считая ее даром, ниспосланным от Бога, пользуясь которым человек делается способным привлекать других людей к Богу. Шварц подчеркивал, что наука, не просветленная христианством, обращается во зло. Только Библия, по мнению Шварца, может дать ответы на все метафизические вопросы и через любовь к Богу обеспечить победу над плотью и возможность обрести жилище вечное.

Но бурная деятельность на ниве просвещения продолжалась у Шварца недолго. В 1782 г. вернулся из-за границы куратор университета И. И. Мелиссино, возглавлявший созданное в 1771 г. Вольное Российское собрание, влачившее под руководством А. А. Барсова жалкое существование. Сравнение с деятельностью Дружеского ученого общества было явно не в пользу Вольного собрания, и Мелиссино предложил объединить оба общества в одно, намереваясь встать во главе его. Однако Шварц, ссылаясь на разные задачи этих двух объединений, отказался, чем навлек на себя гнев куратора университета. В конце концов Шварц, мотивируя состоянием здоровья, был вынужден подать в отставку, при этом он добился разрешения читать лекции у себя на дому «столько, сколько позволит здоровье». С 3 сентября по 31 декабря 1782 г. он по воскресеньям прочитал 17 лекций «о трех познаниях: любопытном, приятном и полезном», а с 17 августа по 5 апреля 1783 г. прочитал еще курс «философской истории». Лекции Шварца Мелиссино расценил как опасную пропаганду масонства. И хотя Шварц всегда старался подчеркивать свою приверженность вере Христовой, основания подозревать Шварца в неправославии были, ибо постоянное подчеркивание важности Библии как основного источника знаний о Боге расходилось с убеждением православных богословов о значении святоотеческих традиций и Церкви как главных источников всех знаний о Боге. Как бы то ни было, притеснения со стороны Мелиссино и слабое здоровье сделали свое дело. В январе 1784 г. на 33 году жизни Шварц скончался.

Библиотека "Руниверс"

«Влияние этого человека в Московском университете, где он тогда же сделался профессором (1779),– пишет П. Н. Милюков,– сравнивали с влиянием Грановского. Но еще сильнее, чем влияние Шварца на университетскую аудиторию, было действие его дружеских бесед – если, впрочем, забыть, что он владел несомненным даром дружескую беседу превращать в профессорскую лекцию, а из лекции делать дружескую беседу. В этом тесном кружке друзей, который постепенно расширялся в более широкий круг поклонников и последователей, скорее можно бы было сравнить влияние Шварца с влиянием другого знаменитого представителя тридцатых годов, Станкевича. Столь же тонко организованная и благородная, но несомненно более пылкая натура, чем Станкевич, Шварц был таким же идейным и нравственным оракулом своего кружка, среди которого гораздо резче выдавался своими знаниями и образованием»[43].

А вот один из слушателей лекций Шварца замечает: «Сила, с которой он говорил, смелость (скажу даже безрассудная дерзость), с которой он, невзирая ни на что, бичевал политические и церковные злоупотребления, были удивительны, и не раз боялся я, что ему начнет мстить духовенство, и в особенности монашествующие, которых он при всяком удобном случае выставлял самым безжалостным образом»[44].

В свете этих мнений о Шварце диссонансом выглядит высказывание Г. Г. Шпета, который в своем «Очерке развития русской философии» называет Шварца «добродетельным, но неглубоким профессором», который «со своими учениками ходил даже не около философии, а лишь около метафорических излияний страстного ко Христу Бёме»[45]. Правда, В. В. Зеньковский справедливо замечает, что у Шпета к университетской философии этого периода «неисторический и тенденциозный подход» и что

[43] *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 3. М., 1995. С. 356–357.

[44] Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII века. Перевод с немецкой рукописи, хранящейся в Московском Румянцевском музее // Русский архив. 1874. Кн. 1. С. 1035.

[45] *Шпет Г. Г.* Сочинения. М., 1989. С. 75.

Библиотека "Руниверс"

«неверно говорить, как это находим мы, например, у Шпета, что «университетские профессора XVIII в. лишь забавлялись (!) около философии»[46].

Кроме Аничкова, Шадена, Шварца лекции по философским дисциплинам в последние десятилетия XVIII века читали также Е. Б. Сырейщиков, Д. Н. Синьковский, М. М. Снегирёв и А. М. Брянцев.

В 1779–1784 гг. наряду с правилами российского слога и славянским языком преподавал логику и нравоучительную философию Евгений Борисович Сырейщиков, выпускник университета. Он поступил в Московский университет в 1770 г. и окончил курс наук под руководством своего родственника, профессора красноречия А. А. Барсова. С 1779 г. Е. Б. Сырейщиков стал преподавать в университетских гимназиях правила российского слога, славянский язык, логику и нравоучение, а вскоре стал еще и переводчиком и издателем университетской газеты «Московские ведомости». За добросовестное исполнение своих обязанностей и успехи в преподавании наук он был произведен в звание экстраординарного профессора логики и нравоучения. Надо сказать, что нравоучительная философия в то время по своему предмету была значительно шире современной этики. В курсе нравоучительной философии излагалось право естественное, включавшее в себя рассуждения о должном отношении человека к Богу, к своей душе и телу, к друзьям и недругам, к собственности и законам. Нравоучительная философия содержала и практические советы о семейных взаимоотношениях, о принципах ведения домашнего хозяйства, об отношении к государству и его различным органам, т. е. она учила человека жить в обществе и объясняла его обязанности в общежитии. Включала она и некоторые аспекты социальной философии, разъясняя содержание понятий государство, общество, семья и т. п.

Сырейщиков оставил университет в 1784 г. в связи с переездом его в Санкт-Петербург, где он стал работать в Комиссии Главного народного училища преподавателем российской

---

[46] *Зеньковский В. В.* История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 1. С. 117, 118.

Библиотека "Руниверс"

словесности в учительской гимназии. В этой должности в 1790 г. он и скончался.

Еще до поступления в университет он перевел с немецкого и в 1767 г. издал книгу «Крестьянка философка или приключения графини Де» (2-е издание вышло в 1788 г.), а также перевел с французского «Свойства дружества» (М., 1775). В 1784 г. была издана написанная им «Российская грамматика», а после переезда в Санкт-Петербург он помимо преподавательской деятельности редактировал вместе с Зуевым издаваемый Комиссией Главного народного училища ежемесячный журнал «Растущий виноград», в котором в 1785 г. опубликовал свои переводы из Тацита.

В 1786–1792 гг. профессором логики и нравоучительной философии был Дмитрий Николаевич Синьковский. Он родился в селе Синьково Дмитровского уезда Московской губернии. После окончания Переславской семинарии в 1762 г. поступил в Московский университет, где слушал философские лекции И. Г. Фроммана, юридические Ф. Г. Дильтея, филологические А. А. Барсова. Еще будучи студентом университета, он с 1765 г. был назначен преподавателем в историко-географический класс гимназии, но через два года обстоятельства вынудили его покинуть Москву и переехать в Переславль, где он стал учителем латинского языка. В 1776 г. Д. Н. Синьковский возвратился в Москву и был определен учителем латинского и греческого языков в университетских гимназиях. Успешно выдержав экзамен на степень магистра свободных наук в 1786 г., он был произведен в звание экстраординарного профессора логики и нравственной философии, а через три года стал ординарным профессором философии. Как отмечают «Объявления о публичных учениях в имп. Московском университете, преподаваемых в университете и обеих гимназиях оного» Дм. Синьковский с 1787 г. читал в обеих гимназиях «правила логики и моральной философии по руководству Гейнекциевых оснований умственной и моральной философии»[47], а с 1791 г., говорится

[47] В те годы наряду с учебниками Баумейстера использовался и учебник И. Г. Гейнекция «Основания умственной и нравоучительной философии обще с сокращенною историею философическою». М., 1766.

Библиотека "Руниверс"

в «Объявлениях...», Дм. Синьковский «по прочтении истории философии на российском языке преподавать будет умственную философию им самим сочиненную, а нравственную по руководству Гейнекциеву». Преподавательская деятельность Д. Н. Синьковского продолжалась недолго: в 1792 г. из-за повторяющихся болезненных припадков он был вынужден прекратить работу и вскоре скончался.

Он перевел с латинского и издал два учебника Ф. Х. Баумейстера: в 1788 г. была издана «Нравоучительная философия, содержащая естественное право, этику, политику, экономию и др. вещи, для знания нужные и полезные», а в 1789 — «Метафизика»[48].

Подготовленная им в 1789 г. для торжественного собрания речь «Слово о вероятном познании нравов человеческих по некоторым знакам» из-за болезни не была им прочитана. А в этой речи он подчеркивал необходимость познания самого себя, своих душевных сил, ссылаясь при этом на Фалеса. Познав себя, писал он, легче познать и других. А в познании других необходимо обращать внимание на выражение лица, походку, отношение к родителям и домашним и другие наружные приметы, что и делали при отборе своих учеников Сократ и Пифагор. Синьковский пишет: «Плиний старший говорит: *сердце наше обитает в очах*; и по мнению также самого Цицерона, *лицо и чело есть дверь души нашей, а глаза суть указатели мыслей*»[49]. Ссылается он также и на церковных писателей, которые по наружным признакам узнавали душу.

Он подготовил также с многочисленными исправлениями и дополнениями «Полный латинский Геснеров лексикон с российским переводом...», изданный уже после его смерти в 1795 г.

С 1796 по 1810 г. преподавал логику и нравоучительную философию выпускник университета Михаил Матвеевич

---

[48] По сути это был исправленный перевод первого издания «Метафизики» 1764 г., который был сделан Александром Павловым.

[49] Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского Университета русскими профессорами оного, с краткими их жизнеописаниями. Ч. II. М., 1820. С. 210.

Библиотека "Руниверс"

Снегирёв. В 1783 г. после окончания курса философских и богословских наук в Троицкой Лавре под руководством митрополита Платона он поступил в Московский университет, по окончании которого в 1789 г. произведен в магистры философии и свободных наук и определен в гимназию учителем высшего русского класса. В 1796 г. М. М. Снегирёв был возведен в достоинство экстраординарного профессора логики и нравоучительной философии. В 1810 г. он стал ординарным профессором церковной истории и истории философии, а с 1817 г. и до своей кончины в 1820 г. стоял во главе кафедры естественного, политического и народного права. В 1813–1815 гг. был деканом отделения нравственных и политических наук (или этико-политического отделения, как иногда это отделение называли). Философских сочинений он не оставил. Опубликована только его речь «Слово о пользе нравственного просвещения, произнесенное июня 30 дня, 1797 года» в честь тезоименитства императора Павла Первого и перевод «Иудейских писем к Вольтеру» в 6-ти частях. В своей речи он отметил, что просвещение есть «самое истинное и чистое познание предметов» и «на просвещении ума и сердца основывается истинное и чистое нравоучение, которое есть средоточие не только всей философии, но и всей учености. С его познанием (т. е. с познанием нравоучения.— *А.П.*) нераздельно познание человека»[50].

Дольше других преподавал философию в университете ученик и сподвижник Аничкова Андрей Михайлович Брянцев. Он был сыном бедного церковнослужителя, рано остался сиротой, но в семилетнем возрасте был записан в Вологодскую семинарию, по окончании которой пешком направился в Москву и поступил в Славяно-латинскую академию (с 1775 г. она получила название Славяно-греко-латинская академия, а в 1814 г. преобразована в Московскую духовную академию). В 1770 г. он окончил академию, но уклонился от получения священ-

[50] Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского Университета русскими профессорами оного, с краткими их жизнеописаниями. Ч. III. М., 1821. С. 154.

Библиотека "Руниверс"

ного сана и поступил студентом в Московский университет. Он прослушал курс юриспруденции у Дильтея, естественной истории у Афонина, физики и математики у Роста, философию нравственную и умозрительную изучал под руководством Шадена и Аничкова, с английскими философами познакомился по-английски у Десницкого, самостоятельно выучил языки французский, немецкий, итальянский.

В 1779 г. А. М. Брянцев стал в гимназии учителем латинского синтаксического и греческого этимологического классов. В 1784 г. ему поручили должность ефора[51] над учением казенных учеников и студентов. Кроме древней словесности преподавал он и славянскую словесность. В 1787 г. он сдал экзамены и защитил диссертацию «О критерии истины» на звание магистра философии и свободных наук и в 1788 г. после кончины Д. С. Аничкова занял кафедру философии в качестве экстраординарного профессора, а с 1795 г. стал ординарным профессором логики и метафизики. Вплоть до своей смерти в 1821 г. он читал курсы логики, метафизики, нравоучительной философии, психологии и истории философии, он знакомил слушателей с философией Декарта, Лейбница, Бильфингера, Мендельсона. Одним из первых в России он стал изучать философию Канта и знакомить с ней студентов. В 1818–1819 гг. Брянцев был деканом отделения нравственных и политических наук.

Как сказано в его жизнеописании, «господствовавшая тогда в школах вольфианская философия не удовлетворяла изыскательного его ума; он находил неосновательность в *Баумейстеровых определениях*, которые прежде должен был учить наизусть и которые даже в самих университетах повторялись на кафедрах. Введенный Кантом в философию *критицизм* подвергавший начала всего познания строжайшему исследованию, обратив на себя внимание *Брянцева*, заставил его подробно рассмотреть новое учение, подающее надежду к примирению сект философских. Отвлеченность предмета и трудность *кантова* языка не ослабили его ревности в исследованиях; он не щадил

[51] Эфор (*греч.*) — руководитель, наставник, надзиратель.

Библиотека "Руниверс"

усилий, не стыдился, как сам говорил, *снова переучиваться.* По недостатку философского образования нашего языка и по отвлеченности предмета, он должен был для новых понятий составлять новые слова. Хотя сей профессор наблюдал точность и порядок в выражении, но ясность не всегда украшала глубокие его мысли. Если бы счастливейший дар слова достался в удел нашему философу, тогда б от него можно было ожидать важнейших успехов и тогда б вернее можно было определить его достоинства и заслуги в философии»[52].

«На лекциях своих сей профессор был крайне осторожен: не возбуждал вредного для *неискусных* умов сомнения, и при всяком случае когда оно могло невольным образом в них родиться, опровергал его, удаляя их от опасных крайностей; доказывал с *Бэконом,* что поверхностное сведение в философии ведет к атеизму, а *основательное* познание оной утверждает в спасительной вере»[53].

Теоретических исследований Брянцев не оставил, а может быть, они сгорели в Москве во время пожара 1812 г. Известно только, что он издал два учебных пособия по греческому и латинскому языкам (в 1787 и 1798 гг.), а также были опубликованы две его речи в торжественных собраниях «Слово о связи вещей во вселенной, говоренное июня 30 дня 1790 года» и «Слово о всеобщих и главных законах природы, говоренное июня 30, 1799 года».

Можно, однако, предполагать, что философские взгляды А. М. Брянцева развивались в русле просветительских идей. Дошедшие до нас две его речи свидетельствуют о том, что развитие сотворенного Богом мира он рассматривал как закономерный процесс, в котором все подчинено закону причинности. «Слово о связи вещей во вселенной» он начинает с определения понятия «вселенная» и пишет о том, что вселенная не земля

[52] Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Московского Университета русскими профессорами оного, с краткими их жизнеописаниями. Изданы Обществом любителей российской словесности. Часть III. М., 1821. С. 8–9.

[53] Там же. С. 10.

Библиотека "Руниверс"

только, не солнечная система с ее планетами, «но все планеты, все солнца, кратко сказать все ограниченные вещи, и не токмо самые существа, но также определенные сих содержания по времени и пространству; и потому вселенная, как определяют новейшие философы, есть чин всех вещей изменяющихся, как современных, так и одна за другую в бытии своем последующих и взаимное отношение имеющих»[54]. При этом он ссылается на работы античных философов, а также на произведения Лейбница, Вольфа, Бильфингера. То есть Брянцев уже в самом определении вселенной подчеркивает ее безграничность и изменяемость и во времени, и в пространстве.

При условии, что некоторые изменения имеют «причину от воли всевышнего существа», основной род изменений, по Брянцеву, имеет причину «в вещах между собою современных и одна за другою последующих»[55]. По мере удаления от источника изменения, полагал Брянцев, влияние «перемены, где-нибудь учинившейся» постепенно ослабевает и уменьшается. В то же время он подчеркивает, что в природе «нет нигде прерывности», но все взаимосвязано, «везде примечаем,— пишет он,— непрерывный союз, посредством которого одно зависит от другого»[56]. Не ссылаясь прямо на Ломоносова, Брянцев высказывается за закон сохранения материи и движения. «В природе ничего не пропадает,— пишет он,— ни одна пылинка не уничтожается <...> Сколько вещество, по-видимому, уничтожается, столько, с другой стороны, оное преобразуется и обновляется <...> Преобразование и превращение есть дело природы»[57]. Как видим, взгляды Брянцева вписываются в характерное для просветительской философии понимание мира.

Не всегда преподавание философских дисциплин проходило гладко. В истории Московского университета были

[54] *Брянцев А. М.* Слово о связи вещей во вселенной... // Избр. произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. М., 1952. С. 363.

[55] Там же. С. 364.

[56] *Брянцев А. М.* Слово о всеобщих и главных законах природы... // Там же. С. 378.

[57] Там же. С. 382.

Библиотека "Руниверс"

и трагические моменты, связанные с вмешательством властей в учебный процесс. У многих современников остался в памяти трагический случай с отстранением от должности и высылкой из России профессора И. В. Л. Мельманна, закончившийся его смертью. Приглашенный в 1786 г. из Геттингена на должность ректора университетских гимназий, он с 1792 г. после ухода из университета Д. Н. Синьковского занял его кафедру и стал преподавать в университете не только древнюю словесность, но и историю философии. В своих лекциях он знакомил с античной и новейшей философией не только студентов, но и «московский ученый круг». Несмотря на то что «в предмете своем считался знатоком и хорошим преподавателем», говорится в его биографии, «несмотря на свою ученость и другие хорошие стороны, Мельманн нередко, увлекаясь новою философиею, слишком свободно и неосторожно высказывал односторонние и ложные свои убеждения относительно предметов религиозных», за что по распоряжению московского генерал-прокурора А. Н. Самойлова в 1795 г. был отстранен от должности и выслан из России. Поводом для высылки были обвинения его в том, что при изъяснении классических авторов он «вмешивал хулительные и оскорбительные мысли против христианской религии»[58].

Надо сказать, что философские знания студенты получали не только на лекциях по логике, метафизике, этике, но и при изучении греческой и римской словесности и истории. Так, например, профессор красноречия Антон Алексеевич Барсов (ученик Ломоносова, до 1769 г. преподававший математику) при обучении студентов латинскому языку давал «толкование Цицерона, его речей, Вергилия, Горация, изъяснение Ксенофонтовой первой книги о достопамятных делах и разговорах Сократа»[59].

---

[58] См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Ч. 2. М., 1855. С. 46–47.

[59] Объявлеиие о публичных учениях в Императорском Московском Университете, преподаваемых в университете и обоих гимназиях оного с 17 августа 1787 г. по 26 июня 1788 г. (В философском факультете.)

Библиотека "Руниверс"

На юридическом факультете при изучении права тоже давалось философское обоснование юридических норм. В XVIII и XIX вв. в юриспруденции была весьма влиятельной точка зрения на философию как на общую базу юридических норм, которые как частности вытекают из общефилософской основы. Поэтому философия права преподавалась как обязательная составная часть юридического образования. Первыми русскими профессорами права были Семен Ефимович Десницкий и Иван Андреевич Третьяков, которые были посланы на учебу в Глазго, где слушали лекции Адама Смита, получили степени доктора права и, вернувшись в Москву в 1767 г., стали преподавать в университете.

Следуя традициям первого профессора права Московского университета Филиппа Генриха Дильтея, который с 1756 по 1781 гг. читал лекции по всем разделам права и значительное внимание уделял изложению философии права будучи убежден, что в основе всех юридических наук должна лежать определенная философская система, из которой и вытекают частности, Десницкий и Третьяков тоже подчеркивали важность философского и энциклопедического изучения права. Как говорил Десницкий, для успешного законодательства необходимо знание нравоучительной философии, римского права и языков латинского, французского, английского и немецкого.

Третьяков преподавал в университете до своей смерти в 1776 г., а Десницкий подал в отставку в 1786 г. и умер через два года, в 1789 г.

Десницкий оставил немало оригинальных произведений, в которых рассматривал проблемы происхождения государства, семьи, частной собственности. Он стоял вполне на уровне современной ему европейской науки. Происходя из нежинских мещан, он окончил гимназию при Московском университете, затем университет и еще 6 лет обучался в университете г. Глазго, где защитил магистерскую и докторскую диссертации и по возвращении в Россию, после сдачи экзаменов по математике, получил должность профессора права. Обучение в Шотландии способствовало тому, что он очень высоко ценил работы английских мыслителей Гоббса, Смита, Юма, правоведа Блэкстона.

Библиотека "Руниверс"

Разделяя мнение Гоббса о естественном состоянии как войне всех против всех, Десницкий в объяснении причин развития общества и появления государства отошел от договорной теории и стал рассматривать появление властей и государства как следствие развития различных видов неравенства.

В работе «Рассуждение о происшествии преимущества, власти и старшинства в народах, от которых происходит и их правление» Десницкий пишет, что общество развивается естественным путем без всякого предустановленного плана от примитивного состояния ко все более сложному и совершенному. Прогресс человеческого общества сопровождается постепенным развитием и усложнением человеческого труда, с одной стороны, развитием и совершенствованием собственности, с другой, и эволюцией власти к государственному управлению, с третьей.

Фиксируя три вида неравенства: 1) физическое, 2) неравенство в способностях, 3) имущественное, Десницкий пишет, что на самой ранней стадии развития человеческого общества, когда «науки и художества мало известны», люди, обладающие большей физической силой, выносливостью, ловкостью в добывании пищи, в войне, приобретают «великую честь и славу у всех даже до раболепства». «Следовательно,— пишет он,— у таких народов немощный по принуждению поддается сильному и покоряется, опасаясь в противном случае худых следствий, которых он, будучи довольно уверен, с своим сопротивлением иначе всячески миновать не может»[60]. С расширением круга знаний об окружающем мире, предпочтение начинают получать не наиболее сильные физически, а те, кто имеет более острый ум, позволяющий добиваться больших результатов как в познании мира, так и в военном искусстве, и в законодательстве. Таким образом, власть переходит к наиболее способным интеллектуально. С появлением частной собственности власть переходит к наи-

---

[60] *Десницкий С. Е.* Рассуждение о происшествии преимущества, власти и старшинства в народах, от которых происходит и их правление // Избр. произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. С. 212–273.

Библиотека "Руниверс"

более богатым, ибо богатство открывает дороги к «достоинству и чинам». Люди начинают искать покровительство не у сильных физически и не у умственно одаренных, а у богатых. С этого периода берет свое начало государство.

Представления Десницкого об эволюции власти содержат глубокие мысли о роли собственности, которая возникает не в результате насилия, а как продукт естественного развития хозяйственной жизни.

В работе «Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежительства» Десницкий, ссылаясь на Юлия Цезаря и римских историков Тацита и Саллюстия выделяет четыре ступени в историческом развитии общества: звероловство, пастушество, хлебопашество и коммерческое состояние.

Собственность, т. е. право отчуждать вещь по своему произволу «кому кто хочет при жизни и по смерти» возникает тогда, утверждает Десницкий, когда появляются предметы, в которых вложен свой *личный труд*. Ни при звероловстве, ни при пастушестве не было предметов, которые были бы результатом личного труда. Такие предметы появляются в период хлебопашества. Появление собственности Десницкий связывает не с насилием, а с вложенным в объект собственности трудом. С появлением художеств и рукоделия развивается торговля, и общество вступает в коммерческое состояние. На этой стадии право собственности получает свою законченную форму. Раскрывая естественное развитие права собственности, Десницкий не осуждает собственность, а, напротив, считает частную собственность главным стимулом общественного развития.

Исторический подход проявляет Десницкий и при исследовании происхождения моногамной семьи. В работе «Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества...» он опровергает господствовавшее представление об извечном существовании моногамной семьи и показывает, что и семейные отношения развиваются в зависимости от развития хозяйственных отношений. «Не столько любовь обоего пола взаимная,— замечает Десницкий,— сколько происходящая от общения мужа

Библиотека "Руниверс"

и жены польза была причиною первоначального порядочного супружества»[61].

На стадии звероловства, пишет Десницкий, постоянной семьи не было, так как в тот период все необходимое для жизни добывалось с большим трудом, а женщина «по слабости своего сложения» скорее отягощала мужчину, чем служила ему помощницей. В период пастушества накопились некоторые средства, и «жены при сем начале,— пишет Десницкий,— для хозяйства оказались полезными, и сия первая происходящая от них польза была первым введением супружества»[62]. Но это была еще не моногамная семья, а положение жены мало чем отличалось от положения рабынь. В период хлебопашества и оседлого образа жизни женщина становится помощницей мужчины по домоводству и возникает парная семья. Но полигамия была окончательно изжита, по мнению Десницкого, только с установлением «высочайшего состояния — коммерческого». В этот период женщина становится наравне с мужчиною, а в некоторых случаях даже превосходит его в результате роста хозяйственной независимости, а также в результате просвещения нравов. Как видим, Десницкий совершенно не связывает семейные отношения с религиозными убеждениями. Для XVIII столетия такие взгляды были весьма оригинальными и носили в целом прогрессивный характер.

Побудительные мотивы деятельности людей он видел в честолюбии, эгоизме и других «натуральных чувствованиях». Человек, по Десницкому, существо биологическое и выделился из животного мира благодаря разуму. Поэтому общественный прогресс он выводит из природного свойства человека стремиться к более высоким формам жизни. Выгода и польза — вот главные силы общественного прогресса, по Десницкому.

Во взглядах на происхождение религии Десницкий разделяет точку зрения Аничкова о страхе и невежестве как причинах, породивших веру в сверхъестественное и богов. Десницкий не отрицает религии, пользу которой он видит в укреплении моральных устоев общества.

---

[61] Там же. С. 262.

[62] Там же. С. 261.

Библиотека "Руниверс"

Говоря о Московском университете в первые полвека его существования, нельзя обойти молчанием деятельность Николая Ивановича Новикова, который не преподавал в университете, но, арендуя в 1779–1789 гг. университетскую типографию, издавал журналы и большое количество книг по философии. На долю его типографии приходилось около трети всех книг, издававшихся в России в эти годы. Новиковым были изданы сочинения Феофана Прокоповича и Антиоха Кантемира, а также переводы произведений Вольтера, Паскаля, немецкого мистика начала XVII в. Якоба Бёме, Лессинга, Локка и многих других философов.

Новиков был убежден, что «причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенство — знание», а потому сделать жизнь всех людей счастливою можно путем распространения знаний.

Просветительская деятельность Новикова оказывала очень сильное влияние на московское студенчество. Однако в конце 80-х гг. Екатерина II заподозрила масонов в контактах с Павлом и, опасаясь дворцового переворота, завела на масонов гонения. В 1789 г. у Новикова была отобрана типография, а в 1792 г. он и сам по распоряжению императрицы был заточен в Шлиссельбургскую крепость и был выпущен из нее только после восшествия на престол Павла I в 1796 г.

Подводя итоги рассмотрения преподавания философии в Московском университете в первые полвека его существования, т. е. в 1755–1804 гг. следует выделить следующие положения.

1. Философия (то есть логика, метафизика с включением в нее истории философии, нравственная философия) преподавалась на философском факультете для всех студентов университета, поскольку философский факультет выполнял функции подготовительного и три года на нем должны были заниматься все студенты до перехода их на медицинский и юридический факультеты.

2. Изложение философских проблем велось по учебникам, написанным с позиции философии Христиана Вольфа, который был наиболее ярким последователем и систематизатором

Библиотека "Руниверс"

философии Лейбница. Таким образом, лейбницианство преобладало в Московском университете в течение всего XVIII в., хотя в общественном сознании во второй половине XVIII в. были весьма распространены идеи французского просвещения, в которых преобладали материалистические и деистические направления, а среди университетских преподавателей большим вниманием пользовались произведения Бэкона и Локка.

3. Философские знания давали не только профессора философии, но профессора греческой и латинской словесности, поскольку изучение античной литературы велось и по произведениям философского характера, в частности, изучались работы о взглядах Сократа, речи Цицерона и другие произведения античных авторов, содержащие философские идеи.

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Философия в университете в первой половине XIX века

Преобразования в системе просвещения в начале царствования Александра I.— Университетский устав 1804 г.— Профессор И. Ф. Буле и профессор Х. Е. Рейнгард как преподаватели философии.— Гонения на философию в России.— Преподавание философских дисциплин в университете после 1812 г.— Профессор философии А. М. Брянцев.— Неудачная попытка И. И. Давыдова занять кафедру философии.— Университетский устав 1835 г.— Московский университет без лекций по философии.— Философское влияние профессоров нефилософских кафедр М. Г. Павлова и Н. И. Надеждина.— Адъюнкт М. Н. Катков на кафедре философии.— Ликвидация кафедр философии в российских университетах.

С восшествием на престол Александра I в университетском образовании в России наметились серьезные положительные сдвиги, которые привели к значительному расширению возможностей для получения университетского образования.

Манифестом от 8 сентября 1802 г. были учреждены 8 министерств, в том числе Министерство народного просвещения, и Московский университет из подчинения Сенату перешел в ведение вновь созданного министерства. Рядом указов в 1802–1804 гг. были учреждены новые университеты. В 1802 г. Главная школа Великого княжества Литовского была преобразована в Виленский университет. В том же году для лютеран прибалтийского края университет был открыт в Дерпте. В 1803 г. Министерство народного просвещения создало в стране 6 учебных округов во главе с попечителями, которым было поручено организовать во всех губернских городах гимназии, а в уездных — уездные училища. Руководить всей системой просвещения должны были университеты, и в 1804 г. министерство утвердило устав Московского университета, который стал и уставом для вновь создаваемых университетов в Харькове и Казани. Уставом 1804 г. были

Библиотека "Руниверс"

ликвидированы гимназии при Московском университете (поскольку создавались гимназии в губернских городах, а при университете с 1779 г. действовал благородный пансион)[1]. Для подготовки учителей при университетах создавались учительские (или Педагогические) институты и Училищные комитеты для управления и инспекций всей создаваемой системы просвещения.

Устав 1804 г. был довольно демократичным. По уставу ректор избирался общим собранием профессоров и утверждался императором, деканы избирались тоже собранием профессоров и утверждались министром народного просвещения. Согласно новому уставу вместо трех факультетов было образовано четыре отделения: нравственных и политических наук, физических и математических наук, медицинских наук, словесных наук. Кафедра философии и чтение философских курсов предусматривались только на отделении нравственных и политических наук. Таким образом, если до 1804 г. философские дисциплины — логика, метафизика, нравоучительная философия — преподавались на философском факультете и являлись предметами общеобразовательного цикла наряду с математикой, физикой, историей, красноречием, то по университетскому уставу 1804 г. философский факультет, как факультет общеобразовательный, предметы которого обязательны были для всех студентов университета, был ликвидирован, и кафедра умозрительной и практической философии была оставлена только на нравственно-политическом отделении. Словом, студенты отделения словесных наук, отделения физико-математических наук и медицинского отделения были освобождены от необходимости знать философию. Так в самом начале XIX века философия в России стала обязательной дисциплиной для студентов гуманитарных специальностей,

[1] В 1806 г. в здании Московского университета была открыта академическая гимназия с 4-летним сроком обучения для подготовки ежегодно 15 человек для поступления в университет. Обучение в гимназии было бесплатным, но в 1812 г. она перестала существовать и после войны уже не была восстановлена.

Библиотека "Руниверс"

хотя вся история философии свидетельствует о ее теснейших связях с естественно-научным знанием[2].

Но как бы ошибочен ни был этот шаг университетской реформы 1804 г., в целом создание новых университетов и новых философских кафедр, конечно, значительно расширяло круг людей, знакомившихся с философскими проблемами. Особенно повезло Московскому университету, где попечителем Московского учебного округа был назначен Михаил Никитич Муравьёв. Он был выпускником университета, воспитателем великих князей Александра (будущего императора) и его брата Константина, сенатором, товарищем министра народного просвещения и одновременно стал и попечителем Московского учебного округа, а следовательно, и университета. М. Н. Муравьёв был из тех русских деятелей просвещения, которые не разделяли мнения, что именно философы и писатели Франции привели ее к революции. Поэтому он пригласил в Московский университет профессоров философии из ведущих германских университетов.

Среди одиннадцати приглашенных М. Н. Муравьёвым немецких профессоров двое были специалистами в области философских наук. Это профессор Кельнского университета Филипп Христиан Рейнгард и профессор Геттингенского университета Иоганн Готтлиб Герхард Буле.

Иоганн Готтлиб Герхард Буле (в России его звали Иван Феофилович) родился в Брауншвейге в семье придворного

---

[2] Почти столетие спустя Владимир Иванович Вернадский, сокрушаясь по поводу такого отделения философии от естественных наук, писал: «Наука и естествознание вне философии и вне влияния метафизических систем, вне всякого к ним отношения существовали и существуют только в человеческой фантазии. Как исторический факт человеческого сознания они всегда — в своих основах — находятся в тесном общении с философией». А между тем в нашей стране, с горечью отмечал Вернадский, «рамки академического преподавания отделяют стеной — почти непреодолимой — лиц, изучающих науки естественные и математические, от тех, которые близки историческим, философским научным дисциплинам. Мало того, условия русской жизни дали целым поколениям образование, ставящее во все периоды их умственной жизни естествознание вне области их мышления» (*Вернадский В. И.* Труды по философии естествознания. М., 2000. С. 53, 50).

Библиотека "Руниверс"

хирурга, прошел курс обучения в Брауншвейгской гимназии Св. Екатерины, затем в Каролингском коллегиуме и в Геттингенском университете, где изучал философию и богословие. В филологической семинарии при Геттингенском университете он изучил языки — еврейский, греческий, латинский и основные европейские. В 1786 г. он защитил диссертацию на степень магистра философии по философии Аристотеля и на следующий год получил место экстраординарного профессора философии в Геттингенском университете. В период работы в Геттингенском университете И. Ф. Буле стал выдающимся знатоком Аристотеля и взялся за издание всех сочинений Аристотеля с переводом их на латинский язык и многочисленными примечаниями. Сложность такого издания заключалась в том, что подлинные сочинения Аристотеля необходимо было отделить от всех приписываемых, но не принадлежавших перу Аристотеля работ.

На предложение М. Н. Муравьёва занять кафедру философии И. Ф. Буле ответил, что место профессора изящной литературы и изложения древних историков было бы для него желательнее, ибо должность преподавателя спекулятивной философии не позволит ему заинтересовать слушателей. Буле еще в бытность свою в Геттингенском университете доказывал, что чтение философских курсов требует соответствующей подготовки слушателей, а на хорошую подготовку студентов Московского университета он не надеялся, поэтому по приезде в Москву он был определен на кафедру теории изящных искусств и археологии словесного отделения. Через год он занял еще и кафедру естественного, публичного и народного права на отделении нравственных и политических наук.

В ноябре 1804 г. И. Ф. Буле прибыл в Москву и очень скоро убедился в способностях московских студентов воспринимать философскую проблематику. Уже с 1805 г. Буле стал преподавать критическую метафизику, право естественное, публичное и народное, кроме того, читал приватные лекции по философии, о греческой и римской литературе, по истории и теории изящных искусств. С 1807/1808 учебного года он стал читать логику и опытную психологию, историю философии, в курсе которой знакомил своих слушателей с античной философией,

Библиотека "Руниверс"

излагал идеи Спинозы, Гельвеция, Гольбаха, особое внимание уделял изложению и разбору философских систем Канта и Фихте, одним из первых в России начал знакомить студентов с философией Шеллинга. Свои лекции он читал и на латинском языке, и на французском. С 1808 г. он стал излагать историю изящных искусств в России, начиная с литературы древней Руси. На следующий год темой его лекций стала история живописи, скульптуры и архитектуры у египтян, греков, этрусков и римлян[3]. В числе слушателей Буле были А. С. Грибоедов, П. Я. Чаадаев, И. Д. Якушкин, И. И. Давыдов. С октября 1808 г. И. Ф. Буле занял должность директора Педагогического института и на следующий год был утвержден членом Училищного комитета. В 1810 г. он был избран деканом словесного отделения и находился на этом посту до ухода из университета.

Усилиями И. Ф. Буле с 1805 по 1807 г. издавались на русском языке «Московские ученые ведомости», в которых информацию о вышедших в свет научных работах давал почти исключительно Буле. В своих письмах М. Н. Муравьёву он жаловался, что в профессорах мало находит содействия своему изданию. Кстати, предпринятое им в эти же годы издание «Журнала изящных искусств» прекратилось уже на третьем номере. В Москве Буле предпринял издание по истории русской литературы и выпустил в свет первый том под названием «Опыт критической литературы русской истории», но продолжить задуманное издание не смог. Московский университет обязан Буле также и устройством университетской библиотеки, которая до него не имела ни алфавитного, ни предметного каталога.

В 1811 г. И. Ф. Буле был приглашен быть библиотекарем великой княгини Екатерины Павловны и чтение лекций в Московском университете прекратил. В 1814 г. И. Ф. Буле отправился с великой княгиней в Любек, получил в августе отставку и вернулся на родину, где получил кафедру в Каролингском

[3] Как и в первые полвека существования университета, тематика читаемых профессорами курсов не всегда соответствовала профилю кафедры, на которой числился профессор, и, как правило, лекции профессоров носили энциклопедический характер.

Библиотека "Руниверс"

коллегиуме в Брауншвенге. В 1821 г. он заболел и 11 августа скончался.

Многочисленные сочинения И. Ф. Буле были изданы еще до приезда его в Россию на немецком и латинском языках, в переводах на русский язык его статьи публиковались в «Московских ученых ведомостях» в 1805–1807 гг. и в «Журнале изящных искусств» в 1807 г. В переводе на русский язык опубликованы его программы лекций. 30 июня 1806 г. он выступил на торжественном собрании Московского университета с речью «О лучшем способе, как писать можно историю тех народов, кои по общему мнению, прежде девятого века населяли, или переходили российские, особенно южные земли». В 1807 г. И. Ф. Буле издал «Рассуждение о древнейшей русской живописи».

Еще один приглашенный в университет для чтения философских курсов профессор Филипп Христиан Рейнгард (Христиан Егорович, как его звали в России) был сыном пастора Вюртембергского королевства, обучался в Тюбингенском, Иенском и Марбургском университетах и получил в Кельнском университете звание профессора политической и ученой истории. В 1803 г. он был определен в Московский университет ординарным профессором практической философии, истории философии и естественного и народного права. Он читал лекции по своим собственным текстам на латинском, французском или немецком языках. Кроме лекций по практической философии, истории философии и по праву естественному и народному, он читал также лекции по этике и ее истории, по истории европейских государств, истории науки в XVIII в. Будучи, как и Буле, сторонником кантовских идей, он критиковал идеи французского Просвещения, хотя и не избегал их объективного изложения. В 1807 г. в переводе на русский язык был издан его учебник «Система практической философии», а уже после его смерти в Казани в 1816 г. вышел в свет его учебник по естественному праву, который содержал в себе не только собственно так называемое «естественное право чистое», но и право прикладное, т. е. право частное, публичное и народное. Рейнгард критически относился к теории общественного договора, полагая, что в основании гражданского

Библиотека "Руниверс"

общества должна лежать идея «первоначального закона», и вообще не разделял идеи французского Просвещения. Эти два учебника Х. Е. Рейнгарда в начале XIX века активно использовались при чтении лекций в университетах. Лекции Рейнгарда пользовались популярностью у студентов, среди которых были П. Я. Чаадаев, будущие декабристы И. Д. Якушкин, Н. И. Тургенев, А. З. и Н. М. Муравьёвы. В студенческом дневнике Н. И. Тургенева есть запись от 7 мая 1808 г. о лекциях Рейнгарда: «Эти лекции мне нравятся более всех, а в особенности История философии очень меня занимает».

О том, что философские лекции Рейнгарда и Буле хорошо воспринимались московскими студентами, кроме дневниковой записи Н. И. Тургенева говорят и воспоминания младшего брата профессора греческой и римской словесности Р. Ф. Тимковского Евгения, который отмечал: «Между немцами я уважал более всех ученого и отменно доброго профессора практической или нравственной философии Рейнгарда и Буле, профессора логики и метафизики, истории философии и проч.»[4].

Как и И. Ф. Буле, Х. Е. Рейнгард занимал и административные посты: в 1807 и 1812 гг. он избирался деканом отделения нравственных и политических наук. Он был также членом Училищного комитета и инспектором казенных студентов университета и воспитанников гимназии. В 1805–1806 гг. Ф. Х. Рейнгард издавал ежемесячный журнал «Аврора», в котором публиковались художественные повести и статьи на литературные и исторические темы.

Скончался Ф. Х. Рейнгард от горячки 7 ноября 1812 г. в Нижнем Новгороде, куда был эвакуирован Московский университет во время нашествия Наполеона.

Кроме И. Ф. Буле и Х. Е. Рейнгарда философские лекции на отделении нравственных и политических наук читал А. М. Брянцев. На отделении словесных наук М. М. Снегирёв до 1810 г. читал

---

[4] Из «Воспоминаний Е. Ф. Тимковского» // Киевская старина. 1894. Апрель. Цит. по: *Соловьев И. М.* Российские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып. 1 Университеты до эпохн 60-х годов. СПб., 1914. С. 69.

Библиотека "Руниверс"

антропологию «как введение в философию, с присовокуплением начал логики и других частей философии»[5].

Это было время относительной свободы в преподавании. Устав 1804 г. давал университету права самому решать многие вопросы внутренней жизни, а потому особых стеснений в преподавании философии не наблюдалось, несмотря на то что все профессора должны были читать свои лекционные курсы по опубликованным книгам, представив их предварительно в Совет университета на утверждение. Однако правило это строго не соблюдалось и многие профессора читали свои лекции по собственным записям.

Меняться отношение к философии, а в некотором отношении и к просвещению в целом, стало после 1815 г.

Европейская кампания 1812–1815 гг. серьезно изменила настроения Александра I и его отношение к философии. Он усмотрел источник свободомыслия в той философии, которая преобладала в западноевропейских университетах, а потому и в России отношение к философии стало меняться.

В 1816 г. на должность министра народного просвещения был назначен князь А. Н. Голицын, который с 1803 г. занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода, с 1813 г. руководил Библейским обществом. Под его руководством Министерство народного просвещения было соединено с ведомством духовных дел и образовано Министерство духовных дел и народного просвещения[6], которое повело наступление на преподавание

[5] См.: «Объявление о публичных учениях в Императорском Московском Университете, преподаваемых в университете и обеих гимназиях оного» за эти годы.

[6] В таком виде министерство просуществовало до 1824 г., когда министром был назначен Президент императорской Академии наук А. С. Шишков и министерство народного просвещения было восстановлено в прежнем виде. Это, однако, не означало изменения прежней политики. Например, 17 ноября 1824 г. был подписан указ «О строгом наблюдении, дабы как в изданиях, так и впредь издаваемых сочинениях и переводах, особливо же в преподавании наук, ничего колеблющего веру и благонравие не укрывалось» (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 39. № 30126).

Библиотека "Руниверс"

философии в университетах и вообще на любые проявления вольномыслия и религиозного вольнодумства.

В инструкции Ученому комитету, который создало объединенное министерство в 1817 г., говорилось, что в обязанность Комитета входит проверка всей литературы, которая употребляется в ходе преподавания в университетах. Комитет, говорилось в инструкции, обязан допускать в преподавании только те книги о нравственной философии и умозрительном законодательстве, которые не отделяют нравственности от веры... В преподавании естественных наук отстранять все суетные догадки о происхождении и переворотах земного шара[7].

Кстати, реплики Скалозуба, Фамусова и других персонажей комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» очень точно отражают те умонастроения, которые царили в высшем обществе в эти годы.

В Министерстве духовных дел и народного просвещения росло не только недоверие к философии, но к просвещению вообще, ибо в знании законов природы стали видеть угрозу религиозной вере, угрозу стабильности власти. Поползли слухи о ликвидации всех провинциальных университетов, ибо университеты стали рассматриваться как очаги безверия, умственного разврата и революционных учений. В философских учениях видели только «духовную заразу». Попечитель Казанского учебного округа М. А. Салтыков писал из Петербурга 12 января 1817 г.: «Более нежели вероятно, что за исключением Московского, все остальные наши университеты будут упразднены. Вопрос о закрытии университетов Казанского и Харьковского уже поставлен на очередь»[8].

До закрытия университетов дело не дошло, но по преподаванию философии в 1819–1821 гг. был нанесен сильнейший удар.

Посланный в 1819 г. в качестве попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкий учинил настоящий погром

[7] См.: *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб., 1889. С. 196–197.

[8] *Загоскин Н. П.* История Императорского Казанского университета за первые 100 лет его существования. Т. 2. Казань, 1902. С. 169.

Библиотека "Руниверс"

в университете. Он отстранил от преподавания профессоров философии И. Е. Срезневского и Г. И. Солнцева и назначил вести философские курсы профессора словесности Г. Н. Городчанинова и М. А. Пальмина, которого сам же и уволил в 1823 г. за неспособность вести занятия. В сочиненной им инструкции ректору предписывалось в преподавании философии искать основательнейшего философского учения только «в Платоне и славнейших его последователях», причем профессор философии должен был всегда иметь «в памяти и устах тексты из посланий св. Апостола Павла», дабы у слушателей складывалось убеждение, «что все то, что не согласно с разумом Священного Писания, есть заблуждение и ложь, и без всякой пощады должно быть отвергаемо; что только те теории философские основательны и справедливы, кои могут быть соглашаемы с учением Евангельским: ибо истина едина, а бесчисленны заблуждения» [9].

В только что открытом в 1819 г. Санкт-Петербургском университете назначенный вместо подавшего в отставку С. С. Уварова попечителем учебного округа Д. П. Рунич, вдохновляясь «подвигами» Магницкого, в 1821 г. уволил одиннадцать профессоров и, обвиняя профессора философии А. И. Галича в том, что тот явно предпочитает «язычество христианству, распутную философию — девственной Невесте Христовой церкви, безбожного Канта самому Христу, а Шеллинга — Духу Святому», отстранил его от преподавания за то, что тот «открытое дает предпочтение философии Шеллинга, противной учению Божественного откровения» [10].

Как писал в те годы «Журнал Департамента народного просвещения», «ни древняя, ни новая философия не доставили человеческому роду никакой пользы <...> напротив, во все времена порождали они только заблуждения и сумасброд-

[9] Сборник постановлений Министерства Народного просвещения. Т. 1. СПб., 1864. С. 1210, 1211.

[10] Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835. Пг., 1919. С. 196.

Библиотека "Руниверс"

ство <...> а истинная философия должна быть неразлучна с Евангелием»[11].

Для распространения философских знаний с 20-х гг. в России настали не лучшие времена. Однако в те годы кафедры философии не были закрыты. В 1826 г. Главное правление училищ признало все же необходимым преподавание философии, но преподавать следовало курс, «очищенный от нелепостей новейших философов, основанный на истинах христианского учения и сообразный с правилами монархического правления»[12].

Московскому университету удалось избежать погрома, во-первых, потому что попечитель Московского учебного округа князь А. П. Оболенский, который к тому же был в дружеских отношениях с министром духовных дел и народного просвещения князем А. Н. Голицыным, не хотел никаких потрясений. Во-вторых, само состояние преподавания философии в эти годы не вызывало стремления его изменить. История философии в университете после войны 1812 г. не преподавалась, так что обвинить в пропаганде крамольных идей современной западной философии было некого. Профессор умозрительной и практической философии А. М. Брянцев преподавал теоретическую философию и философию практическую по руководству допущенного министерством учебника немецкого кантианца Ф. В. Д. Снелля. Логику и метафизику он читал по руководству Матерна Рейса. Доктор и адъюнкт философии И. И. Давыдов в 1817/1818 ак. году читал логику и нравственную философию по Снеллю, а когда в 1819/1820 году перед чтением логики сделал «обозрение истории философии», то на этом его лекции по философским дисциплинам вообще были прекращены и ему пришлось переключиться на преподавание латинской словесности и римской древности. На 1821/1822 учебный год лекций по умозрительной и практической философии не планировалось (по-видимому из-за смерти в январе 1821 г. А. М. Брянцева), а адъюнкт Семен Любимов должен был читать логику по руководству Кизеветтера

[11] Журнал Департамента народного просвещения. 1823. Ч. 3. С. 273.

[12] *Рождественский В. С.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 127.

Библиотека "Руниверс"

и изъяснять основания нравоучения по книге Рейнгарда. И дальше вплоть до 1845 г. никаких регулярных занятий по философии не велось. Только в 1823–1826 учебных годах логику на словесном отделении преподавал адъюнкт И. М. Снегирёв, но он числился не по кафедре философии [13].

Кстати, о Брянцеве как преподавателе философии в литературе самые разноречивые мнения. Г. Г. Шпет, например, замечает, что после Буле и Рейнгарда «один бессменный *Брянцев* продолжал еще долго (до 1821 г.) томить философию, совокупляя Вольфа с бесцветным кантианством одного из маленьких, но многочисленных Снеллей» [14]. А вот дипломат, хозяин Московского литературного салона Д. Н. Свербеев в своих «Записках» дает весьма противоречивую характеристику А. М. Брянцева, относящуюся как раз к последним годам жизни профессора. С одной стороны, он пишет, что А. М. Брянцев «преподавал нам неудобоизследимую пучину логики и метафизики. Он всецело принадлежал какому-то допотопному времени, объяснял нам свои премудрости в сухих выражениях, недоступных нашему пониманию». Но с другой стороны, приводит противоположное мнение о Брянцеве поэта, критика, переводчика М. А. Дмитриева. «Он,— т.е. Брянцев, пишет Свербеев,— как уверяли меня впоследствии мои товарищи, продолжавшие изучать философию, был замечательный мыслитель своего времени, немногими понятый и оцененный. Покойный Михаил Александрович Дмитриев, занимавшийся целую жизнь философией, говорил о Брянцеве, что сам всеразрушающий Кант не отрекся бы признать в своем соученике брата о философии» [15]. Не менее лестную характеристику философских познаний А. М. Брянцева дает в своих воспоминаниях профессор римской словесности

[13] См.: Объявление о публичных учениях в Имп. Московском Университете, преподаваемых в университете и обоих гимназнях оного. 1807–1864.

[14] *Шпет Г. Г.* Очерк развития русской философии // Шпет Г. Г. Соч. М., 1989. С. 103.

[15] Цит. по: *Соловьев И. М.* Российские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып. 1. Университеты до эпохи 60-х годов. СПб., 1914. С. 85.

Библиотека "Руниверс"

и древностей И. М. Снегирёв, преподававший в университете в 1815–1836 гг. «Напитанный чтением классических писателей Греции и Рима, проникнутый Священным Писанием,– пишет он о Брянцеве,– он не оставлял изучать философов Англии, Германии и Франции, но изучал с убеждением Бэкона, что “поверхностное знание философии ведет к безбожию, а основательное утверждает в спасительной вере”» [16]. При этом, конечно, следует учитывать, что А. М. Брянцев был товарищем и другом отца И. М. Снегирёва, и вряд ли И. М. Снегирёв допустил бы какие-то негативные оценки близкого их семье человека. Но во всяком случае А. М. Брянцева нельзя упрекнуть в слабом знании своего предмета преподавания. Другое дело, что его внешний вид и привычки выдавали человека прошлого века, что, конечно, не могло привлекать молодежь.

После смерти А. М. Брянцева кафедру философии намеревался занять И. И. Давыдов, человек, по словам С. М. Соловьёва, «бесспорно очень даровитый, способный к многосторонней деятельности, могущий принести большую пользу науке, если бы посвятил ей всего себя; но он посвятил всего себя для удовлетворения одной страсти — честолюбия, и честолюбия самого мелкого» [17].

Иван Иванович Давыдов родился под Тверью в имении отца, небогатого дворянина древнего рода. С десяти лет он был отдан на учебу в Тверское училище для детей бедных дворян, где изучил латинский и еврейский языки. В 1808 г. несколько месяцев проучился в гимназии при Московском университете, а затем поступил в университет, где слушал лекции и на словесном, и на физико-математическом отделении. Под руководством профессора И. Ф. Буле он написал в 1810 г. сочинение «О различии греческого и римского образования», за которое получил золотую медаль. В 1812 г. И. И. Давыдов закончил словесное отделение со степенью кандидата и в 1812/1813 учебном году

[16] Дневник Ивана Михайловича Снегирёва. Т. 2. 1853–1865 и его воспоминания. М., 1905. С. 282.

[17] Из записок С. М. Соловьёва // Вестник Европы. 1907. Апрель. Цит. по: *Соловьев И. М.* Российские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып. 1. С. 163.

Библиотека "Руниверс"

изучал классическую филологию в Казанском университете. По возвращении в Москву в 1814 г. он получил степень магистра словесных наук за диссертацию «О критике в древней филологии», а в 1815 г. получил степень доктора словесных наук за диссертацию «О преобразовании в науках, произведенном Беконом», которая послужила основой его труда «Опыт руководства к истории философии», изданного в 1820 г.

Преподавательскую деятельность И. И. Давыдов начал в 1814 г. в Университетском благородном пансионе сначала учителем русской словесности, а потом чистой математики. В 1815 г. он был назначен инспектором благородного пансиона и стал преподавать логику, нравоучительную философию и историю философии. Оставаясь преподавателем в Университетском благородном пансионе, он в 1817 г. стал адъюнктом профессора философии А. М. Брянцева. В 1820 г. Давыдов был избран экстраординарным профессором, а с 1822 г. ординарным профессором латинской словесности и философии. Философские воззрения И. И. Давыдова, несмотря на увлечение философией Шеллинга (о чем свидетельствуют воспоминания некоторых его современников-профессоров университета), были довольно эклектичны. П. Н. Сакулин писал, что «в философском кубке Давыдова была добрая смесь разных составов, а наверху плавала взбитая пена шеллингианства» [18].

Г. Г. Шпет, уделивший И. И. Давыдову в своем «Очерке развития русской философии» изрядное количество страниц, отмечает в философских воззрениях Давыдова влияние и Канта, и Шеллинга, подчеркивая в то же время, что несмотря на преобладание в его взглядах шеллингианских идей «стойким, как скала, шеллингистом Давыдов, конечно, не был» [19].

Знаменателен эпизод с назначением профессора И. И. Давыдова на кафедру философии Московского университета. После кончины в 1821 г. профессора философии А. М. Брянцева кафедра оставалась вакантной, так как министерство никого на кафедру

---

[18] *Сакулан П. Н.* Из истории русского идеализма. Т. I. Ч. I. М., 1913. С. 44.

[19] *Шпет Г. Г.* Очерк развития русской философии // Шпет Г. Г. Соч. М., 1989. С. 105.

Библиотека "Руниверс"

не утверждало несмотря на то, что в 1821, 1823 и в 1824 гг. Совет университета избирал И. И. Давыдова профессором кафедры философии. Наконец, в 1826 г. министерство дало разрешение начать чтение лекций по философии И. И. Давыдову, который свою вступительную лекцию к курсу философии назвал «О возможности философии как науки». К несчастью, на лекции присутствовал флигель-адъютант его императорского величества, граф С. Г. Строганов, которому в качестве члена Комитета устройства учебных заведений[20] было поручено осмотреть университет на предмет благонадежности в связи с предстоящей коронацией Николая I. Будучи, по словам Е. А. Боброва, «принципиальным гонителем философии, ничуть не уступая в этом отношении ни Магницкому, ни Руничу, ни Карнееву»[21], Строганов нашел лекцию «вредной», ибо направление и дух ее, по его мнению, не соответствовали взглядам правительства на университетское преподавание. Таким образом, судьба философского курса была решена. Министерство на кафедру философии И. И. Давыдова не утвердило и он был вынужден перейти на отделение физических и математических наук[22]. Министерство запретило также и издание подготовленной Давыдовым книги по философии.

---

[20] Комитет устройства учебных заведений (Комитет 14 мая) был учрежден в рамках Министерства народного просвещения для ужесточения контроля над учебными заведениями в целях недопущения настроений, ведущих к смуте. Этот комитет и разработал новый университетский устав, отменявший автономию университетов и усиливавший власть попечителей учебных округов над университетами.

[21] *Бобров Е. А.* Литература и просвещение в России XIX века. Материалы, исследования и заметки. Т. 2. Казань, 1902. С. 216–217.

[22] С 1831 г. И. И. Давыдов занял кафедру российской словесности, в 1843–1847 гг. был деканом историко-филологического отделения философского факультета, а в 1847 г. назначен директором Главного педагогического института в Петербурге. В 1841 г. И. И. Давыдов был удостоен звания ординарного академика отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, а в 1851 г. был избран председателем отделения. В 1850 г. он был назначен членом Главного правления училищ и председателем Комитета рассмотрения учебных руководств. В 1859 г. после закрытия Главного педагогического института он вышел в отставку и был назначен сенатором. Скончался 15 ноября 1863 г.

Библиотека "Руниверс"

В 1830 г. руководство университета сделало доклад в Министерство о разрешении читать в университете курс философии, однако разрешения не было дано, и кафедра философии оставалась вакантной.

В 1835 г. был принят новый «Общий устав Императорских Российских университетов», согласно которому в университетах восстанавливался философский факультет, но уже в составе двух отделений: 1-е отделение — историко-филологическое, в составе которого находилась кафедра философии, и 2-е отделение — физико-математическое, философские курсы в котором не предусматривались. На юридическом и медицинском факультетах философия тоже не была предусмотрена. А в качестве самостоятельной общеуниверситетской кафедры была учреждена кафедра догматического и нравоучительного богословия, церковной истории и церковного законодательства.

Таким образом, положение философии относительно других научных дисциплин не изменилось: преподавание естественнонаучных знаний оплодотворять философскими знаниями не предполагалось.

Кафедра философии в Московском университете оставалась вакантной несмотря на то, что желающих ее занять было немало. Е. А. Бобров в своем исследовании пишет о том, что на кафедру философии Московского университета приглашался из Киевской духовной академии П. С. Авсенёв, подавал заявление преподаватель латыни И. Ф. Гриневич, преподаватель философии в Вологодской духовной семинарии П. И. Савваитов[23]. Мечтал занять кафедру и И. В. Киреевский. 27 ноября 1839 г. Т. Н. Грановский писал Н. Станкевичу: «Иван Киреевский ищет теперь места профессора философии. У него много покровителей, но мешают воспоминания о “Европейце”[24]. Бесспорно, он человек с талантом и может иметь сильное влияние на студен-

[23] См.: *Бобров Е. А.* Философия в России. Материалы, исследования и заметки. Казань, 1901. Вып. IV. С. 193–194; Вып. V. С. 38.

[24] В 1832 г. на третьем номере журнал И. В. Киреевского «Европеец» по указанию Николая I был цензурой запрещен, так как император усмотрел в статье Киреевского «Девятнадцатый век» пропаганду революции и конституции.

Библиотека "Руниверс"

тов; последнее даже верно, потому что он — фанатик и славно говорит»[25]. Стремясь на кафедру И. В. Киреевский даже написал и представил С. Г. Строганову, который в 1835–1847 гг. был попечителем Московского учебного округа, «Записку о преподавании логики»[26]. Но все было тщетно.

Вопреки всем рекомендациям С. Г. Строганов в 1837 г. пригласил на кафедру философии для чтения лекций по логике младшего брата университетского профессора богословия Петра Матфиевича Терновского Ивана Матфиевича, который после окончания с отличием Московской духовной академии и получения степени магистра богословия служил профессором российской словесности и логики в Александрийском сиротском институте. «Усыпительные», по словам А. А. Фета, лекции И. М. Терновского слушались студентами только «ради курьеза и служили источником россказней и анекдотов»[27]. В конце концов из-за жалоб студентов Строганов в 1839 г. предложил Терновскому оставить университет. А кафедра философии так и оставалась вакантной. По всей видимости, избавиться от нелюбви к философии С. Г. Строганов не мог, да и не хотел. А. И. Герцен записывает в своем дневнике 7 января 1844 г.: «Был на днях у графа Строганова <...> “Я,— говорил он,— всеми мерами буду противодействовать гегелизму и немецкой философии. Она противоречит нашему богословию; на что нам раздвоенность, два разных догмата — догмат откровения и догмат науки? Я даже не приму того направления, которое афиширует примирение науки с религией: религия в основе”»[28].

Но несмотря на противодействия попечителя интерес к философии не пропадал. Правда, удовлетворялся этот интерес не профессорами философии.

---

[25] Цит. по: *Бобров Е. А.* Философия в России. Вып. V. С. 38.

[26] Такую записку И. В. Киреевский составил, видимо, потому, что в то время, т.е. в 30-е и 40-е гг., из философских дисциплин в университете преподавалась иногда только логика.

[27] *Бобров Е. А.* Философия в России. Вып. V. С. 207 и 36.

[28] *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30-ти т. Т. 2. М., 1954. С. 324.

Библиотека "Руниверс"

Отсутствие философских курсов не означало, что студенты Московского университета были совсем лишены возможности знакомиться с философскими идеями. Несмотря на фактическое отсутствие преподавания философии после 1821 г., лекции, насыщенные философским содержанием, все же читались и пользовались огромной популярностью у студентов. Особенное значение в этом плане имела преподавательская деятельность М. Г. Павлова, Н. И. Надеждина, П. Г. Редкина, Т. Н. Грановского. Философски насыщенным содержанием отличались и лекции историков М. П. Погодина и П. Н. Кудрявцева, словесника С. П. Шевырёва, правоведов К. Д. Кавелина и Н. И. Крылова. С произведениями античных философов знакомили студентов преподаватели кафедр греческой словесности и древности и римской словесности и древности. Но по воздействию на слушателей своим именно философским содержанием отличались лекции М. Г. Павлова и Н. И. Надеждина. Послушать их лекции приходили студенты всех факультетов, и не только студенты. Их популярность выходила далеко за пределы университета, что еще более увеличивало их влияние на студентов.

Михаил Григорьевич Павлов был профессором физики, минералогии и сельского хозяйства, что не мешало ему в лекциях по этим далеким от философии дисциплинам касаться самых кардинальных философских проблем. Некоторые профессора упрекали его в том, что он сводит физику к чистому умозрению, однако студенты ценили за широту и неординарность взглядов. Павлов в 1815 г. окончил университет по двум отделениям — математическому и медицинскому, защитил диссертацию на степень доктора медицины и был направлен в Германию, откуда вернулся горячим поклонником Шеллинга и Окена. С 1820 г. в должности экстраординарного профессора, а с 1824 — ординарного и вплоть до своей смерти в 1840 г. он оставался кумиром молодежи. Его лекции привлекали такое внимание, что их приходили слушать «даже члены высшего общества». Восторженные отзывы о его лекциях можно прочитать в письмах Белинского и Станкевича, в воспоминаниях Герцена, Надеждина и др.

Библиотека "Руниверс"

Бывший студент физико-математического отделения А. Д. Галахов вспоминал, что М. Г. Павлов «привлекал на свои лекции слушателей со всех факультетов[29]. Переполненная аудитория с напряженным вниманием и в тишине следила за изложением его взглядов на природу, на способы исследования, которое предпослал он как вступление в курсе агрономии»[30]. Причем, привлекали студентов лекции М. Г. Павлова именно своим философским содержанием, которое так контрастировало с сухим изложением голых фактов другими профессорами. П. В. Анненков, например, учившийся на словесном отделении, писал, что часто студенты-словесники «спускались одним этажом ниже, в скромную залу физико-математического и наполняли ее битком. Это было при лекциях М. Г. Павлова, читавшего сперва физику, потом теорию сельского хозяйства и в обоих случаях распространявшего границы своих предметов до включения в них целого философского содержания»[31]. О таком же внимании к философскому содержанию лекций М. Г. Павлова пишет бывший студент отделения нравственных и политических наук Я. И. Костенецкий. «Когда я прослушал первую лекцию Павлова,— пишет он,— то я был необыкновенно поражен, как будто какая-то завеса спала с ума и в голове моей засиял новый свет. Предо мной открылся новый мир идей, новый взгляд на науки <...> одним словом, в первый раз пробудилось мое мышление и я увидел раскрывшуюся предо мной перспективу философских понятий, которая так понравилась моему юному уму. Да, я всегда буду обязан Павлову за мое умственное пробуждение»[32].

Многие мемуаристы отмечают, что именно М. Г. Павлов повлиял на увлечение молодых людей философией. И кружок

---

[29] Очень часто созданные по уставу 1804 г. отделения называли факультетами, поскольку на деле они были факультетами, во главе которых стояли избираемые Советом университета деканы.

[30] Сто один (псевдоним А. Д. Галахова.— *А.П.*). Время высшего образования // Русский вестник 1876. № 6. С. 192.

[31] *Анненков П.В.* Н. В. Станкевич. М., 1857. С. 35–36.

[32] *Костенецкий Я. И.* Воспоминания из моей студенческой жизни. Цит. по: *Каменский З. А.* Русская философия начала XIX века и Шеллинг. М., 1980. С. 255–256.

Библиотека "Руниверс"

«любомудров», и кружок Н. Станкевича, сыгравшие очень важную роль в формировании русской философии, сформировались из молодых людей, испытавших на себе влияние лекций Павлова, которые он читал и в Благородном пансионе, и на физико-математическом отделении (с 1835 г. философского факультета).

Перед М. Г. Павловым стояла задача создать общую теорию природы, т.е. познать мир как целое, в единстве духа и материи. Но как создать общую теорию природы, как найти главную причину всех многообразных видов движения в природе? Ответы на эти вопросы Павлов находит в философии Шеллинга. В ней его привлекла идея органического единства мира, в котором противоречия не нарушают его единства, но служат источником движения. Философия Шеллинга, полагал Павлов, позволяет преодолевать разобщенность и статичность наук о природе, путем умозрения постигать внутреннюю, сущностную сторону предметов в единстве их противоположных сторон. «В умозрительных исследованиях Шеллинга,— писал он,— полярность найдена главной причиной явлений физического мира. Последователи сего философа теорию его проводят через все царства природы с разительным успехом; посему теория Шеллинга имеет право на преимущество перед всеми доселе известными»[33].

Эмпирическое знание, подчеркивал Павлов, не дает возможности познавать мир как единое целое, ибо такое знание дает знание отдельных процессов, явлений, открывает закономерности частных явлений, но без умозрения такое знание неполно. Только умозрение способно дать теорию, которая постигает внутреннюю сущность мира, дает представление о мире в целом. Павлов, подчеркивая преимущество умозрения перед разумением, которое опирается на опыт, говорил о том, что умозрение идет из начал, развитых в уме, идет от мысли, от сущности к ее проявлениям. Но умозрительное познание,

---

[33] *Павлов М.* О полярно-атомистической теории химии. Цит. по: *Каменский З.А.* Русская философия начала XIX века и Шеллинг. М., 1980. С. 225.

Библиотека "Руниверс"

подчеркивал он, становится возможным только при усвоении научных данных. «Если же кто надумает философствовать, не зная наук, его мудрование будет бред, постыдный для ума, вредный для науки». «Философия не только не отвергает эмпирии, напротив, без оной быть не может». Но при этом, отмечает Павлов, и науки без философии «совершенства достигнуть не могут»[34].

На словесном отделении выделялся своими лекциями Николай Иванович Надеждин. Он окончил Московскую духовную академию. Получил степень магистра богословских наук и преподавал в Рязанской семинарии. В связи с болезнью подал прошение о сложении с него духовного звания, в 1830 г. защитил диссертацию на степень доктора этико-филологических наук и в 1831–1835 гг. в звании ординарного профессора кафедры изящных искусств и археологии преподавал в университете логику, мифологию, эстетику, теорию и историю изящных искусств. В 1835 г. по состоянию здоровья вышел в отставку, а в 1836 г. за напечатание в издаваемом им журнале «Телескоп» «Философического письма» Чаадаева был сослан на два года в Усть-Сысольск.

И. А. Гончаров, учившийся в 1831–1834 гг. на словесном отделении, пишет в своих воспоминаниях об уважении и симпатиях студентов к Н. И. Надеждину, который в своих лекциях, «излагая теорию изящных искусств и археологию <...> касался и истории философии»[35]. Вообще философская составляющая в лекциях Н. И. Надеждина была весьма значительной. Не случайно Н. Г. Чернышевский писал в 1855 г., что «Надеждин ввел в наше литературное сознание идеи, выработанные немецкою

---

[34] *Павлов М. Г.* О взаимном отношении сведений умозрительных и опытных. Цит. по: Философия Шеллинга в России XIX века. СПб., 1998. С. 250. См. также: *Каменский З. А.* Русская философия начала XIX века и Шеллинг. М., 1980. С. 225.

[35] *Гончаров И. А.* В университете. Как нас учили 50 лет назад. Цит. по: *Соловьев И. М.* Российские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып. 1. СПб., 1914. С. 128. Чертами Н. И. Надеждина И. А. Гончаров наделил «профессора эстетики» в своем романе «Обыкновенная история».

Библиотека "Руниверс"

философиею»[36]. Учение Шеллинга о противоречивости мира, о центробежных и центростремительных силах послужило для Надеждина основой построения его эстетической системы. Рассуждая о месте идеи в художественном творчестве, о ее вдохновляющей роли в деятельности художника, Надеждин писал, что художественный гений состоит не в подражании, но в соревновании с деятельным духом природы. Но в то же время искусство есть воспроизведение жизни, а поэтому Надеждин выдвигает требование естественности, как правдивости, истинности в воспроизведении жизни. «Искусство во всех своих отраслях должно сделаться полным, светлым отражением народов, среди коих процветает». В искусстве, как и в жизни, Надеждин выделяет центробежное и центростремительное направления сил. Центробежное направление есть исторжение творящего духа самого из себя, а центростремительность это народность искусства, т. е. отражение народного духа в художественном произведении, это «возвращение творящего духа внутрь себя с завоеванными вне добычами»[37]. В философии Н. И. Надеждин писал и видел ту теоретическую основу, которая позволяла рассматривать искусство как важнейшее средство творческого самовыражения.

Профессор Московского университета, академик Ф. И. Буслаев, поступивший на словесное отделение университета в 1833 г., пишет, что лекции Н. И. Надеждина по эстетике «привлекали толпы слушателей из всех четырех факультетов и особенно медиков. Собственно нам, первокурсникам, он читал логику по руководству шеллингиста Бахмана, очень толково, понятливо и ясно»[38]. Как и при чтении эстетических курсов, философия при изложении логики Надеждиным тоже входила в ткань повествования. Читая логику, Н. И. Надеждин вводил в свой

---

[36] *Чернышевский Н. Г.* Очерки гоголевского периода русской литературы // Чернышевский Н. Г. Соч. в 2-х т. Т. I. М., 1986. С. 246.

[37] *Надеждин Н. И.* О современном направлении изящных искусств. Цит. по: *Каменский З. А.* Н. И. Надеждин: Очерк филос. и эстет. взглядов (1828–1836). М., 1984. С. 165, 167.

[38] *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания. М., 1897. С. 123.

Библиотека "Руниверс"

курс философские учения о категориях, о «чистых понятиях» (по терминологии Надеждина), которые «составляли прежде часть метафизики, называемой онтологией. После они были переведены в логику»[39]. Таким образом, логика в изложении Надеждина становилась учением, постигающим не только формы мысли, но и мир в его противоречиях.

Несмотря на огромное влияние М. Г. Павлова и Н. И. Надеждина на пробуждение в студенческой среде интереса к философским проблемам отсутствие систематических курсов философских дисциплин не могло не сказываться на общей философской подготовке выпускников университета. И наконец в 1845 г. министерство утвердило на кафедру философии магистра русской словесности М. Н. Каткова, который с 1845/1846 учебного года стал читать на втором курсе 1-го отделения философского факультета логику, со следующего года на первом курсе еще и психологию, а затем и историю философии[40]. Логику он преподавал также и на юридическом факультете.

Михаил Никифорович Катков был теоретически весьма квалифицированным преподавателем. Во время учебы на словесном отделении в 1834–1835 гг., а затем на историко-филологическом отделении философского факультета в 1835–1838 гг. он испытал сильное влияние профессора М. Г. Павлова, в доме которого он жил. Павлов познакомил его со Станкевичем, и Катков стал активным участником кружка Станкевича. Благодаря прекрасному знанию немецкого языка Катков оказался в лидерах при изучении и толковании гегелевской философии и сблизился с Белинским. В 1841–1843 гг. Катков за границей — в Германии, Франции, Бельгии. Большую часть времени он провел в Берлине, слушая лекции Шеллинга. Он постепенно расстался с настроениями левого гегельянства

[39] *Надеждин Н. И.* Лекции по логике. Цит. по: Философия Шеллинга в России XIX века. СПб., 1998. С. 329.

[40] В какой-то степени представление о его курсе истории философии можно составить по его работе «Очерки древнейшего периода греческой философии», опубликованной в 1853 г. в сборнике проф. Павла Михайловича Леонтьева «Пропилеи».

Библиотека "Руниверс"

и стал верным сторонником шеллингианской «философии откровения». Вернувшись в Россию, он в 1845 г. защитил магистерскую диссертацию и был утвержден на должность адъюнкта по кафедре философии. Его преподавательская деятельность оборвалась в 1850 г. в связи с ликвидацией кафедр философии в российских университетах.

Надо сказать, что о лекциях М. Н. Каткова у его слушателей мнение складывалось неоднозначное. Е. А. Бобров в своем исследовании приводит довольно лестные высказывания о его лекциях ученого — физика Н. А. Любимова, историка литературы А. Д. Галахова, историка К. Н. Бестужева-Рюмина. Последний, например, писал: «Лекции М. Н. Каткова имели в ту эпоху особое обаяние: он излагал нам *стройно и изящно* Шеллингову систему мифологии; все дивились необыкновенному умению сжатыми и резкими чертами наглядно передавать самые отвлеченные представления <...> Из *этих* лекций вынесли мы сознание исторического значения религиозного процесса, его влияния на судьбу и развитие человечества, его первостепенной важности исторической»[41]. А вот литературовед А. Н. Афанасьев, публицист Н. П. Колюпанов, историк-археограф П. И. Бартенев отмечают бессвязность и неясность лекций Каткова по логике. П. И. Бартенев о лекциях Каткова писал: «Психологию на I курсе преподавал он по системе Бенеке, главное положение которой состояло в том, что человек является на свет столь же наг душою, как и телом, и что все дальнейшее развитие зависит от внешних впечатлений и силы в восприятии их. На II курсе прочтено Катковым лишь несколько лекций об истории философии — по Шеллингу с его тремя началами». Причем Бартенев отмечает «довольно смутное изложение» материала Катковым[42].

Вообще, судя по воспоминаниям его современников, М. Н. Катков тяготился педагогической деятельностью. Он часто сказывался больным и не выходил из дома, хотя состояние его здоровья не требовало вмешательства медиков. Он пропускал лекции без всякой видимой причины. И Сергей Михайлович

[41] Цит. по: *Бобров Е. А.* Философия в России. Вып. IV. Казань, 1901. С. 206.

[42] Там же. С. 207.

Библиотека "Руниверс"

Соловьёв, который на Совете университета избирался одновременно с М. Н. Катковым, удивлялся, почему Катков избирался по кафедре философии. «Вероятнее всего потому,— замечает Соловьёв,— что не было другой кафедры свободной. Кафедра была не по нем, как и вообще всякая кафедра была бы не по нем. Как даровитый человек, разумеется, он не мог читать дурно; лекции истории философии возбуждали сочувствие в слушателях, но лекции логики и психологии совершенно напротив: ни один студент ничего не понимал в них, и вина была не на одной стороне студентов»[43].

Как видно из последующей весьма успешной деятельности М. Н. Каткова на поприще журналистики (ведь он стал одним из самых влиятельных издателей и публицистов в эпоху Александра II), ликвидация кафедр философии в 1850 г. для него не стала катастрофой. Но для философского образования, для русской культуры этот акт Николая I был весьма чувствительным.

Попытки ликвидировать преподавание философии в российских университетах предпринимались постоянно на протяжении почти всей первой половины XIX века. И вот в конце 1849 г. Николай I обязал управляющего[44] Министерством народного просвещения князя П. А. Ширинского-Шихматова «представить свои соображения о том, что полезно ли преподавание философии при настоящем предосудительном развитии этой науки германскими учеными и не следует ли принять меры к ограждению нашего юношества, получающего образование в высших учебных заведениях, от обольстительного мудрования новейших философских систем»[45].

---

[43] Там же. С. 210.

[44] 20 октября 1849 г. император согласился сложить обязанности министра народного просвещения с графа С. С. Уварова. Управляющим Министерством был назначен князь П. А. Ширинский-Шихматов, который указом Николая I был утвержден министром 27 января 1850 г. (см.: Журнал Министерства народного просвещения. 1850, Ч. LXV, Отделение I. С. 49).

[45] См.: *Емельянов Б. В.* Запрещение преподавания философии в русских университетах (по архивным материалам) // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. 1. Девятнадцатый век. М., 1989. С. 5–22.

Библиотека "Руниверс"

Я думаю, что целесообразно целиком воспроизвести докладную записку князя П. А. Ширинского-Шихматова об ограничении преподавания философии в российских университетах, которая хорошо показывает, какие аргументы выдвигает управляющий Министерством народного просвещения против отдельных философских дисциплин. Эта докладная впервые была опубликована Б. В. Емельяновым в 1989 г. и с тех пор не публиковалась.

Докладная Ширинского-Шихматова Николаю I:
О преподавании философии.

Вашему императорскому Величеству благоугодно было повелеть мне представить свои соображения о том, полезно ли преподавание философии при настоящем предосудительном развитии этой науки германскими учеными, и не следует ли принять меры к ограждению нашего юношества, получающего образование в высших учебных заведениях, от обольстительных мудрований новейших философских систем? Имею счастье повергнуть на Высочайшее воззрение нижеследующее мнение мое, всеподданнейше донося, что для соблюдения в столь важном деле возможного беспристрастия я принял в основание моих соображений изложение преподавания философии в Санкт-Петербургском университете профессором Фишером, который читает эту же науку в главном Педагогическом институте и в духовной Академии,— профессором, без сомнения, самым благонамеренным из всех преподавателей философии, который не щадит усилий к сближению философии с учением христианской веры.

В объем преподавания философии входят: 1) Логика. В ней, после изъяснения главных законов мышления, сообщаются сведения о правильном составлении понятий, суждений и умозаключений; о систематической форме науки вообще и о разных способах и методах ее построения, о правдоподобных и ложных умозаключениях, об источниках заблуждений и средствах избегать их. Из сего оказывается, что Логика, имея предметом полное систематическое изложение законов мышления и правильных его форм, одинаковых для всякого рода исследования, без различия относится ко всем наукам. Поэтому я не могу не признать, что Логика не только необходима для занимающихся литературою

Библиотека "Руниверс"

и науками, но и полезна всякому образованному человеку, как для упражнения и развития мыслящей способности, так для проверки правильности и последовательности своих мыслей и чужих умствований. 2) Опытная психология, или учение о внутреннем человеке, т.е. прояснение душевной и духовной его стороны посредством тщательного разбора внутренних его деятельностей и состояний. Здесь говорится о способе познания посредством внешнего и внутреннего чувства, о памяти, о воображении, об уме и разуме, о чувствованиях телесных и духовных, преимущественно же о нравственном и религиозном, о средствах к воображению и оживлению двух последних чувств; наконец, о стремлениях человека, о бессознательных влечениях, о сознательных пожеланиях, о произвольных и нравственно свободных поступках, о влиянии темперамента на деятельность воли, об образовании привычек, склонностей и характера, о свойствах различных порывов и страстей, об их происхождении и средствах уклоняться от них, или обуздывать и даже искоренять их. Из сего следует, что Психология служит руководством человека к познанию себя, или, лучше сказать, к изучению самой существенной части бытия его – души. Раскрывая законы и условия духовной деятельности, она может, с одной стороны, доставлять средства к правильному развитию и направлению дарованных нам способностей, а с другой, убеждая нас в превосходстве нашей природы перед всеми земными тварями, приводит к сознанию, что мы призваны к высшей нравственной цели, и в этом отношении заслуживаем одобрения. Но чтобы эта или даже всякая другая наука человеческая могла доставлять нам средства к обузданию и даже искоренению страстей,– в основательности такого притязания да позволено мне будет усомниться. Единственно верное в этом отношении учение, по моему мнению, есть Евангелие, а средства к тому благодать Божия. 3) Теория познания, или исследование об источниках и происхождении человеческого познания, о его отношении к действительности и его пределах. Сюда относится изъяснение идеи истинного, разыскание о достоверности человеческого познания по последнем основании, на котором эта достоверность зиждется, наконец, учение о разумных пределах сомнения, о необходимости веры в Авторитет и об отношении веры к знанию.

Так как эта часть философии содержит в себе ключ к уразумению чрезмерного разъединения и раздробления философских мнений и систем, то преподавателю предстоит немалая труд-

Библиотека "Руниверс"

ность изложить, на основаниях философских, здравое учение, согласное с откровением и не только избежать тех мечтательных и ложных начал, на которых материализм и пантеизм наших времен строит свои системы, но и обличить их ничтожность. Между тем должно заметить, что для проверки знаний и отличения истины от лжи философия не нашла никаких других признаков, кроме согласия понятий наших с предметами и законами мышления. Из сего следует заключить, что при наблюдающем ныне предосудительном духе и направлении философии вообще, преподавание теории познаний не безопасно для юношества, особливо в руках молодого и неопытного профессора, который и сам еще легко может увлекаться обольстительными мнениями, господствующими между известнейшими в этом роде учеными. 4) Метафизика, или учение о сверхчувственном, сколько то доступно человеческому умозрению. Здесь излагается учение о простоте и нематериальности духа, о его нравственной свободе и ответственности за свои действия и о его бессмертии. Потом уясняется идея Верховного существа, присущая всякому разуму и излагается учение о едином личном Боге, как единственно удовлетворяющее разуму и всем высшим нашим потребностям. Наконец, рассматривается вопрос об отношении Бога к миру, о происхождении мира, о его устройстве, сообразном с целью его сотворения и о причинах существования зла в мире. С этим преподаванием метафизики удобно соединяется критический разбор главнейших философских систем (Примечание. В других Высших учебных заведениях последний предмет входит в Историю философии, которая преподается отдельно). Здесь открывается обширное и безграничное поле заблуждениям и злоупотреблению разума, дерзновенно посягающего открыть завесу вечности, созерцать духовный невидимый мир, рассматривать принадлежности Божества, участвовать в тайне творения мира видимого и проникать в непостижимость судеб Божиих в отношении к управлению. Такое посягательство на права небесные не может не сопровождаться по большей части самыми жалкими последствиями, и если не совсем невозможно сохранить умеренность в изысканиях этого рода, то они совершенно бесполезны, если б даже в выводах своих согласовались с учением веры христианской, и чрезвычайно вредны в противном случае; бесполезны, потому что все вопросы, над разрешением которых трудится метафизика, уже окончательно

Библиотека "Руниверс"

решены Божественным откровением, и вредны при разногласии с ним, как ослабляющие и подкапывающие веру в священные истины, дарованные нам самим Богом. При самом благонамеренном преподавании Метафизика, провождая ум по узким и извилистым стязям чрез опасные пропасти материализма, скептицизма, в стремлении своем к чистому учению, согласному с Откровением, доходит не далее Деизма. Что касается до истории философии или критического разбора философских систем, то хоть преподавание их могло бы быть допущено в видах предостережения молодых слушателей от заблуждений, с условием, однако, чтобы опровержения были сильнее доказательств, над которыми трудились великие, хотя и заблуждающиеся мыслители; но как это условие редко может быть выполнено совершенно удовлетворительно, а всякое в столько важном деле упущение оставит по необходимости в неопытных умах семя заблуждения, способное со временем произвесть горькие плоды, то гораздо полезнее и безопаснее вовсе не касаться философских систем. Мне кажется, что сообразнее будет с законами здравого ума закрыть книгу и сказать: вы этого не знаете, нежели изложив систематически заблуждения того или другого философа, нередко с жаром и увлечением красноречия, присовокупить: вы этому не верьте. Другой положительной цели изучения философских систем не может быть кроме приведения человека в согласие с самим собою и с окружающим его миром посредством решения противоречий и сомнений, тревожащих его дух в вопросах о творце, начале вселенной и назначении человека. Но история философии и от Фалеса и Пифагора до Канта и Гегеля не разрешила этих противоречий и сомнений, одно только Откровение разгоняет тяготеющий над человеком мрак недоумений и дарует верующему спокойствие, примиряя его с самим собою, с миром и жизнью. 5) Нравоучительная философия излагается в форме учения о назначении человека. Здесь делается подробный анализ трех главных практических понятий: долга, добродетели и блага. Из самой сущности человека выводится высокое его призвание и в то же время показывается бессилие человека, собственными средствами и без Высшей помощи, достигнуть предназначенной ему цели. Необходимость Откровения и обращение человека к Божественной благодати суть следствие, прямо истекающее из тщательного разбора практической стороны человека. Нравоучительная философия разделяет с Богословским препо-

Библиотека "Руниверс"

данием труд изъяснить человеку его обязанности и просветить его касательно истинного его блага. Здесь показывается также, что все нравственные требования и законы согласны между собою и последовательно выводятся из одного и того же высшего начала. К сему прибавляется критика различных нравственных начал, которые в различные времена были выставляемыми философами, и изъясняется несравненное превосходство, которое имеет пред ними всеми христианское начало любви к Богу. Все, что введено здесь в состав нравоучительной философии, с ее едва ли не слишком преувеличенными притязаниями, исполняет гораздо совершеннее нравоучительное богословие, пользуясь авторитетом небесным. Оно действует не на ум, который так часто в разладе с сокровенными чувствованиями человека, но прямо на сердце, которому тогда безусловно покоряется ум. Высокость и сила нравоучения Евангельского имеет столь решительный перевес перед философией нравоучительной, что при действии первого приписывать последней существенную пользу значило бы поступать так же, как человек, который при полдневном блистании солнца зажег бы тусклую лампаду и утешался мысленно, что он увеличил свет дневной. Нет, никогда философия, со всеми нынешними своими фразами, не дойдет до того, чтобы с уверенностью сказать своим последователям: любите враги ваши, благословите клянущие вы, добро творите ненавидящим вас и молитеся за творящих вас ненависть и изгоняющие вы. На этих словах лежит печать божественного их происхождения, между тем как на всех творениях ума человеческого отражается более или менее несовершенство его ограниченности. Здесь кстати заметить, что нравоучительная философия читается в Университете после Богословия, а потому и не может иметь никакого применения в разделении предполагаемого труда с Богословским преподаванием, в чем впрочем последнее вовсе и не нуждается.

Вот образ воззрения моего на преподавание философии одним из самых благонадежных профессоров, который очевидно старается примирить эту науку с христианством, и для того к истинам Божественного откровения усиливается доходить путем философским. Не знаю, всегда ли это похвальное стремление его сопровождается полным успехом, но не так действовали Кант, Фихте, Шеллинг, и Гегель; не так действуют и ныне их последователи. Они в философских исследованиях своих

Библиотека "Руниверс"

не замечают даже, существует ли вера христианская, и сами, с помощью одного только ума, дерзновенно мечтают познать начало безусловное. Конечно, ожидание их не исполняется, потому, что ограниченному и конечному уму человеческому не дано познание бесконечного и беспредельного, и новое философское учение, так же, как и древнее, в разноречивом своем направлении не представит нам ничего определенного и твердого; не менее того самые вредные системы немецких философов приобретают с каждым днем более и более приверженцев и почитателей. Снимая с человека обязанность, налагаемую на него Верою, нравственностью, и представляя все ослепленному страстями разуму, они подрывают основание всякого благоустроенного общества. Нельзя также не сознаться, что в настоящее время к нам насильственно вторгается философия германская и что дальнейшее распространение обольстительных ее мудрований должно неизбежно усилить в возрастающем поколении уже и теперь заметное охлаждение к Вере, с которою неразлучно соединена у нас основанная на религиозном убеждении преданность к престолу. Хотя в последнее время приняты деятельные меры к наблюдению за духом и направлением преподавания в высших учебных заведениях наших, при всем том, если сама наука по шаткости своих начал и по неудовлетворительности своих результатов, не имея притом определительного объема и положительных границ, всегда представляет случай к поползновению и всегда более или менее зависит от произвола преподавателя, в таком случае и самый строгий надзор за лекциями едва ли может достаточно обеспечить правительство, по таким уважениям и на основании изъясненных выше причин, я бы полагал изъять из преподавания следующие части философии: 1. Теорию познания. 2. Метафизику. 3. Нравственную философию. 4. Историю философии; первую между прочим и потому, что она без высших частей философии не имела бы достаточно приложения к употреблению, а третью по практической бесполезности ее для молодых людей, ознакомленных с нравоучением христианским. Признавая за тем преподавание философии в Высших учебных заведениях, за исключением логики и психологии, не соответствующим видам правительства и не обещающим благоприятных последствий, осмеливаюсь испрашивать Высочайшего соизволения Вашего императорского Величества:

Библиотека "Руниверс"

1) Во всех университетах, в Главном педагогическом институте и в Ришельевском лицее с окончанием текущего семестра ограничить преподавание философии логикой и психологией впредь до особого повеления. 2) Предоставить мне объявить эту Высочайшую волю к исполнению с приближением к новому семестру в июле текущего года.

Князь Ширинский-Шихматов
№ II 26 января 1850 г.

Его же рукой на I листе написано: «Государь император Высочайше утвердить соизволил, удостоив притом выразить мысль свою о возложении преподавания Опытной психологии на профессоров Богословия и повелел снестись о сем с обер прокурором св. Синода.

В С.-Петербурге 26 января 1850 г. кн. Ширинский-Шихматов»[46].

В тот же день последовало высочайшее повеление «*О переименовании в факультеты отделений философского факультета*», которое гласило: «Государь император, по всеподданнейшему представлению г. управляющего Министерством народного просвещения, высочайше повелеть соизволил: существующие по Высочайше утвержденному 26 июля 1835 года Общему уставу российских университетов два отделения философского факультета переименовать факультетами: первое — историко-филологическим, а второе — физико-математическим»[47]. Таким образом, с 1850 г. философский факультет и в Московском университете перестал существовать и был восстановлен только в декабре 1941 г. Преподавание логики и опытной психологии было возложено на профессоров богословия или законоучителей, назначаемых на эти должности по согласованию Министерства народного просвещения с духовным ведомством Православного вероисповедания. Вместо кафедры философии в составе историко-филологических факультетов была учреждена кафедра педагогики, а слушание лекций по педагогике было сделано

[46] Там же. С. 16–22.

[47] Журнал Министерства народного просвещения. 1850. Ч. LXV. Отделение I. С. 47.

Библиотека "Руниверс"

обязательным для студентов всех факультетов, которые готовили себя к преподавательской деятельности.

1850 г. вошел в историю российского высшего образования как год ликвидации в России университетской философии. Преподавание логики и психологии профессорами богословия вряд ли можно рассматривать как сохранение философских дисциплин. Эти предметы были навязаны преподавателями богословия, и, конечно, они не могли заменить профессионально читаемых курсов.

Назначенный преподавать логику и психологию в Московском университете профессор богословия Петр Матфиевич Терновский должен был читать эти дисциплины наряду с курсами догматического и нравоучительного богословия, церковной истории и церковного законоведения. Это был достаточно образованный педагог, он окончил Московскую духовную академию, где слушал философию у В. И. Кутневича и Ф. А. Голубинского, но после окончания академии в 1822 г. ни логикой, ни психологией не занимался. И вот ему поручили читать эти курсы. С. М. Соловьёв вспоминал: «Наш бездарный, сухой, но умный и добросовестный Терновский со слезами отмаливался от новой кафедры, выставляя свою совершенную неприготовленность к ней. Ему выставили Высочайшее повеление — и старик[48] должен был приниматься за логику и психологию»[49].

В феврале 1858 г. П. М. Терновский вышел в отставку, и его место занял Николай Александрович Сергиевский, воспитанник С.-Петербургской духовной академии, бывший духовник П. Я. Чаадаева. В 1860 г. он основал журнал «Православное обозрение». Профессор Сергиевский был помоложе Терновского, он родился в 1827 г., в год, когда Терновский стал преподавать закон Божий и греческий язык в Университетском благородном пансионе. Но и 30-летний Сергиевский не мог, конечно, заменить профессоров философии. Да и вообще курсы логики и психологии никак не могли заменить других философских

---

[48] П. М. Терновскому в 1850 г. было 52 года.

[49] *Соловьёв С. М.* Московский университет, славянофилы и западники в сороковых годах // Русский вестник. 1896. Т. 243. Апрель. С. 20.

Библиотека "Руниверс"

дисциплин — теории познания, метафизики, истории философии, нравственной философии. Отсутствие в программе университетского образования этих курсов не могло не сказаться на философской подготовке выпускников университетов и на состоянии философии в России. А ведь в Московском университете полноценного философского образования не было более 35 лет (с 1821 по 1845 и с 1850 по 1861 гг.), ведь даже когда кафедра философии функционировала, курсы истории философии, теории познания читались не каждый год. Необходимость философской подготовки выпускников университета стала особенно остро ощущаться в обществе в эпоху царствования Александра II.

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Преподавание философии после восстановления кафедр философии. Становление профессорской философии (1861–1905 гг.)

Восстановление кафедр философии в университетах.— Приглашение в Московский университет П. Д. Юркевича, его философские взгляды и преподавательская деятельность в университете.— Позитивист ли М. М. Троицкий? Каков он как преподаватель? Создание им Психологического общества.— Н. Я. Грот, эволюция его философских взглядов, преподавательская деятельность и создание журнала «Вопросы философии и психологии».— Л. М. Лопатин как борец за признание метафизики.— Три ипостаси князя С. Н. Трубецкого, его борьба за университетскую автономию и новые педагогические приемы.

После смерти Николая I и восшествия на престол Александра II в стране была ослаблена цензура и общество захлестнули либеральные настроения, приведшие к распространению материалистических и позитивистских идей, которые господствовали в это время на Западе. В конце 1859 г. обеспокоенные распространением в студенческой среде материализма попечители учебных округов обратились в Департамент народного просвещения с просьбой рассмотреть вопрос о восстановлении преподавания в университетах хотя бы истории философии как дисциплины, способной привить молодежи понимание всех сложностей решения философских проблем. Департамент, в свою очередь, сообщил Александру II о ходатайстве попечителей. 2 декабря 1859 г. последовало Высочайшее повеление рассмотреть это дело в Главном правлении училищ, а Главное правление училищ подготовило справку, в которой излагались причины закрытия кафедр философии и говорилось: «С истечением после того 10-ти лет и при совершенном изменении теперь направления современных идей, вполне отражающих в себе чисто утилитарные стремления века, не представляется, по мнению

Библиотека "Руниверс"

Министерства народного просвещения, никаких препятствий к восстановлению преподавания философии, если не в полном ее объеме, то по крайней мере в одной ее части — истории философии как науки, по преимуществу проясняющей истины и разрушающей предрассудки и стремления к материализму»[1]. 22 февраля 1860 г. император соизволил повелеть: «Возобновить в университетах и Ришельевском лицее, на прежнем основании, преподавание истории философии, с логикою и психологиею»[2]. В университетах начались поиски преподавателей, способных читать полноценный курс истории философии, а также курсы логики и психологии. Профессор Санкт-Петербургского университета А. В. Никитенко записывает в своем дневнике 1 декабря 1860 г.: «Факультетское собрание в университете. Толки о конкурсе на кафедру философии. Некоторые прочат на нее Петра Лавровича Лаврова. Я против этого, Лавров способен не просвещать, а помрачать умы»[3]. Такое мнение у А. В. Никитенко о Лаврове сложилось из-за того, что Лавров, хотя и «человек не без ума и дарований, но с головы до ног матерьялист», и Никитенко записывает: «Уж лучше мы года четыре пробудем без философии, пока не приготовим кого-нибудь из студентов с заграничным образованием»[4]. Так оно в Санкт-Петербургском университете и получилось, где только в 1864 г. начались полноценные занятия по философии.

Московский университет в этом отношении оказался в лучшем положении.

В № 4 «Трудов Киевской духовной академии» за 1860 г. появилась статья профессора академии П. Д. Юркевича под названием «Из науки о человеческом духе», подвергающая серьезному философскому анализу опубликованную анонимно (хотя ни для кого не было секретом, что автором статьи

---

[1] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. СПб., 1865. С. 446.

[2] Журнал Министерства народного просвещения. 1860. Часть CVI. Апрель. С. 6.

[3] *Никитенко А. В.* Записки и дневник. Т. I. СПб., 1893. С. 233.

[4] Там же. С. 236.

Библиотека "Руниверс"

был Н. Г. Чернышевский) в журнале «Современник» статью «Антропологический принцип в философии». На статью Юркевича обратил внимание издатель влиятельного общероссийского журнала «Русский вестник» М. Н. Катков, который перепечатал в своем журнале обширные выдержки из нее со своим небольшим введением. Серьезная философская статья, появившаяся в таком влиятельном журнале, вызвала многочисленные отклики во многих изданиях. Имя П. Д. Юркевича стало сразу известно широкой публике, а его статья вызвала чуть ли не всероссийскую дискуссию. Так что в Московском университете П. Д. Юркевич появился не как малоизвестный провинциальный профессор, а как серьезный философ, не побоявшийся вступить в философский спор с влиятельнейшим в те годы журналистом, статьями которого зачитывалась вся образованная молодежь,– с Н. Г. Чернышевским.

Еще до появления статьи с критическим анализом работы Чернышевского Юркевич опубликовал ряд статей в «Журнале Министерства народного просвещения» («Идея», «Материализм и задачи философии»), в «Трудах Киевской духовной академии» («Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия»), в которых изложил свое понимание некоторых философских и богословских вопросов.

П. Д. Юркевич сразу сформировался как религиозный философ. После окончания семинарии и Киевской духовной академии он почти десять лет преподавал в академии философию, четко различая философские и богословские проблемы, что не мешало ему в решении философских проблем опираться на Священное Писание.

Опираясь на Священное Писание, Юркевич не противопоставляет дух материи как два субстанциально противоположных начала. Материя, по Юркевичу, в соответствии с Ветхим Заветом, есть порождение духа, а следовательно, материя отнюдь не чуждое духу начало, а уже в самой своей основе содержит стремление к одухотворенности. Вся эволюция материального мира, говорит Юркевич, свидетельствует о стремлении материи к выявлению духовности, потому, собственно, почти каждое материальное тело, особенно органическое, обнаруживает в себе какие-нибудь

Библиотека "Руниверс"

признаки духовного начала. В развитии материального мира, пишет Юркевич, мы обнаруживаем целесообразность, закономерность, т.е. присутствие идеи, а это свидетельствует о том, что материя не чужда признаков идеального.

Развивая дальше свою мысль о неразрывной связи материального с духовным, Юркевич рассматривает и человека как неразрывное единство души и тела. Он выступает против положения о том, что человек состоит из души и тела как двух субстанциально разнородных частей. Конечно, душа обладает совершенно иными свойствами, чем тело, но действует только через тело, и каждому духовному порыву соответствуют определенные физиологические процессы. Поэтому-то мы и можем по процессам, протекающим в теле по нервным волокнам, судить о наличии душевных переживаний, впечатлений и т.п. Но сколько бы мы ни изучали материальные физиологические процессы, подчеркивает Юркевич, мы никогда не сможем познать содержания духовной жизни, потому что мысль не имеет ни пространственного протяжения, ни фигуры, ни цвета, ни запаха, ни вкуса и не поддается никакому внешнему наблюдению. Духовную жизнь можно познать только внутренно, только самонаблюдением.

Вот на это понимание Юркевичем целостности человека хотелось бы обратить внимание. Юркевич рассматривает человека не как агломерат различных органов и свойств, а как нечто цельное и нерасчленяемое. Поэтому душа, по Юркевичу, не имеет какого-то особого помещения в теле, она неотделима от тела, а поскольку сердце есть орган, который через кровь связан со всеми частицами тела, то сердце и можно рассматривать как средоточие всех душевных качеств. «Телесным органом души,— пишет Юркевич,— может быть не иное что, как человеческое тело. Посему как сердце соединяет в себе все силы этого тела, то оно же служит ближайшим органом жизни душевной. Тело есть целесообразный орган души не по *одной* своей части, но по всецелому своему составу и устроению» [5].

---

[5] *Юркевич П.Д.* Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия // Юркевич П. Д. Философские произведения. М., 1990. С. 78.

Библиотека "Руниверс"

Он решительно возражает против утверждений, что главное свойство души есть мышление, а потому телесным органом души является голова. Голова, по Юркевичу, никак не может быть органом души, потому что духовная деятельность не сводится к мышлению, мышление есть лишь средство обработки впечатлений, получаемых от внешнего мира, но душа обладает целым рядом свойств, которые никак не зависят от внешнего воздействия, такими как воля, желание, страсть.

Опираясь на Священное Писание, Юркевич обосновывает решающую роль сердца во всех действиях души. «Сердце есть средоточие душевной и духовной жизни человека,— пишет он.— Так, в сердце зачинается и рождается решимость человека на такие или другие поступки; в нем возникают многообразные преднамерения и желания; оно есть седалище воли и ее хотений». «Сердце есть седалище всех познавательных действий души». «Сердце есть средоточие многообразных душевных чувствований, волнений и страстей». «Наконец, сердце есть средоточие нравственной жизни человека». «Итак,— продолжает Юркевич,— священные писатели знали о высоком значении головы в духовной жизни человека; тем не менее, повторяем, средоточие этой жизни они видели в сердце. Голова была для них как бы видимою вершиною той жизни, которая первоначально и непосредственно коренится в сердце. <...> Голова имеет значение органа *посредствующего* между целостным существом души и теми влияниями, какие она испытывает совне или свыше <...> ей приличествует достоинство правительственное в целостной системе душевных действий» [6].

Но именно в сердце все чувствования и поступки человека получают такое *личное* направление, которое делает их не просто выражением общей духовности, а выражением духа именно конкретного данного человека. Таким образом, личность человека проявляется в первую очередь не в мыслях его, а в той внутренней сути, которая исходит из сердца. Отмечая значение сердца в духовной жизни человека, Юркевич подчеркивает роль личностного начала, неповторимость и самобытность каждого

[6] Там же. С. 69, 70, 71, 74–75.

Библиотека "Руниверс"

человека, ибо человек не сводится к совокупности идей, мыслей, общих всем или большинству людей, человек — это средоточие его сердечных порывов, которые не могут быть общими или единообразными для многих сердец.

Особое внимание П. Д. Юркевич обращает на обоснование идеи о наличии свободной воли, т. е. таких моментов в духовной деятельности человека, которые никак не связаны с воздействием на человека внешних обстоятельств, ничем не детерминированы и не подчинены внешней необходимости. Он рассуждает следующим образом. Если деятельность человека обусловлена внешними условиями и он лишь соответствующим образом реагирует на эти условия, то исчезает ответственность человека за свои поступки. О какой нравственной основе поведения человека может идти речь, если в нем отсутствует *безусловная* основа нравственности и все его поведение *обусловлено* внешней средой, есть лишь ответ на обстоятельства. Конечно, само поведение в ответ на обстоятельства может носить разный характер, но нравственным оно не может считаться, если определяется рассуждениями о долге, об обязанностях, а не вытекает из непосредственных влечений и чувствований сердца. Ум, разум не может быть *источником* нравственной деятельности, утверждает Юркевич, он поставляет общие нравственные законы, правила поведения, предписания, как надо поступать в том или ином случае. Нравственность же рождается не из ума, не путем рассуждений, она рождается из *любви к добру*. Чтобы противостоять искушениям, которые подстерегают человека на каждом шагу, нужно в сердце иметь любовь к добру. Если же в сердце иссякает, как пишет Юркевич, елей любви, то нравственные начала в человеке исчезают и никакие законы нравственного поведения, вырабатываемые рассудком, не сделают поведение человека нравственным[7].

Было бы ошибкой полагать, что Юркевич вообще отрицал значение ума в выработке нравственного поведения. Ведь поведение человека зависит не только от сердечных влечений,

[7] См. там же. С. 100–101.

Библиотека "Руниверс"

но и от умения логически построить линию поведения, опираясь на знание законов внешнего мира.

Идеализм отнюдь не отрицает действия *причинной* необходимости, в том числе и в отношении человека, который является частью природы. Но человек принадлежит не только миру природы, он еще принадлежит и миру цивилизации и культуры, т.е. другой, высшей ступени бытия, где действует другая детерминация, где образуется сфера сознательно — целесообразного действия, т.е. сфера *свободы*. Сфера свободы отнюдь не нарушает действия закона причинности в области природных явлений, в том числе в человеческом организме, но она начинает иные ряды причинной обусловленности, которая задается *целеполаганием*. Свободно поставленная сознанием *цель* требует отыскивания *средств* осуществления цели, т.е. выработки целой цепи причин, призванных произвести такие следствия, которые приводили бы к осуществлению цели.

Таким образом, свободное целеполагание не исключает причинной необходимости, но, напротив, предполагает ее, ибо без определения причинных действий, которые должны привести к определенным следствиям, мы никогда не достигнем поставленных целей. Иначе говоря, свободное целеполагание невозможно без учета причинной необходимости. Свобода возможна только в таком мире, который причинно детерминирован.

По Юркевичу, все тварное бытие состоит из иерархически построенной лестницы бытия, где низшие ступени бытия входят в высшие, не теряя своей специфики и законов функционирования. Физико-химическое бытие входит в биологическое, биологическое включается в психическое, психическое — в духовное бытие свободной личности. «Дух» означает особую ступень бытия, которая включает в себя функционирование всех низших ступеней бытия, но не сводится к ним. Дух имеет свою детерминацию, свою закономерность. Духовное бытие свободной личности не входит в низшие ступени бытия, а, напротив, включает их в себя.

Цель есть то, что существует только в сознании, только в субъекте и не существует в реальном мире. Целесообразное действие предполагает «действующее лицо», субъекта действия,

Библиотека "Руниверс"

преобразующего объективную реальность. Таким образом, если допустить, что бытие определяет сознание, тогда исчезает возможность постановки цели и изменения реальности в соответствии с этой целью. Свобода воли и означает возможность ставить цели и добиваться их осуществления.

Большое место в трудах Юркевича уделяется проблемам познания. Этим вопросам отведено много места и в работе «Из науки о человеческом духе». Особое возражение у Юркевича вызвала мысль автора «Антропологического принципа в философии», согласно которой внутренний духовный мир человека зависит от окружающей среды, а следовательно, чтобы изменить сознание человека, надо изменить условия его существования. Юркевич категорически не согласен с этой мыслью и много места уделяет тому, чтобы доказать ее несостоятельность. Он также возражает против положения о возможности познать внутренний мир человека через его поступки. Духовную жизнь, утверждает Юркевич, можно познать только самонаблюдением.

Но все наши знания *о внешнем мире*, утверждает П. Д. Юркевич, мы получаем из опыта и наблюдений путем индукции. Все наши самые отвлеченные понятия возникают из представлений, взятых из опыта. Но определенные законы и нормы, по которым действует наша душа, априорны, т.е. принадлежат ей самой и не являются результатом познания. Но познать эти законы и нормы душевной деятельности мы можем только через опыт и наблюдения и опять-таки путем индукции. Однако Юркевич не считает опыт единственным источником знаний. «Опыт,— пишет он,— никогда не дает окончательного оправдания нашему мышлению, которое, бесспорно, должно повиноваться как опытам, так и своей внутренней закономерности»[8].

Уже эти, опубликованные еще до выступления П. Д. Юркевича против «Антропологического принципа в философии», работы свидетельствуют о том, что Юркевич был высокопрофессиональным философом, который прекрасно знал историю философии (о чем, в частности, особенно ярко свидетельствуют работы, опубликованные в «Журнале Министерства народного

---

[8] *Юркевич П. Д.* Материализм и задачи философии // Там же. С. 202.

Библиотека "Руниверс"

просвещения»), хорошо разбирался и в вопросах онтологии, гносеологии, этики и при этом признавал определенные заслуги тех направлений в философии, базовые принципы которых он считал ошибочными.

Например, на первых страницах своего критического анализа работы Чернышевского он пишет: «Статьи "Антропологический принцип в философии" относятся к философии реализма, которая сделала в наше время так много открытий в области душевной жизни, одарила нас такими точными анализами явлений человеческого духа, что, по всей вероятности, это направление рано или поздно должно представить большие интересы для самого богословия». И богослов, продолжает дальше Юркевич, «должен изучать эту философию опыта, если он хочет успеха своему собственному делу»[9]. Юркевич очень высоко ценил достижения современной ему науки и стремился подтверждать учение веры данными науки, устанавливать, как он писал, «гармоническое отношение между знанием и верою». «Господствующее ныне разделение между верою и знанием,— писал он,— как требование знать так, а веровать иначе, кажется невыносимым для людей самых разнородных убеждений. Служение науке не есть служение маммоне, с которым было бы несообразно служение Богу»[10].

Известность П. Д. Юркевича и основательность его философских позиций не помогли ему стать кумиром молодежи, которая в те годы была увлечена отнюдь не чисто философскими проблемами. Философский материализм рассматривался в то время как важная теоретическая база для разрешения социальных проблем, а решение чисто онтологических и гносеологических вопросов, по мнению многих, только отвлекало от злободневных задач.

Об общественной атмосфере в те годы очень точно сказал в 1898 г. в докладе на первом публичном заседании Философского общества при Санкт-Петербургском университете Александр

[9] *Юркевич П.Д.* Из науки о человеческом духе // Там же. С. 109.

[10] *Юркевич П.Д.* Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия // Там же. С. 103.

Библиотека "Руниверс"

Иванович Введенский. По его наблюдениям, в 50-е и 60-е гг. материализм исповедовали «с необычайным увлечением, чисто догматически и чуть не с фанатизмом» и оппозиция ему «не имела ни малейшего успеха». «На полемику, которую повели против него, кроме представителей духовной философии, Самарин, Страхов, Юркевич и др., наши материалисты или не обращали никакого внимания, как бы на голоса людей, отсталых от своего века, или же отвечали на нее лишь грубыми насмешками... Сочинения Страхова, Юркевича и др. стали не только ценить, но даже читать лишь гораздо позднее — уже к концу 80-х годов» [11].

Но эти слова А. И. Введенского касались профессионального интереса к произведениям указанных философов, а в 1861 г. критика в адрес Чернышевского вызвала волну журналистского негодования самим фактом критического отношения к высказываниям своего кумира. Именем Юркевича шумели, пишет А. Л. Волынский, «но его философские идеи не входили в жизнь, не создавали в обществе и в печати никаких серьезных настроений». «Юркевич был слишком высок и слишком серьезен для современного ему общества» [12].

А о популярности и влиянии Чернышевского на общественную мысль в те годы говорит тот же А. Л. Волынский, который был непримиримым противником взглядов Н. Г. Чернышевского. В своей книге, опубликованной в 1896 г., он пишет: «Соединяя в себе разнородное образование и начитанность с выдающимся талантом, фанатическую убежденность ученого протестанта с даром пылкого оратора на политические темы, Чернышевский очень скоро стал во главе движения, которому суждено было иметь решительное влияние на всю дальнейшую историю русского журнализма вплоть до наших дней. <...> Он был ярче и виднее многих современных ему журналистов. <...> Он производил впечатление самого выдающегося человека эпохи» [13].

---

[11] *Введенский А. И.* Судьбы философии в России // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991. С. 57.

[12] *Волынский А. Л.* Русские критики. СПб., 1896. С. 316, 317.

[13] Там же. С. 261–262.

Библиотека "Руниверс"

И вот философские взгляды этого «самого выдающегося человека эпохи» осмелился критиковать какой-то профессор духовной академии. Но именно профессионализм этой критики и вызвал интерес к Юркевичу у Каткова. Как отмечали многие современники, не без протекции Каткова[14] П. Д. Юркевич был перемещен из Киевской духовной академии в Московский университет. Этим перемещением, пишет священник А. Г. Ходзицский, «из скромного профессора провинциальной академии он делается профессором лучшего в России столичного университета. Его аудитория, каждый слушатель которой был духовно близок и сроден ему, расширяется до пределов чуть ли не всей тогдашней образованной России»[15].

Это было первое назначение профессора философии в университет после ликвидации кафедр философии и запрещения преподавать философию в российских университетах. 18 октября 1861 г. состоялось Высочайшее повеление о перемещении Юркевича в Московский университет в звании ординарного профессора[16] и с правом получения через два года степени доктора философии без диссертации[17]. 26 ноября 1861 г. «товарищи, бывшие воспитанники и ближайшие из знакомых г. Юркевича пригласили его на прощальный обед, который

---

[14] Сам М. Н. Катков после публикации в своем журнале выдержек из статьи П. Д. Юркевича написал: «В заключение выскажем желание, чтобы г. Юркевич почаще являлся в литературе и чтобы преподавательская его деятельность приняла еще большие размеры, на что, впрочем, мы имеем уже некоторое основание надеяться» (Русский вестник. 1861. Май. Т. 33. С. 59).

[15] *Ходзицкий А. Г.* Профессор философии Памфил Данилович Юркевич (1826–1874 гг.). Очерк жизни, литературной деятельности и богословско-философского мировоззрения // Вера и разум. 1914. Т. III. № 13–18. С. 830.

[16] П. Д. Юркевич получил звание ординарного профессора философии Московского университета в нарушение существовавших правил, согласно которым в университетах такое звание мог получить только доктор философии, а Юркевич был магистром. Видимо, и в этом проявилось влияние М. Н. Каткова.

[17] См.: *Ходзицкий А. Г.* Указ. соч. Т. IV. С. 208.

Библиотека "Руниверс"

был приготовлен в квартире ректора академии» [18]. А первая лекция П. Д. Юркевича в Московском университете состоялась 16 января 1862 г. [19]

Имя П. Д. Юркевича, пишет А. Л. Волынский, было в ореоле полемики с Чернышевским, и многие ждали от лекции чего-то неожиданного. «Он предстал как загадка, трудная для понимания по существу, среди юношества, лишенного в течение долгого времени какого бы то ни было философского образования» [20].

Василий Осипович Ключевский, поступивший в университет в 1861 г., с восторгом описывает первые лекции П. Д. Юркевича. 27 января 1862 г. он пишет своему другу: «На лекции Юркевича каждый раз ходят не одни студенты, но и другие интересующиеся этим: попечитель нашего университета генерал (единственный представитель воинства у нас), ректор Альфонский, Сергиевский [21], сотрудник его журнала свящ [енник] Преображенский [22] и другие профессора. Сергиевский

---

[18] Прощание Киевской академии с проф. Юркевичем // Православное обозрение. 1862. Январь. Т. 7. Заметки Православного обозрения. С. 47.

[19] Надо сказать, что в других российских университетах (Санкт-Петербургском, Казанском, Харьковском) кафедры философии были открыты, и то не сразу, а только после принятия университетского Устава 1863 г., в соответствии с которым кафедра философии полагалась на историко-филологическом факультете, а на юридическом факультете вводился курс истории философии права, который должна была вести кафедра энциклопедии права. Кафедра философии должна была вести занятия по трем дисциплинам: логике, психологии и истории философии. В соответствии с новым учебным планом историко-филологического факультета философские курсы читались три года: на 2-м и 3-м курсах — логика н философская пропедевтика, на 3-м н 4-м — история философии и психология (все курсы по 2 часа в неделю).

[20] *Волынский А. Л.* Указ. соч. С. 334.

[21] В. О. Ключевский, по всей видимости, имеет в виду профессора богословия Николая Александровича Сергиевского, в 1858–1861 гг. читавшего в университете курсы логики и психологии, а в 1860 г. основавшего журнал «Православное обозрение».

[22] Петр Алексеевич Преображенский (1828–1893) — воспитанник Санкт-Петербургской духовной академии, в 1960 г. вместе с Н. А. Сергиевским и Смирновым-Платоновым участвовал в создании журнала «Православное обозрение» и с 1875 по 1891 г. был его редактором. По сведениям

Библиотека "Руниверс"

даже бросает свою лекцию во вторник, потому что она совпадает с лекцией Юркевича. Представь же себе. Аудитория переполнена студентами и стульями для "высоких" посетителей. Вот расступаются толпы (плохо живописую, что делать), является блестящая свита под командой военного мундира, а на кафедру всходит маленький человек, смуглый, вовсе не с маленьким лицом, замечательно широким и выдавшимся ртом, лет 35-ти, в густых синих очках, с перчаткой коричневого цвета на левой руке, раскланивается так медленно и, не садясь, стоя, начинает говорить экспромтом с сильным хохлацким акцентом. А напротив него как раз уселись будто нарочно Чичерин [23] и Сергиевский — эти два великих софиста нашей науки» [24].

Ключевский отмечает, что в качестве введения в курс истории философии П. Д. Юркевич изложил понимание им главных направлений философии. На примерах из Платона, Аристотеля, Шеллинга, Гегеля он охарактеризовал идеализм, затем остановился на характеристике эмпиризма, рационализма, реализма и мистики. Ключевский пишет, что во вступительных лекциях Юркевич подводил слушателей к выводу, что изучать историю философии с позиций какого-то одного общего взгляда на историю философии нельзя. «Развитие философии,— излагает Ключевский мысли П. Д. Юркевича,— слишком разнообразно, как и всякой другой стороны жизни человечества, чтобы подвести его под мерку какой-нибудь строго определенной и более или менее узкой системы, теории или мысли» [25].

Первые лекции П. Д. Юркевича в университете, утолив любопытство к новому предмету и новому профессору, не привели к увлечению философией в студенческой среде. «Вступительная

Г. Флоровского (см.: *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 338–339), одно время поднимался вопрос о приглашении о. Преображенского на кафедру философии Московского университета (совместно с Н. П. Гиляровым-Платоновым). Но пригласили П. Д. Юркевича.

[23] Борис Николаевич Чичерин как раз с 1861 г. после заграничной командировки стал преподавать в Московском университете.

[24] *Ключевский В. О.* из писем П. П. Гвоздеву // Юркевич П. Д. Философские произв. М., 1990. С. 530–531.

[25] Там же. С. 545.

Библиотека "Руниверс"

лекция Юркевича, — писало "Наше время", — не затрагивала спорных вопросов, не выставляла одного учения против другого. Она развивала самое существо дела,— и это лучшее средство, — прибавляет газета, — против невежества и лжи»[26]. «Но задушевная мысль лектора, то, ради чего Юркевич готов был вступить в полемическую борьбу, что составляло его внутреннюю силу,— пишет А. Л. Волынский,— осталось непонятым, не вошло в сознание и, быть может, даже не было вполне развернуто перед слушателями, которым был, очевидно, чужд его строгий и точный философский язык. Лектора и студентов разъединяло веяние времени»[27]. Студенческая молодежь жаждала полемики, споров, разоблачений, а Юркевич трактовал сложные философские вопросы, к усвоению которых большинство студентов не были готовы. «Нужно быть П.Д., чтобы среди этой массы полуневежд находить способнейших и раздувать в них искру некоторого расположения к науке»,— пишет в своих воспоминаниях о П. Д. Юркевиче бывший его студент В. Лебедев, отмечая, что для молодых людей, только что получивших свое первоначальное образование в гимназиях и семинариях, философия казалась «тарабарскою грамотой»[28].

---

[26] Цит. по: *Волынский А. Л.* Указ. соч. С. 334.

[27] Там же.

[28] См.: *Лебедев В.* Воспоминания о П. Д. Юркевиче // Московские ведомости. 1874. № 292. О плачевном положении с философским образованием в России с горечью писал М. Владиславлев даже в 1867 г. Он отмечал, что, в отличие от Германии и Франции, философия в российских гимназиях не преподается, да и «в университетах ей открылся доступ только на один скромнейший из всех факультетов, именно историко-филологический. Оказалось, что старая спутница математики и классических языков... нынче чуть не окончательно сдана в архив» (*Владиславлев М.* Положение философии в нашей системе образования // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Февраль. Ч. CXXXIII. С. 372). Действительно, студентов на историко-филологических факультетах было значительно меньше, чем на других. Так, в 1865 г. в Московском университете на историко-филологическом факультете было всего 69 студентов, в то время как на физико-математическом — 367, на юридическом — 686, на медицинском — 407 (Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского Университета в 1864–1865 академических и 1865 гражданском году. М., 1866).

Библиотека "Руниверс"

О трудностях, с которыми встретился Памфил Данилович в первые годы работы в Московском университете, пишет и его брат Андрей[29] уже после смерти П. Д. Юркевича: «По заявлению современников, на первых порах в Москве было трудновато для П. Д. Юркевича. Предубежденное против философии юношество часто наскучало ему неуместными, наивными, а нередко и вздорными возражениями. П. Д. выслушивал возражения серьезно и с разумною сдержанностию оспаривал их порою курьезные доводы. Как наружное безразличие к количеству слушателей[30], так и терпение и серьезность в выслушивании самых вздорных возражений находят для себя объяснение, с одной стороны, в сознании печального положения философии в университетах в 60 годах, с другой — в любви и преданности своему предмету»[31].

---

[29] У Памфила Даниловича было десять братьев и сестер. Кстати, родился он не в 1827 г., как пишут Вл. Соловьёв, Колубовский, Радлов и некоторые современные издания (см.: *Абрамов А. И.* Памфил Данилович Юркевич // Юркевич П. Д. Филос. произв. С. 3; Он же. Философское творчество П. Д. Юркевича и его влияние на развитие русской философской мысли конца XIX – начала XX века // Из истории религиозной философии в России XIX – начала XX в. М., 1990; *Пустарнаков В. Ф.* Университетская философия в России: Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб., 2003. С. 734; Русская философия: Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 617; Русская философия: Словарь. М., 1995. С. 645; и др.), а 16 февраля 1826 г. Дату рождения уточнил А. Г. Ходзицкий по метрической выписке, хранящейся в библиотеке Киевской духовной академии (см.: *Ходзицкий А. Г.* Указ. соч. Т. III. С. 804). Эту дату указывает и брат П. Д. Юркевича в своей публикации (см.: *Юркевич А.* Русские педагоги. Памфил Данилович Юркевич, профессор философии // Гимназия. 1888. Кн. 1. С. 92).

[30] В начале 60-х гг. учебная дисциплина в университетах была не на высоте. А. В. Никитенко, например, в своем дневнике 18 октября 1861 г. записал: «На лекции сегодня у меня было человек шесть слушателей. В других аудиториях еще меньше. Некоторые профессора совсем не читают лекций, потому что не для кого читать» (*Никитенко А. В.* Указ. соч. С. 288). А в 1863 г. Санкт-Петербургский университет из-за студенческих волнений вообще был закрыт. Московский университет избежал закрытия, но обстановка успешному учебному процессу не способствовала.

[31] *Юркевич А.* Русские педагоги // Гимназия. 1888. Кн. 1. С. 97.

Библиотека "Руниверс"

Первые учебные лекции П. Д. Юркевича в университете, насыщенные серьезным философским содержанием, лишенные полемических выпадов против своих критиков, не привели к прекращению травли Юркевича со стороны так называемой «прогрессивной общественности». Выход в свет книги Дж. Льюиса «Физиология обыденной жизни» дал повод М. А. Антоновичу возобновить нападки на Юркевича. Ссылаясь на Льюиса, который будто бы подтверждал точку зрения Чернышевского, Антонович обрушился на философский идеализм Юркевича, утверждая, что взгляды Юркевича противоречат науке и свидетельствуют о его враждебности цивилизации и прогрессу. Он отнес Юркевича к философам старой школы и даже обозвал его «каббалистом», хотя и вынужден был заметить, что «и у Льюиса встречаются двусмысленные фразы, которые могут дать повод думать, будто бы он сходится хоть бы, например, с Юркевичем»[32]. П. Д. Юркевич вынужден был защищаться и в 1862 г. опубликовал в катковском журнале «Русский вестник» (№ 4, 5, 6, 8) большую статью «Язык физиологов и психологов», в которой показал несостоятельность попыток Антоновича использовать взгляды Льюиса для опровержения идеализма. Детально проанализировав содержание льюисовского труда, П. Д. Юркевич убедительно доказал, что, опираясь только на этот труд Льюиса, невозможно рассуждать о психических явлениях, о явлениях сознания, ибо язык Льюиса есть язык физиолога, и он «часто смотрит на психические явления как на какие-то нематериальные вещи, которые, пожалуй, мог бы непосредственно видеть и посторонний зритель, если б ему удалось подступить к местам, где они находятся»[33]. Но психические явления есть состояния сознания, они не существуют вне сознания, как существуют физиологические процессы в организме, а потому языком физиолога нельзя рассуждать о свободе воли, ибо это область метафизики, а не физиологии. А потому Антонович просто не понял различия между языком физиолога и языком психолога. Физиология, подчеркивал

---

[32] Цит. по: *Юркевич П. Д.* Философские произв. С. 367.

[33] Там же. С. 485.

Библиотека "Руниверс"

П. Д. Юркевич, может очень много дать для понимания человеческой деятельности, но она не объясняет, из каких начал возникают мысли, желания, намерения. «Вопрос о произвольных и непроизвольных деятельностях,— писал Юркевич,— не имеет ничего общего с философским вопросом о свободе воли, хотя у нас и поняли Льюиса так, будто бы он трактует об этой метафизической проблеме» [34].

Чтобы отстоять свои взгляды, П. Д. Юркевич выступил с циклом публичных лекций, проходивших с 18 февраля по 23 марта 1863 г. в самой большой университетской аудитории, которая постоянно переполнялась слушателями, желавшими из первых уст услышать аргументы Юркевича в защиту своих взглядов. В основном лекции были посвящены рассмотрению взглядов Бюхнера, в них излагалось учение о сознании и о самосознании, о памяти и способности к абстрагированию, о бессознательных состояниях. Последние лекции рассматривали вопросы нравственности, воли, языка, роли сердца как средоточия духа и воли [35]. Однако и в ходе лекций не обошлось без нападок на Юркевича. После пятой лекции Юркевич получил письмо с требованием прекратить нападки на материализм и вообще прекратить чтение лекций, с угрозой в противном случае организовать на лекции шиканье и свистки. Об этих угрозах П. Д. Юркевич сообщил на очередной лекции, чем опять вызвал в печати полемику. Сатирический журнал «Искра» писал, что Юркевич отважился выступать только перед аудиторией полуторастолетних старцев и четырехлетних девочек [36]. Обрушились на Юркевича и журнал «Русское слово», и газета «Современное слово», в защиту тоже выступил ряд газет и журналов. Одним словом, в Москве спокойно жить Юркевичу не давали.

Травле Юркевича со стороны радикальной прессы содействовало и то, что в глазах общества он ассоциировался

[34] Там же. С. 457.

[35] Отчеты о лекциях публиковались в газете «Московские ведомости» (см. № 35–37, 39, 42, 46, 47, 52–54, 56, 58, 60, 64, 65 за 1863 г.).

[36] Журнал издевательски называл Юркевича Шур-Юрой.

Библиотека "Руниверс"

с катковским журналом «Русский вестник», а М. Н. Катков в 60-е гг. все более очевидно становился лидером консервативных сил, все «крепче и крепче натягивал вожжи полицейской государственности», как писала о нем радикальная пресса. И, несмотря на то что в журнале продолжали печататься и такие уважаемые общественностью люди, как Анненков, Соловьёв, Тургенев, имя Каткова в глазах общества означало регресс и откат от прогрессивных реформ, а это не содействовало популярности Юркевича в глазах студенческой молодежи, хотя в коллективе историко-филологического факультета Памфил Данилович пользовался заслуженным авторитетом и в 1869–1873 гг. избирался деканом факультета, что свидетельствует о глубоком уважении к нестарому еще профессору (ведь в 1869 г. ему исполнилось только 43 года). В университете П. Д. Юркевич был еще членом университетского суда, Общества вспомоществования бедным студентам, секретарем факультета. Все это говорит о том, что к Юркевичу в университете относились с уважением и ценили его знания и убеждения. Но во внеуниверситетской среде его философские взгляды постоянно подвергались нападкам.

По всей видимости, открытая и воинственная неприязнь общества к философскому идеализму привела к тому, что свои теоретические усилия П. Д. Юркевич направил на разработку не чисто философских проблем (которые были в центре его внимания во время пребывания в Киевской духовной академии), а проблем педагогики. В период своего пребывания в Московском университете он опубликовал такие значительные труды, как «Чтения о воспитании» (1865), «Общие основания методики» (1865), «Курс общей педагогики, с приложениями» (1869)[37], «План и силы для первоначальной школы» (1870), «Идеи и факты из истории педагогики. По поводу сочинения Модзалевского: Очерки истории воспитания и обучения» (1870), «Будущность звуковой методы» (1872).

Начав читать лекции по педагогике на историко-филологическом факультете, подавляющее большинство выпуск-

[37] В него вошла и работа «Общие основания методики».

Библиотека "Руниверс"

ников которого после окончания университета становились преподавателями гимназий, лицеев и других учебных заведений, П. Д. Юркевич предложил Совету университета сделать педагогику общеобязательным предметом для тех студентов других факультетов, которые после окончания университета собирались идти на педагогическую работу. И Юркевич стал читать курсы педагогики студентам всех факультетов. Кстати, педагогику он преподавал еще и в учительской семинарии военного ведомства.

Но уход Юркевича от чисто философской проблематики в своих теоретических исследованиях не избавил его от нападок радикальных изданий. Его стали обвинять в смешении педагогики с логикой и психологией, в «схоластической премудрости», в сочинении «предвзятых теорий» и т.п. Журнал «Русское слово» клеветнически обвинял Юркевича в том, что тот находит полезным воспитание розгами. Словом, сотрудничество Юркевича с Катковым навсегда закрепило его в глазах общества в лагере консерваторов, поэтому в каждом выступлении Юркевича радикальные журналисты искали «крамолу», которая, по их мнению, заключалась в том, что Юркевич не выступал в защиту реформ, а «отделывался» теоретизированием.

Помимо педагогических курсов и курсов лекций по логике, психологии и истории философии, в Московском университете П. Д. Юркевичу пришлось осваивать и проблематику истории философии права. Дело в том, что университетским уставом 1863 г. на юридических факультетах вводился курс истории философии права, который должна была обеспечивать кафедра энциклопедии права. Но в Московском университете на кафедре энциклопедии права не оказалось специалиста по этой дисциплине, и курс истории философии права предложили читать П. Д. Юркевичу. Юркевич согласился и в короткий срок освоил этот новый для него курс, а в 1868 г. издал свой труд «История философии права», в котором изложил свое понимание этого предмета. «Рациональная норма для всякого положительного права,— пишет он на первых страницах своего труда,— должна заключаться в праве естественном или, что одно

Библиотека "Руниверс"

и то же, в моральном или рациональном праве. Изъяснение естественного права и составляет предмет нашей науки». И далее: «Христианское откровение говорит, что Бог создал человека правого. Это значит, что человек реализовал идею права из собственной совести, не ожидая получить ее из какого-либо внешнего предписания. <...> Изучить эту идею — есть задача философии права» [38].

П. Д. Юркевичу все же удалось переломить равнодушие студентов к чисто философской проблематике. В 1863 г. он организовал студенческий кружок любителей философии и предложил членам кружка перевести на русский язык работу Швеглера «История философии». Памфил Данилович взял на себя труд по редактированию студенческих переводов, и в 1864 г. тщательно отредактированный Юркевичем труд Швеглера вышел в свет на русском языке. Это был первый в России опыт издания научной работы, перевод которой был осуществлен студентами под руководством профессора. Один из бывших студентов уже после смерти П. Д. Юркевича вспоминал: «После того как студенты получили возможность вслушаться в спокойную, чуждую интересов минуты речь профессора, после того когда почти силой он заставил нас думать об *истине*, о *добре*, в особенности, когда перед нами раскрылась талантливо рассказанная история философского мышления в Греции, когда пред нашими умственными очами прошли Сократ, Платон и Аристотель,— наше отношение к нему изменилось... В особенности для меня памятны талантливые лекции о софистах и отношении к ним Сократа... В Памфиле Даниловиче, как человеке, мы встретили благородную натуру, любящее сердце, полное внимание к нашим нуждам материальным, полное снисхождение к нашей нищете умственной» [39]. Цитировавшийся выше тоже бывший студент П. Д. Юркевича В. Лебедев в своих воспоминаниях пишет: «В наше время славились лекции П. Д. о Канте, действительно замечательные. <...> В лекциях о Канте П. Д. исправлял

[38] *Юркевич П. Д.* История философского права. М., 1868. С. 5–6.

[39] Несколько слов о П. Д. Юркевиче // Московские ведомости. 1874. № 278.

Библиотека "Руниверс"

многие неправильности, сделанные Куно Фишером в изложении этого философа. <...> Его лекции по педагогике были замечательны. С философской глубиной мысли излагал он свои обобщения относительно характера восточных школ, начиная с Китая, Индии и т.д. <...> Его лекции начинались в 8 часов, и на эти лекции, кроме филологов, собирались медики и юристы»[40].

В своих воспоминаниях В. Лебедев также замечает, что у П. Д. Юркевича всегда были ученики и круг людей, искренно уважавших и высоко оценивающих широту его взглядов и глубину его научных знаний. И одним из его учеников был известный русский философ Владимир Сергеевич Соловьёв, который в своих воспоминаниях о П. Д. Юркевиче особенно подчеркивал его значение для философского образования в России, хотя и замечал с горечью, что «его недостаточно знали и ценили при жизни»[41].

Действительно, судьба не была благосклонна к П. Д. Юркевичу. Будучи превосходным знатоком истории философии и обладая умом самостоятельным и творческим, он, по словам Г. Г. Шпета, появился «в эпоху совершенно отрицательного отношения к философии»[42]. После прихода в Московский университет ему пришлось постоянно бороться против философского невежества и клеветнических нападок. «На стороне Юркевича было знание, тонкое понимание, самостоятельная мысль,— пишет Г. Шпет,— и боролся он за Истину не преходящую, а стоящую над временем»[43]. Но это не спасало его от постоянных обвинений в ретроградстве, в отсталости от жизни, от современной науки. Он устал от беспочвенных обвинений, от необходимости бороться за свои убеждения, за свое честное имя. С 1872 г. ухудшилось и его физическое состояние, заболела

[40] См.: *Лебедев В.* Указ. соч.

[41] *Соловьёв Вл.* Три характеристики (М. М. Троицкий – Н. Я. Грот – П. Д. Юркевич) // Вестник Европы. 1900. Январь. С. 330.

[42] *Шпет Г. Г.* Философское наследство П. Д. Юркевича // Юркевич П. Д. Философские произв. С. 579.

[43] Там же.

Библиотека "Руниверс"

и жена. Осенью 1872 г. он отправил больную жену в Крым, где она скончалась. Смерть жены окончательно расстроила его здоровье. Осенью 1873 г. он слег в постель, но к январю 1874 г. ему стало лучше, он снова стал читать лекции, но в мае 1874 г. начались обмороки, отекли ноги. Поездка летом на кумыс в Самару облегчения не принесла, и 4 октября он скончался от рака желудка, не дожив до 49 лет.

* * *

После смерти Юркевича встал вопрос о его преемнике.

Заявления на конкурс подали профессор Варшавского университета Матвей Михайлович Троицкий, экстраординарный профессор кафедры метафизики Санкт-Петербургской духовной академии Михаил Иванович Каринский и только что защитивший магистерскую диссертацию Владимир Сергеевич Соловьёв. Кандидатура Карийского отпала по чисто формальным обстоятельствам – он был магистром богословия, а не философии, и потому не мог претендовать на место профессора философии в университете, а на доцентскую ставку он идти не хотел. Что касается кандидатур Троицкого и Соловьёва, то среди членов Совета историко-филологического факультета были сомнения, ибо философские взгляды их весьма существенно расходились. Троицкий был близок к позитивизму, Соловьёв же по преимуществу – метафизик и даже мистик. Однако членов Совета это не смутило, и они решили учредить на кафедре философии два места и проголосовали за обоих (Соловьёв получил восемь голосов «за», а Троицкий – четыре).

На Совете же университета разгорелись острые споры, ибо профессор церковной истории, протоиерей Александр Михайлович Иванцов-Платонов выступил резко против того, чтобы философию преподавали два философа, взгляды которых не только не совпадают, но прямо противоположны. Иванцов-Платонов предупреждал, что оба кандидата до такой степени расходятся во взглядах, что их совместное пребывание

Библиотека "Руниверс"

на кафедре может серьезно навредить «самой науке, преподаваемой одним и тем же слушателям в двух радикально противоположных направлениях... Один из предлагаемых кандидатов по преимуществу метафизик; другой решительно отвергает всякую метафизику. Один — по преимуществу поклонник философского идеализма и строго силлогистической методы мышления; другой относится с крайним несочувствием ко всякому идеализму и, признавая индуктивную методу единственным органом науки о веществе и духе, считает силлогистическую методу несостоятельною»[44]. Они, следовательно, будут сбивать с толку студентов, не окрепших в самостоятельном изучении философии. Поэтому он предложил проголосовать лишь за одного из них, а впоследствии подобрать кандидата «более соответственного по направлению».

Но сторонников Иванцова-Платонова в Совете университета оказалось не так много. В те годы среди математиков, естествоиспытателей, медиков, а также и среди правоведов, филологов «научная» философия позитивизма пользовалась популярностью как философия, чуждающаяся всяких сверхъестественных сущностей. Поэтому расхождения в метафизических вопросах их не очень волновали. Профессор математики Н. В. Бугаев (отец Андрея Белого), симпатизировавший в те годы позитивизму, противопоставил доводам Иванцова-Платонова точку зрения, согласно которой расхождения во взглядах даже полезны, ибо помогают избежать односторонности и исключительности в рассмотрении философских проблем. При этом он старался доказать, что взгляды Троицкого и Вл. Соловьёва не так уж и противоречат друг другу, ибо и Троицкий не отрицает силлогизмов, основанных на индуктивных выводах, и Соловьёв не отрицает индукции. Он привел примеры сочетания на кафедрах в германских университетах преподавателей философии различных взглядов и убедил членов Совета проголосовать за обе кандидатуры одновременно.

---

[44] Цит. по: *Асмус В. Ф.* Борьба философских течений в Московском университете в 70-х годах XIX века // Асмус В. Ф. Избр. филос. труды. Т. 1. М., 1969. С. 260.

Библиотека "Руниверс"

В результате за Троицкого проголосовал 31 член Совета, а за Соловьёва – 35. Таким образом на кафедре философии стало два преподавателя – ординарный профессор Троицкий и доцент Соловьёв. (Процедура голосования и связанные с нею коллизии при прохождении обеих кандидатур очень подробно изложены в работе С. М. Лукьянова «О Вл. Соловьёве в его молодые годы. Материалы к биографии» (Кн. вторая. Пг., 1918. С. 43–85).)

О Вл. Соловьёве как о преподавателе философии в Московском университете сказать почти нечего. В январе 1875 г. он начал читать курс истории новейшей философии, а уже в июле того же года на год и три месяца отправился в заграничную командировку. По возвращении он осенью 1876 г. начинает читать курс истории философии, а также курс логики, но в январе 1877 г. неожиданно подал ректору прошение об увольнении, переехал в С.-Петербург, занял должность члена Ученого комитета Министерства народного просвещения и стал усиленно готовиться к защите докторской диссертации.

Свой уход из университета Владимир Соловьёв объяснял нежеланием «участвовать в борьбе партий между профессорами» в связи с требованием проф. Н. А. Любимова пересмотреть университетский устав 1863 г. с целью ужесточения порядков в университете. Максим Максимович Ковалевский, который работал в те годы доцентом на кафедре сравнительного правоведения, так описывает этот эпизод в жизни Московского университета: «Резкое выступление сына С. М. Соловьёва, известного впоследствии философа, в пользу Любимова, вызванное на деле желанием отстоять свободу каждого высказывать свои убеждения, каковы бы они ни были, получило настолько невыгодную интерпретацию, что отповедь, данная ему на одном из вечеров у В. И. Герье самим же хозяином, встречена была сочувственно. Владимиру Сергеевичу поставлена была на вид неблаговидность его поведения по отношению не только к товарищам по корпорации, но и по отношению к отцу, которого тот же Любимов гнал со службы своими доносами. Поддержанный ранее на университетских выборах

Библиотека "Руниверс"

тем же Герье, который теперь так резко осуждал его поступок, Владимир Сергеевич впервые почувствовал желание разорвать связь с нашей коллегией и преподаванием в ней. Крайне самолюбивый, он не вынес резко изменившихся к нему отношений и профессоров, и студентов — и вышел из состава доцентов Московского университета»[45].

Что касается М. М. Троицкого, то его перемещение из Варшавского в Московский университет затянулось из-за бюрократической переписки между Московским и Варшавским университетами и канцелярией попечителя Московского учебного округа, и он только 25 августа 1875 г. был окончательно утвержден в штат Московского университета. Столкновения взглядов между ними не произошло. По-видимому, можно отметить несколько причин такого мирного сосуществования. Во-первых, Троицкий появился в Москве осенью, а летом на полтора года Соловьёв уехал в заграничную командировку. Так что на первых порах очного свидания не получилось. А во-вторых, можно высказать предположение, что характер М. М. Троицкого не побуждал к спорам. Ведь за всю свою жизнь он не опубликовал ни одной критической статьи или рецензии. Едкие критические замечания в адрес немецких философов в его диссертации, пожалуй, единственный случай его воинственного настроения. Да и Вл. Соловьёв говорил о блаженном удовлетворении, об умственной неподвижности Троицкого[46].

Так что жажды споров у Троицкого не просматривается. Впрочем, и Соловьёв после возвращения из-за границы не проявил ни малейшего желания выяснить философские пристрастия своего старшего сослуживца.

В целом философские взгляды М. М. Троицкого больше соответствовали общественному умонастроению, чем взгляды

---

[45] *Ковалевский М. М.* Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века. (Личные воспоминания) // Вестник Европы. 1910. № 5. С. 186–187.

[46] *Соловьёв Вл.* Три характеристики (М. М. Троицкий — Н. Я. Грот — П. Д. Юркевич) // Вестник Европы. 1900. Январь. С. 322, 335.

Библиотека "Руниверс"

Вл. Соловьёва, чьи лекции отнюдь не вызвали восторга в студенческой среде. Успех придет к нему позже, уже в период его кратковременной, к сожалению, педагогической деятельности в С.-Петербургском университете. М. М. Троицкий же вошел в профессорскую коллегию Московского университета как «свой среди своих». О том умонастроении, которое царило в преподавательской среде университета, пишет в своих воспоминаниях Е. Н. Трубецкой. «Там,— пишет Е. Н. Трубецкой,— в начале восьмидесятых годов царствовал тот самый позитивизм Огюста Конта и Джона Стюарта Милля, от которого мы (с братом.— *А. П.*) только что отрешились. На юридическом факультете, куда мы оба первоначально поступили, и на факультете филологическом, куда вскоре перешел брат, почти каждый профессор во вступительной лекции считал себя обязанным заплатить дань модному увлечению. Дань эта выражалась либо в презрительных выходках по адресу “пережившей себя метафизики”, либо в стереотипных однообразно повторяемых фразах о трех периодах развития мысли, “теологическом, метафизическом и позитивном”»[47]. К подобной характеристике умонастроений в профессорской среде я хотел бы добавить, что эта характеристика относится к началу 1880-х гг., а уже в середине 1880-х умонастроения в обществе, да и в университете, начали постепенно меняться. С середины 1880-х гг. на кафедре философии стали работать Л. М. Лопатин, Н. Я. Грот, А. Н. Гиляров, с конца 80-х С. Н. Трубецкой, взгляды которых позитивистскими никак не назовешь. Да и среди профессоров других факультетов не все разделяли позитивистские взгляды. Например, профессор математики В. Я. Цингер был близок к философии Канта и критиковал позитивизм. Не разделяли позиции контизма и некоторые другие профессора. Да и М. М. Троицкого тоже нельзя считать поклонником позитивной философии. Он был страстным пропагандистом эмпиризма, научных методов познания психических явлений, но не сторонником философии О. Конта, хотя многие его современники и зачисляли его в ряды позитивистов. Дело в том, что

[47] *Трубецкой Е. Н.* Воспоминания. София, 1922. С. 72–73.

Библиотека "Руниверс"

очень многие употребляли термин «позитивизм» в широком смысле слова, для обозначения таких философских учений, которые отрицают возможность независимой умозрительной онтологии, а область реального знания ограничивают пределами точных наук. За философией в этом случае оставляют гносеологическую проблематику, рассматривая ее с позиций эмпиризма. Так, например, некто В. К. в журнале «Русское богатство» под заголовком «Позитивизм в русской литературе» рассматривает взгляды Милютина, Лаврова, Троицкого, де-Роберти, Лесевича, Михайловского, Кавелина и Кареева. Автор, правда, отмечает, что эмпирическая философия не есть позитивизм О. Конта, но она, убеждает автор, дает ему обоснование, «совпадая с позитивизмом в антиметафизическом выводе, представляет посылки для этого вывода» [48]. Философское обоснование позитивизму, пишет автор, давала «отчасти и критическая школа Канта» [49]. Но ведь никому не придет в голову зачислять последователей Канта в позитивистов, а вот последователя английской эмпирической философии М. М. Троицкого в позитивисты почему-то зачисляли. Автор относит Троицкого к позитивистам, несмотря на резкие отзывы того о Конте, также потому, что он «всецело стоит на стороне индуктивного метода и вполне разделяет <...> воззрения крайних эмпириков английской школы» [50]. Как будто все эмпирики — позитивисты! Но ведь Троицкий не отрицал метафизики как таковой. Он отводил метафизике связующую роль между научным и религиозным знанием, полагая, что изучать психические факты можно научными методами, не прибегая к метафизическим, т. е. умозрительным рассуждениям. А метафизика, как учение о «мыслимости нефеноменальных вещей», как система гипотез «о нефеноменальной сущности души и ее существовании вне связи с телом», должна «оставаться

[48] *В. К.* Позитивизм в русской литературе (Милютин, П. Л-в, Троицкий, де-Роберти, Лесевич, Михайловский, Кавелин, Кареев) // Русское богатство. 1889. № 3. С. 8.

[49] Там же. С. 15.

[50] Там же. С. 17.

Библиотека "Руниверс"

делом личного убеждения» и изыскивать методы мыслимости сверхопытных вещей в согласии с основаниями религиозной веры и науки[51]. При этом М. М. Троицкий подчеркивал, что «положительная наука не против метафизических гипотез, как руководства в личной, молчаливой постановке вопросов о духе, она только против признания их научно-разрешимыми, и поэтому против введения их в число предметов, подлежащих ее обработке»[52].

Метафизика, как и религия, не исчезает из области явлений духа. Но научные, т. е. опирающиеся на опыт, методы исследования в метафизике и религии не применимы. А вот в философии научные методы могут найти применение, правда, не во всех областях, ибо философия, как область человеческой духовной деятельности, шире науки, но она может в отдельных своих разделах применять научные методы. «Философия,— пишет Троицкий,— не может быть отделена от науки; нельзя исключить из философии <...> таких наук, как психология, логика, эстетика. Во-вторых, понятие философии не совпадает, по объему, с понятием науки; потому что первое шире последнего. Отождествляя философию с наукою, мы должны были бы все ненаучное признать не философским; — следовательно исключить из философии учение о *нравственных вероятностях* (теодицея, философия религии) и учение о *мыслимости* нефеноменальных вещей (метафизика). А на это не согласится вполне ни одна философская школа: без философии религии и метафизики для большинства философов нет философии»[53]. Где же здесь отрицание метафизики, столь характерное для позитивизма?

Как видим, М. М. Троицкого нельзя без существенных оговорок причислять к позитивистам. Да, действительно,

[51] *Троицкий М. М.* Учебник логики с подробными указаниями на историю и современное состояние этой науки в России и других странах. Кн. 3. Вып. 1. М., 1888. С. 77, 44, 119.

[52] *Троицкий М. М.* К. Д. Кавелин: страница из истории философии в России // Русская мысль. 1885. Ноябрь. С. 194.

[53] *Троицкий М. М.* Учебник логики... Кн. 3. Вып. 1. С. 43–44.

Библиотека "Руниверс"

в каких-то отношениях его взгляды близки к позитивизму, особенно в отрицании метафизики как *единственного* средства познания духовных явлений, в подчеркивании роли научных методов в познании психического. Во всяком случае он никогда не отрицал роли философии как определенного рода средства познания действительности, близкого к научному, но не совпадающего с ним. «Философия,— пишет он,— не может быть отделена от науки; но также не может вполне и совпадать с нею. Она должна, таким образом, совпадать с специальною наукою только в некоторой мере, или быть не наукою, а *научною* или *положительною*, не отказываясь, в своем *последнем слове*, быть также *проблематическою* и *гипотетическою*»[54].

Изложив свое понимание философии как стремления к мудрости, как систему учений о началах наук, Троицкий формулирует тот минимум, который характеризует философию в тесном смысле. Это «логика (наука о достоверности истины), эстетика (наука о красоте в искусстве), наука о праве человека (наука о естественной справедливости) и этика (наука о нравственном долге или о добродетели)». К этому списку *философских наук* Троицкий добавляет философию веры и метафизику как *философские учения* и психологию как *введение в философию*[55].

Определяя психологию как введение в философию, Троицкий как бы выводит психологию из системы философских наук, хотя в действительности он понимает психологию очень широко и именно как философскую дисциплину, включая в нее всю проблематику теории познания. Причем проблемы познания он считал возможным изучать строго научным методом, опытным, аналитическим путем, не прибегая ни к какой «метафизике души». Троицкий категорически возражал против понимания сознания как некой субстанции, свойства которой определяют весь процесс познания. Он понимал сознание как сознание личности, человека, физического

[54] Там же. С. 45.
[55] Там же. С. 48–49.

Библиотека "Руниверс"

организма, а не свойство какой-то особой субстанции наподобие «абсолютного духа», «абсолютного Я». Сознание — это состояние человеческого духа, а дух — это «не общество и не тело: дух есть вся сумма *психических* фактов, отличающих индивидуальное существование живых произведений природы. Психическими фактами называются факты *сознания* или факты чувства, ума и воли, которые достигают своего единства в фактах личности» [56]. Таким образом, психология, изучая психические факты, изучает человеческую личность как концентрированное выражение человеческого духа. «Современная психология,— пишет Троицкий,— приучила нас мыслить, что все психические явления суть явления сознания,— что и чувство есть сознание, и представление есть сознание, и мысль есть сознание,— и даже ощущения, внешние ощущения суть состояния сознания» [57]. То есть все наши ощущения, представления, понятия, идеи, мысли есть произведения нашего сознания, нашей психики, а вовсе не произведения какой-то внечувственной субстанции, существующей независимо от личности, от живого организма. Весь наш духовный мир выражает нашу личность, а не отражает какую-то независимую от нас идею, абсолютное Я и тому подобные абстрактные сущности.

Постоянно подчеркивая, что наш духовный мир, наши идеи есть состояния нашего духа, а вовсе не нечто отличное от него и самостоятельно существующее, Троицкий отнюдь не считал духовные, психические явления порождением нашего физического организма. Психические явления, подчеркивал Троицкий, имеют свою собственную природу, свои универсальные начала, которые включают в себя законы ума, духовных волнений и воли.

Все явления духа, утверждает Троицкий, есть не что иное, как рефлексия на те перемены в нашем организме, которые произведены внешними воздействиями. Никаких врожден-

[56] Там же. С. 116.

[57] *Троицкий М. М.* К. Д. Кавелин: страница из истории философии в России // Русская мысль. 1885. Ноябрь. С. 166.

Библиотека "Руниверс"

ных идей, которые бы существовали до внешних воздействий, в человеке не существует. Источником наших идей являются ощущения, получаемые из внешнего мира. Но не только они. Помимо идей, которые возникают под воздействием ощущений, существует другой класс идей, которые появляются как рефлексия на те идеи, которые возникают под воздействием ощущений. Троицкий постоянно ссылается на Локка, который выявил эти два источника идей – ощущения и рефлексию. Наше мышление, сомнения, вера, желания, знания есть рефлексия по поводу тех ощущений, которые получены от внешнего мира. Идеи не возникают раньше ощущений, они есть результат перцепции, воспоминания, рассматривания и т. п. Наше восприятие внешнего мира не есть пассивный акт ощущения, оно является одновременно и продуктом собственных операций духа – рефлексивной перцепции. Таким образом, восприятие внешнего предмета есть одновременно и воспроизведение уже сложившейся в нашем сознании идеи этого предмета. Получается целая причинная цепь, внешние воздействия на наш организм есть причина наших ощущений, а ощущения – причина всех других духовных явлений. Троицкий приводит примеры того, что и сама мысль может явиться причиной другой мысли. Возникает целая цепь ассоциаций. В нашей духовной, умственной деятельности, утверждает Троицкий, первичными являются внешние воздействия, из рефлексии на них рождаются все последующие причинно связанные духовные явления. В основе всех умственных явлений лежат законы ассоциации. «Все идеи, выражающие какие-нибудь постоянные отношения вещей,– пишет Троицкий,– суть сложный продукт законов ассоциации – таковы суть идеи субстанции, причины и проч.» [58].

Троицкий решительно выступает против утверждений о возможности существования представлений и понятий самих по себе, одним усилием воли. «Идеи наши о вещах воспроизводятся

[58] *Троицкий М. М.* Немецкая психология в текущем столетии. Историко-критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии в Англии со времен Бэкона и Локка. Т. 2. М., 1883. С. 189.

Библиотека "Руниверс"

только преемственно,— утверждает он,— и одна может вызывать, даже стремится вызывать по сходству другую; воспроизведение и отожествление происходит неожиданно и производит иногда потрясающее впечатление»[59]. Воля же скорее направлена на то, чтобы удержаться от скороспелого вывода, а не на формирование понятий, не основанных на законах ассоциации, смежности, сходства. По Троицкому, все психические явления есть цепь взаимосвязанных ассоциаций, которые и формируют наш духовный мир, все содержание нашей психической деятельности.

Анализируя книгу К. Д. Кавелина «Задачи психологии», Троицкий солидаризируется с точкой зрения И. М. Сеченова на кавелинские понятия «идеальность», «сознательность», «произвольность» и подчеркивает, что их нельзя рассматривать как духовные элементы, т. е. простые неразлагающиеся на другие действия, потому что они есть проявления способности человека анализировать свои внутренние чувства, свое самосознание путем сравнения, различения, отождествления и т. п. Однако Троицкий решительно не согласен с Сеченовым в том, что психологию должны разрабатывать физиологи. «Стоя твердо на точке зрения положительной науки,— подчеркивал он,— нельзя сливать психологию с физиологиею... основою положительного изучения духа должен быть, во всяком случае, субъективный анализ духа, как бы он ни был недостаточен в известное время»[60]. Это не значит, что, изучая психические явления, исследователь не должен одновременно анализировать и физиологические акты. Троицкий не уставал постоянно подчеркивать связь психологии с физиологией, патологией, психиатрией и другими науками, изучающими поведение человека. Наряду с субъективным анализом своих психических состояний необходимо изучать и телесное сопровождение психических актов, утверждал он. «Психический факт и его физический эквивалент в функциях тела,— писал Троицкий,— должны быть

---

[59] Там же. С. 276.

[60] *Троицкий М. М.* К. Д. Кавелин, страница из истории философии в России // Русская мысль. 1885. Ноябрь. С. 183.

Библиотека "Руниверс"

рассматриваемы как один *психологический* факт, имеющий две стороны, психическую и физическую»[61].

Это как два полюса одного предмета, они имеют единый результат, но противоположны по своим проявлениям. Поскольку каждый психический факт связан с определенным участком тела и мозга, то психология невозможна без изучения физиологии и анатомии, а также и других наук, изучающих поведение человека. Для обозначения соответствия психических и физических актов Троицкий употреблял термин «эквиваленция», чтобы подчеркнуть их взаимозависимость и взаимовлияние. При этом самонаблюдение, анализ своих психических состояний должны дополняться наблюдениями других людей над собой и наблюдениями над другими людьми. Всякое наблюдение над собой будет научным только в соединении с наблюдениями над другими, подчеркивал Троицкий. А «органом наблюдения над другими,— считал Троицкий,— служит язык, речь, словесность, литература, всякая общепринятая и общепонятная символика психических фактов»[62]. Вот почему Троицкий считал необходимым объединение специалистов различных наук для успешного развития исследований человеческого сознания, для прогресса психологической науки.

Во взглядах М. М. Троицкого нет стремления отвергать метафизику и философию как определенного рода мыслительную деятельность. Он лишь указывал рамки применения метафизического умозрения в изучении явлений духа, в исследовании конкретных проявлений психической деятельности. Психологию он считал основной наукой, которая помогает решать философские проблемы, ибо не отделял психологию от теории познания. Именно изучение психических фактов лежит в основе исследования процессов познавательной деятельности, подчеркивал он. Поэтому философия, как особая область духовной деятельности, должна опираться на изучение

---

[61] *Троицкий М. М.* Учебник логики с подробными указаниями на историю и современное состояние этой науки в России и других странах. Кн. 3. Вып. 1. М., 1888. С. 79.

[62] Там же. С. 120.

Библиотека "Руниверс"

психических явлений, т. е. на психологию. «Психология должна быть признана основой всех философских наук,— говорил он в курсе лекций по психологии.— Прежде этой основой считалась метафизика, а психология считалась только введением в философию, но теперь, когда метафизика ограничена изучением одного метода — метафизического созерцания — когда явилось другое учение, основой философии признана психология»[63].

Философские взгляды Матвея Михайловича Троицкого формировались, как и у большинства слушателей духовных академий, под влиянием античной и германской философии.

Будучи сыном сельского дьякона Боровского уезда Калужской губернии, он окончил Калужскую семинарию и в 1853 г. поступил в Киевскую духовную академию, где изучал историю философии под руководством бакалавра богословия П. Д. Юркевича и прослушал курсы введения в философию, логики, психологии и теории познания профессора Д. В. Поспехова (последователя немецких психологов Бенеке и Гербарта). По окончании академии в 1857 г. он был назначен учителем по классу философских наук, на следующий год получил степень магистра богословия, а в 1859 г. стал бакалавром[64]. Читая лекции по истории философии и давая уроки греческого языка в Киевской духовной академии, он одновременно посещал в Университете св. Владимира лекции по анатомии, физиологии и патологии, так как увлекся психологическими опытами и знание этих дисциплин считал необходимым для успешного их проведения. На основе своих психологических опытов он подготовил и опубликовал работу «Субъективные тоны», в которой рассматривал обертоны как чисто субъективное явление[65].

В 1861 г. М. М. Троицкий неожиданно оставил Киевскую духовную академию и перешел на службу в Министерство го-

---

[63] *Троицкий М. М.* Психология. Курс лекций, читанный в 1884–85 году ординар. профес. М. Троицким. С. 12.

[64] *Белкин А. С.* М. М. Троицкий // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. 52. С. 151–182.

[65] *Троицкий М. М.* Субъективные тоны // Библиотека для чтения. 1862. № 7.

Библиотека "Руниверс"

сударственных имуществ, а на следующий год Министерство народного просвещения направило на два с половиной года за границу «для приготовления к профессорскому званию» трех выпускников духовных академий С. П. Автократова, М. И. Владиславлева и М. М. Троицкого. Из этой троицы только М. М. Троицкий уже в период своей заграничной командировки привлек внимание читающей публики своими отчетами о прослушанных лекциях[66]. Н. Н. Страхов, например, ознакомившись с отчетом Троицкого о лекциях Тренделенбурга, заметил, что, несмотря на то что посылаемым в заграничную командировку на учебу молодым русским ученым строго наказывалось, «чтоб они вели себя смирно, не пересуживали профессоров, у которых учатся, не смели бы *упражнять над ними своих критических способностей* (таково было буквальное выражение)», Троицкий нарушил это наставление и подверг взгляды профессора Тренделенбурга критике. Н. Н. Страхов приветствовал такое самостоятельное поведение молодого русского ученого, идущее вразрез с привычным поклонением заграничным авторитетам. Критическое суждение М. Троицкого о взглядах Тренделенбурга на мышление, отмечал Н. Н. Страхов, свидетельствует о том, «что г. Троицкий сам достиг большей глубины во взгляде на мышление». «Мы думаем,— пишет Страхов,— что многие русские люди способны достигнуть гораздо большей глубины взгляда, чем берлинский профессор и академик Тренделенбург. <...> Как мы привыкли верить превосходству всего немецкого! — восклицает Страхов.— Своего мы не ценим, не обращаем на него внимания, не ставим ни во что; чужое же, самое плохое, имеет для нас какой-то таинственный авторитет»[67].

---

[66] Извлечения из отчетов лиц, отправленных за границу для приготовления к профессорскому званию. Причисленного к министерству магистра Троицкого [о прослушанных лекциях Фортлаге, Куно Фишера, Лётца (Лотца), Тейхмюллера, Дробиша, Фехнера, Вейсса, Тренделенбурга, Мишле] // Журнал Министерства народного просвещения. 1862. Ч. 116; 1863. Ч. 117, 118, 119, 120; 1864. Ч. 122.

[67] *Страхов Н.Н.* Г. Троицкий о Тренделенбурге // Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма 1861–1865. СПб., 1890. С. 468.

Библиотека "Руниверс"

По-видимому, два года пребывания в Германии привели к тому, что у Троицкого создалось впечатление о чуждости немецкой философии и психологии эмпирическим методам исследования психического, его, как видно, смутила «реакция против индуктивной методы исследования» и «страсть к непроницаемо-темному складу стиля», которые, как ему показалось, царили в немецкой философии[68]. Его неприятие вызвало также то, что, как он пишет в своей книге, со времен Вольфа в немецкой философии «система знаний силлогистических» получила название рациональной, а «система знаний индуктивных» стала называться эмпирической, и тем самым индукция стала рассматриваться как чисто практическая система выводов, не связанная с подлинной наукой[69]. Отсюда за эмпирическим знанием закрепилось мнение как о знании чисто практическом, не имеющим теоретического научного значения. А поскольку Троицкий в психологических опытах и наблюдениях видел единственное средство познания духовных явлений (не исключая, конечно, и самонаблюдения), а в индуктивных умозаключениях единственный метод выведения нового знания, то и мнение о немецкой психологии и философии у него сложилось чисто отрицательное. Он не увидел в Германии никакого прогресса по сравнению с английской философией. «“Опыт” Локка (Троицкий имеет в виду трактат Локка “Опыт о человеческом разуме”.– *А. П.*),– пишет он,– есть первый и единственный опыт здравой философской критики... напротив, в критиках Канта господствует, в сущности, вольфова и трансцендентальная схоластическая догматика знания»[70]. В преодолении же средневековой схоластики Бэконом и Локком Троицкий видел главную заслугу английской философии, а наличие в немецкой философии дедуктивных методов доказательств он рассматривал как

[68] *Троицкий М. М.* Немецкая психология в текущем столетии. Историко-критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии в Англии со времен Бэкона и Локка. Т. 2. М., 1883. С. 26, 27.

[69] Там же. С. 33.

[70] Там же. С. 46.

Библиотека "Руниверс"

пережиток средневековой схоластической силлогистики (Троицкий фактически отождествлял понятия «силлогизм» и «дедукция», ибо рассматривал силлогизм как вывод от общего к частному, хотя М. И. Каринский в рецензии на «Учебник логики...» Троицкого заметил, что в третьей фигуре силлогизма заключение идет от частного факта и поэтому такое отождествление некорректно[71].

Таким образом и получилось, что в своих произведениях Троицкий выступает как страстный пропагандист английской эмпирической философии и противник изучения психических явлений без опоры на опыт и наблюдения.

По мнению М. М. Троицкого, все общие истины, лежащие в основе дедуктивных умозаключений, суть только совокупность истин частных и все заключения идут от частного к общему. Общая же посылка силлогизма есть лишь следствие наведения от частных фактов. «Метода индуктивная, в широком смысле восхождения от частного к общему,— утверждает Троицкий,— остается единственным самостоятельным органом как науки о веществе, так и науки о духе»[72]. Индуктивный метод по своей природе не может претендовать на познание нефеноменальной сущности ни вещества, ни духа, поэтому уму доступны только духовные и вещественные явления, но не сущности этих явлений.

А в немецкой философии, по мнению Троицкого, Кантом было произведено возрождение схоластических principia iniversalia, т. е. общих начал, предшествующих всякому опыту. Троицкий старается доказать, что вся беда немецкой философии в том, что, испытывая влияние английской философии с ее пристрастием к эмпиризму, немцы вернулись к силлогистике средневековья и при этом, как и Беркли, обратились к Спинозе, сохранив теорию универсальных начал. А «теория

---

[71] *Каринский М. И.* Учебник логики М. М. Троицкого // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Ч. 263. Июнь. С. 466.

[72] *Троицкий М. М.* Немецкая психология в текущем столетии. Историко-критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии в Англии со времен Бэкона и Локка. Т. 1. М., 1883. С. 41.

Библиотека "Руниверс"

универсальных начал,— пишет Троицкий,— с которою связано существование системы Канта, Фихте и Фриза, есть теория во всех отношениях ложная; между тем как широкая идея законов ассоциации, которою одушевлялись Гербарт и Бенеке, есть вполне здравая и оправданная» [73].

Его работа «Немецкая психология в текущем столетии» вся пронизана критическим отношением к немецкой философии, которая, как кажется Троицкому, означает возврат к средневековой схоластике, с которой так решительно покончила английская философия начиная с Бэкона и Локка. Уже позже, в 1885 г., Троицкий пояснял, что свою работу он написал «с целью доказать несостоятельность и безуспешность всякой метафизики души, претендующей на значение науки, будет ли она метафизикой идеализма, как в школах Фихте старшего, Шеллинга и Гегеля, или метафизикой реализма, как в школах Канта, Фриза, Гербарта и Бенеке. При этом не были забыты и немецкий материализм, и так называемый реаль-идеализм» [74].

Троицкий был убежден, что человек в принципе не способен судить о высших силах, стоящих за видимыми явлениями. Поэтому научному познанию доступны только явления, но не сущность вещества и духа.

По возвращении из заграничной командировки М. М. Троицкий подготовил к защите докторскую диссертацию «Немецкая психология в текущем столетии. Историко-критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии в Англии со времен Бэкона и Локка» (М., 1867).

Диссертация М. М. Троицкого, изданная в виде солидной монографии, вызвала в прессе довольно оживленную полемику, которая свидетельствовала о том, что диссертация затронула действительно важные для русской философии проблемы, не оставила равнодушным ни одного сколько-нибудь видного русского философа второй половины XIX века.

---

[73] Там же. Т. 2. С. 447.

[74] *Троицкий М.М.* К. Д. Кавелин: страница из истории философии в России // Русская мысль. 1885. Ноябрь. С. 174.

Библиотека "Руниверс"

Об этой работе Троицкого писали и сторонники его взглядов, и противники. Резко отрицательно отозвались о книге М. М. Троицкого А. А. Козлов, епископ Никанор (А. И. Бровкович), а С. С. Гогоцкий написал целую брошюру с детальным разбором ошибочных, с его точки зрения, положений, допущенных в книге[75]. Зато высоко оценили книгу К. Д. Кавелин и Н. Н. Страхов, а М. И. Владиславлев и Ф. Ф. Сидонский написали обстоятельные рецензии на эту работу, в которых отметили и недостатки работы, но подчеркнули и ее значение для развития русской философии. «Повторяем,— писал, например, М. И. Владиславлев,— что нельзя не быть благодарным г. Троицкому за изложение английской философии. Его труд обратит у нас внимание на нее»[76].

А Ф. Ф. Сидонский начинает рецензию словами: «Под этим заглавием г. Троицкий подарил нас книгою, замечательною во многих отношениях, хотя ее содержание не строго отвечает ее заглавию»[77]. Я. Н. Колубовский писал в своих воспоминаниях, что «для своего времени защита этой диссертации была целым событием. Под прикрытием английской психологии была объявлена война немецкой философии, хотя и потерявшей кредит у себя на родине, но все еще влиявшей на умы. Написанный живо, литературно и, что бывает редко в философских книгах, легко, труд Троицкого не устарел и теперь»[78]. И это Я. Н. Колубовский пишет в 1914 г. о диссертации, написанной в 1867 г.! Уже значительно позднее М. Н. Ершов в своей работе «Пути развития философии в России» писал, что «книга профессора М. М. Троицкого в свое время произвела большой шум своею смелостью и новизною точек зрения», что

---

[75] *Гогоцкий С. С.* Критическое обозрение сочинения М. Троицкого «Немецкая психология в текущем столетии». Киев, 1877.

[76] *Владиславлев М. И.* Зависимость немецкой психологии от английской // Журн. Министерства народного просвещения. 1867. Ч. 135. С. 536.

[77] *Сидонский Ф. Ф.* Немецкая психология в текущем столетии М. Троицкого. М., 1867 // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Ч. 134. С. 925.

[78] *Колубовский Я. Н.* Из литературных воспоминаний // Исторический вестник. 1914. Апрель. С. 135.

Библиотека "Руниверс"

«деятельность профессора М. М. Троицкого, как проводника и пропагандиста идей английской эмпирической философии на русской почве, имела весьма положительные результаты, как продиктованная исключительно мотивами *чисто философского* характера» [79]. Ершов специально подчеркивает «чисто философский» характер работы Троицкого, так как в то время, по его словам, интерес к философии поддерживался главным образом мотивами общественно-политического характера. Поэтому труды Троицкого, отмечает М. М. Ершов, «явились для русского читателя *школою*, в строгом смысле этого слова, философского мышления известного направления, сохраняя такого рода свое значение и до настоящего времени» [80]. А это М. Н. Ершов пишет уже в начале 1920-х годов!

В своей речи в Петербургском философском обществе 2 декабря 1899 года, посвященной памяти трех университетских профессоров — П. Д. Юркевича, М. М. Троицкого и Н. Я. Грота,— Владимир Соловьёв также подчеркивал философское значение труда Троицкого. Он говорил о том, что, пропагандируя английскую психологию, которая начинает «с бесспорных данных сознания», Троицкий тем самым способствовал развитию в нашей стране умозрительной философии. «*Наличные состояния сознания, как такие* — вот что действительно самоочевидно, и что дает настоящее начало умозрительной философии,— говорил Вл. Соловьёв.— Этим исчерпывается положительное значение и заслуга английской психологии, а следовательно — значение и заслуга того человека, который пересадил ее на почву нашего философского образования» [81]. Но, внедряя это «настоящее начало умозрительной философии» на русскую почву, Троицкий, тем самым, создавал основу «новой твердой почвы для мысли» [82]. Матвеем Михайловичем Троицким, отмечал Соловьёв, «в самом деле добыто сокровище — необходимое

---

[79] *Ершов М. Н.* Пути развития философии в России. Владивосток, 1922. С. 20, 21.

[80] Там же. С. 21.

[81] *Соловьёв Вл.* Три характеристики // Вестник Европы. 1900. Январь. С. 323.

[82] Там же. С. 320.

Библиотека "Руниверс"

условие серьезного философского мышления: свобода сознания от безотчетной предвзятости, как материалистической, так равно и спиритуалистической,— от всяких вещественных и душевных субстанций, от протяженных и мыслящих вещей, от мнимо-реальных единиц материи так же, как и от мнимо-реальных единиц сознания — и ото всего прочего догматического кошмара. Прогнать этот кошмар есть первое условие настоящей философии, первое условие для нее, но еще не сама философия»[83]. Троицкий, отмечал Соловьёв, не создал настоящей новой философии, но он расчистил почву для ее создания, и в этом его великая заслуга.

Свою диссертацию Троицкий принес в Московский университет П. Д. Юркевичу. Однако, ознакомившись с работой М. М. Троицкого, П. Д. Юркевич принять ее к защите не решился, так как она, по его мнению, не соответствовала требованиям, которым должна соответствовать докторская диссертация. В своем письме Троицкому Юркевич писал: «Если бы я одобрил ваш труд, то меня сочли бы варваром уже не философы наших петербургских трущоб (Юркевич имеет в виду Н. Г. Чернышевского и его соратников.— *А. П.*), но действительные знатоки философии и все научно образованные люди; особенно же я знаю, что мне пришлось бы нести тяжелую ответственность за честь университета»[84]. Но М. М. Троицкий не растерялся и обратился в Петербургский университет, где М. И. Владиславлев и Ф. Ф. Сидонский согласились быть его оппонентами. В мае 1867 г. Троицкий успешно защитил диссертацию.

После защиты докторской диссертации М. М. Троицкий был направлен в Казанский университет. И уже в первых своих лекциях он сумел увлечь студенческую молодежь своим стремлением излагать философские проблемы опираясь на самые последние психологические исследования. Вот как, например, описывает появление в Казанском университете профессора

---

[83] Там же. С. 334–335.

[84] *Ивановский Вл.* М. М. Троицкий (†22 марта 1899) // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 47. С. 205.

Библиотека "Руниверс"

философии после 17-ти лет отсутствия философских лекций один из слушателей М. М. Троицкого – Д. А. Клеменц[85]. Клеменц пишет, что еще до появления М. М. Троицкого в университете слух о его защите докторской диссертации докатился до Казани. Однокурсник Клеменца П. М. Топорнин говорил: «Едет к нам новый профессор философии Троицкий, недавно вернувшийся из заграницы. Говорят, что он очень много занимался английскими философами. В Петербурге на докторском диспуте он обнаружил громадную эрудицию не только по своему специальному предмету, но и по естественным наукам». <...> «Слухи о новом профессоре скоро разнеслись по университету,– пишет Клеменц,– и на вступительную лекцию набралось столько народу, что ни одна из самых обширных аудиторий не могла вместить желающих послушать Троицкого. Я опоздал всего на несколько минут к началу лекции и нашел, что пробиться в аудиторию нет никакой возможности; те же, которые успели заранее завоевать местечко, после лекции были очарованы новым профессором. Все говорили, что он очень наглядно обрисовал роль философии среди других человеческих знаний и в конце концов привел публику к выводу, что и философия в своих исследованиях должна руководствоваться теми же приемами, как и наука. Лекции Троицкого всегда были полны». Клеменц пишет, что М. М. Троицкий был «самым популярным из профессоров, которого слушали студенты всех факультетов <...>. Раньше него этот предмет преподавал профессор богословия, которого никто не слушал. Троицкий <...> начал преподавать логику по Миллю, а психологию по Бэну. Это был прекрасный лектор и появился как раз вовремя». «Сначала мы думали,– продолжает Клеменц,– что наконец-то у нас будет

[85] Д. А. Клеменц был студентом Казанского, затем С.-Петербургского университетов. После окончания университета стал видным теоретиком народнического движения, вошел в кружок чайковцев, в котором сплотились все недовольные деятельностью Нечаева, ввел в него П. А. Кропоткина, был членом партии «Земля и воля», политическим ссыльным, но затем стал известным ученым, этнографом, путешественником, директором Русского этнографического музея памяти императора Александра III и умер в чине действительного статского советника.

Библиотека "Руниверс"

профессор, с которым можно будет советоваться насчет занятий по его предмету, и дело пошло было на лад; нашлись студенты, которые пожелали заниматься, но у большинства недоставало предварительных знаний. Может быть, Троицкий и нашел бы себе настоящих учеников, но как-то не сошелся с профессорской коллегией, скоро перевелся из Казани и впоследствии был профессором в Московском университете. Как бы то ни было, Троицкий все-таки принес нам немалую пользу. Мы познакомились с Юмом и Локком, с Ридом и Догальд Стюартом и с психологом Бэном, не говоря уже о Герберте Спенсере и Джоне Стюарте Милле»[86].

Я привел эти обширные выдержки из воспоминаний бывшего студента Казанского университета, чтобы не пересказывать своими словами очень яркое свидетельство того, как были восприняты лекции М. М. Троицкого после столь длительного отсутствия философских лекций в российских университетах. Для полноты картины процитирую еще одно воспоминание, характеризующее отношение к философии в студенческой среде в начале 1870-х гг., которое приводит в своем исследовании о молодых годах Владимира Соловьёва С. М. Лукьянов. «В ту пору, когда я был студентом Петроградского университета,— цитирует С. М. Лукьянов известного издателя сочинений А. С. Пушкина П. О. Морозова,— философия не пользовалась особенным вниманием студентов-филологов. Лекции старика протоиерея Ф. Ф. Сидонского, доживавшего свой долгий век и вскоре скончавшегося, слушались только любителями материала для смехотворных анекдотов, а главный представитель

[86] *Клеменц Д. А.* Из прошлого. Воспоминания. Л., 1925. С. 115, 111, 115–116. Но как бы ни был успешен дебют М. М. Троицкого в Казанском университете, он через два года его покинул. По всей видимости, Д. А. Клеменц верно отмечает причину скорого ухода Троицкого из Казанского университета: что-то не сложилось у него с профессорской коллегией. И уже в 1869 г. он переводится в Варшавский университет, хотя имел возможность работать и в Харьковском, и в Киевском университетах. Но когда после смерти П. Д. Юркевича в 1874 г. открылась вакансия в Московском университете, М. М. Троицкий сразу подал документы на замещение должности ординарного профессора Московского университета.

Библиотека "Руниверс"

философской кафедры М. И. Владиславлев, хотя, по возрасту, и самый молодой из тогдашних наших профессоров, не привлекал к себе слушателей ни изложением, ни содержанием своих лекций. Оттого мы все мало интересовались философией и относились к этому предмету почти исключительно с формальной стороны, почитывая кое-что немного только ради экзаменов. В нашей среде нашелся только один студент, решившийся выбрать своею специальностью этот мало популярный предмет, да и то вовсе не под влиянием профессора, к которому всегда относился иронически, а благодаря совсем особому направлению своего независимого от лекций чтения, это был покойный Н. Я. Грот, впоследствии известный одесский и московский профессор. Насколько помню, Грот в ту пору был одним из самых восторженных поклонников П. Г. Редкина, читавшего для юристов энциклопедию и философию права, и едва ли не личное его знакомство с старым профессором всего больше увлекло его на необычный для тогдашнего петроградского студента путь[87]. Другие мои товарищи, как и я сам, в области философского знания интересовались больше всего позитивной философией Конта, основные начала которой в ту пору усердно пропагандировались в "Отечественных записках" В. В. Лесевичем. <...> Благодаря увлечению позитивизмом, в котором нам виделось такое простое и ясное решение всех "проклятых" вопросов, все остальные философские системы и учения были взяты нами "под сомнение"; ими просто не интересовались, видя в них какой-то старый хлам, после Конта совсем ненужный»[88].

Как очевидно из этих свидетельств, философские взгляды М. М. Троицкого в целом отвечали запросам студенческой ауди-

---

[87] Петр Григорьевич Редкин в начале своей деятельности увлекался философией Гегеля, но затем объявил себя сторонником О. Конта. В 1873–1876 гг. был ректором С.-Петербургского университета. А Николай Грот был еще и под влиянием К. Д. Кавелина, который был близким другом дяди Николая Грота — Константина Карловича. С Кавелиным молодой Грот часто беседовал, особенно в связи с его полемикой с И. М. Сеченовым.

[88] *Лукьянов С.М.* О Вл.С. Соловьёве в его молодые годы: Материалы к биографии. Кн. 2. Пг., 1918 (репринт, изд.: М., 1990).С. 27–28.

Библиотека "Руниверс"

тории, что, конечно, привлекало к нему симпатии слушателей. Но успех М. М. Троицкого как преподавателя обусловливался еще и манерой чтения лекций, логикой изложения материала, тщательной подготовкой текстов. Об этом в некрологе Троицкого очень убедительно пишет его ученик В. Н. Ивановский. «М. М. Троицкий обладал умением приковывать внимание слушателей,— пишет В. Н. Ивановский.— Достигал он этого, на первый взгляд, очень просто: он необыкновенно ясно и отчетливо излагал всякий вопрос, которого он касался, расчленял и анализировал его до последних элементов. Конечно, это была та простота, которая так трудно дается людям, которая требует и полного обладания своим предметом, и безусловной определенности и точности мысли и выражений. М. М. делал свою речь интересной не какими-либо внешними эффектами,— в его лекциях не было ни расчетливо построенных антитез, ни блестящих сравнений и метафор <...> Словом, ничего эффектного. И между тем, его изложение было превосходно: оно захватывало внимание слушателей необыкновенной, кристальной ясностью, систематичностью, силой и глубиной анализа. <...> М. М. вообще придавал большое значение уменью хорошо излагать; о тех, кто выражался темно и запутанно, он говорил, что неясность выражения служит верным признаком туманности мысли, что хорошо, до конца продуманное и проанализированное нельзя выразить непонятно, невразумительно... Все слушавшие его согласятся с тем, что каждая его лекция запечатлевалась в памяти в стройных чертах и отчетливом облике; слушатели выходили из аудитории с сознанием того, что они что-то приобрели, что их умственный горизонт стал шире; и многие из них каждой следующей лекции ждали с нетерпением, досадуя, если нездоровье М. М. или праздник мешали ей состояться»[89].

Мне представляется, что приведенные свидетельства достаточно убедительно показывают, что популярность М. М. Троицкого у студентов была обусловлена не только тем, что его

---

[89] *Ивановский В. Н.* М. М. Троицкий // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 47. С. VII–VIII.

Библиотека "Руниверс"

философские взгляды не противоречили существовавшим в студенческой среде представлениям о философии, но и его талантом преподавателя, высоким профессионализмом, прекрасным знанием материала, который он преподносил своим слушателям. Стремление к научному изучению духовной деятельности — вот что привлекало студентов в педагогической практике Троицкого. И об этом очень ярко свидетельствует М. О. Гершензон, которого вряд ли можно заподозрить в пристрастии к позитивизму, хотя он, как и М. М. Троицкий, рассматривал метафизику как сугубо личностное интуитивно-чувственное восприятие мира и его объяснение. В письме брату 15 декабря 1889 г. он довольно подробно описывает лекции Троицкого по психологии, с явной симпатией относясь к его взглядам.

«Кроме обязательных лекций,— пишет М. Гершензон,— я в этом семестре слушал еще психологию у Троицкого. Начал я его слушать совершенно случайно: был свободный час, вот и пошел послушать знаменитого профессора. Ну, а с тех пор ходил уж регулярно, и со второй лекции начал вести заметки. В начале семестра он читал историю психологии, и только в середине ноября начал систематический курс психологии. Вот на первую лекцию систематического курса я и попал случайно.

Надо тебе сказать, что “философы” нашего университета делятся на две группы: на метафизиков и позитивистов, так сказать, или реалистов. К первым принадлежат Н. Я. Грот, Трубецкой и, кажется, Лопатин, единственным представителем второй школы является Троицкий. Симпатии студентов явно на стороне последнего. Слушателей у него впятеро против Грота, который тоже читает психологию. Лекции его не раз прерываются громом аплодисментов; последняя лекция в этом семестре тоже закончилась рукоплесканиями.

И есть за что. С удовольствием смотришь как снимает он с ходуль все ответственные понятия и бережно ставит их на землю, на общий фундамент. Поразительна цепкость этого старика: взберется он на гору высоко, высоко, того и гляди сорвется вниз, в бездну метафизики (взять хотя бы вопрос о явлениях личности). Так нет; не только сам уцепится, а и нас

Библиотека "Руниверс"

с собою втянет, что особенно трудно, потому что мы очень мало привыкли к отвлеченному мышлению. Не говоря уже об огромной пользе, я почерпал в его лекциях великое наслаждение. Он работает, как опытный каменщик, прочно, быстро и чисто. Я записывал во время лекции почти все, а после лекции уходил в Румянцевский Музей и там, при помощи его же двухтомной "Науки о духе", подробно разрабатывал лекцию. Потом чистенько записывал в тетрадь. Он читал два раза в неделю по часу. В будущем семестре читает продолжение.

Из себя он представляет невысокого, довольно толстого господина лет под шестьдесят, с проседью и женственными движениями и улыбками (улыбки эти, как и вообще все телодвижения его, часто бывают весьма неприятны). Бреет бороду и носит звезду. Он — заслуженный профессор[90] и декан филологического факультета»[91].

Как видно из текста письма, привлекала слушателей к лектору не его внешность и манеры, а глубокое содержание излагаемого материала и форма подачи этого материала. Троицкий вообще очень тщательно готовил тексты своих работ к публикации, об этом пишет в своих воспоминаниях Я. Н. Колубовский, который отмечал, что, несмотря на то что вышедшие после его нашумевшей диссертации работы «Наука о духе» и «Логика» написаны «крайне сухо», «с внешней стороны эти труды отделаны с чрезвычайной тщательностью. Этим Троицкий очень гордился»[92]. Такое внимание к подаче материала, судя по всему, относилось и к тексту лекций. (Хотя не все имеющиеся в библиотеках рукописные записи лекций впечатляют тщательностью обработки.)

---

[90] Звания заслуженного ординарного профессора М. М. Троицкий был удостоен в 1887 г. «по выслуге 25-ти лет в должности штатного преподавателя в университете». По всей видимости, годы заграничной командировки «для приготовления к профессорскому званию» включались в стаж преподавательской деятельности.

[91] *Гершензон М.* Избранное. Т. 4. Тройственный образ совершенства. М.—Иерусалим, 2000. С. 368.

[92] *Колубовский Я. Н.* Из литературных воспоминаний // Исторический вестник. 1914. Апрель. С. 135.

Библиотека "Руниверс"

Матвей Михайлович Троицкий проработал в Московском университете без малого четверть века. Он читал курсы истории философии, логики и психологии на историко-филологическом факультете, курс истории философии права на юридическом факультете, на котором в 1881–1885 гг. читал также логику, а в 1883/1884 учебном году еще и психологию. До 1885 г. Троицкий работал на кафедре один, только в 1885 г. на кафедру в качестве приват-доцентов были утверждены Л. М. Лопатин и А. Н. Гиляров. Причем Троицкий еще и совмещал преподавательскую работу с административной, потому что в 1880 г. он был на два года избран деканом историко-филологического факультета, а затем переизбран еще на два года, что свидетельствует о том, что в коллективе факультета он пользовался определенным уважением.

В 1886 г. в соответствии с университетским уставом «по истечении 30-ти лет учебной службы» М. М. Троицкий «выбыл из числа штатных профессоров с сохранением профессорского звания и права преподавания в университете», равно как и права занимать все должности по университету. Материально М. М. Троицкий не пострадал, так как пенсия была равна профессорскому жалованию. Более того, находящемуся на пенсии профессору за преподавательскую работу назначалось министром вознаграждение в размере 1200 р. (§ 105 устава 1884 г.). Но ставка ординарного профессора в университете освободилась и на нее из Новороссийского университета был переведен Николай Яковлевич Грот, который давно мечтал перебраться в Москву. В том же году на кафедру в должности приват-доцента был утвержден А. П. Казанский, но вскоре переведен на место Н. Я. Грота в Новороссийский университет. 10 августа 1886 г. М. М. Троицкий был на год командирован за границу «с ученой целью», а на кафедре остались профессор Н. Я. Грот и приват-доценты Л. М. Лопатин и А. Н. Гиляров, последний через год, в 1887 г., был переведен в Киевский университет св. Владимира. На кафедру же в конце 1888 г. был утвержден С. Н. Трубецкой в должности приват-доцента. Таким образом с начала 1889 г. на кафедре философии впервые оказалось

Библиотека "Руниверс"

четыре преподавателя: заслуженный ординарный профессор М. М. Троицкий, ординарный профессор Н. Я. Грот и приват-доценты Л. М. Лопатин и С. Н. Трубецкой. Как ни странно, эти очень разные и по взглядам, и по темпераменту люди мирно уживались на одной кафедре (во всяком случае нигде в литературе мне не встречались сведения о конфликтах на кафедре философии Московского университета). В 1891/1892 учебном году, когда Н. Я. Грот был на год отправлен в командировку за границу, а М. М. Троицкий «исправлял должность ректора», на кафедру были приняты П. Е. Астафьев и Г. И. Челпанов, который летом 1892 г. был переведен в Киевский университет Св. Владимира, а на его место утвержден в должности приват-доцента А. С. Белкин. (П. Е. Астафьев тоже вскоре переехал в С.-Петербург и там в апреле 1893 г. скончался.)

С выбытием из числа штатных профессоров университета преподавательская деятельность М. М. Троицкого не прервалась. В 1887 г., по возвращении из заграничной командировки, он начал читать курс логики на историко-филологическом факультете, а в отдельные годы он читал и психологию, и историю философии, и некоторые специальные курсы. Не миновали его и административные нагрузки: попечителем Московского учебного округа он назначался (в соответствии с уставом 1884 г.) деканом историко-филологического факультета в 1889–1891, 1892–1899 гг., а министром народного просвещения на 1891/1892 учебный год был назначен исполнять должность ректора.

Но разговор о деятельности М. М. Троицкого был бы не полным, если не сказать о его роли в создании Психологического общества при Московском университете, общества, которое сыграло очень существенную роль как в разработке философских проблем, так и в распространении философских знаний. М. Н. Ершов писал в 1910 г. (почти словами Вл. Соловьёва), что «имя М. М. Троицкого должно навсегда остаться в истории русского философского образования, независимо от важного значения его учено-литературной деятельности, уже по одному тому, что ему обязано своим возникновением Московское психологическое общество, сыгравшее несомненно важную

Библиотека "Руниверс"

роль в истории развития русской философской мысли»[93]. Уже в 1883 г. М. М. Троицкий начал формировать группу учредителей из представителей разных кафедр университета, а 28 января 1884 г. членами-учредителями Московского психологического общества (проф. антропологии Д. Н. Анучин, профессора зоологии А. П. Богданов и С. А. Усов, проф. математики Н. В. Бугаев, проф. философии права Н. А. Зверев, проф. истории права М. М. Ковалевский, проф. психиатрии А. Я. Кожевников, проф. уголовного права Г. Е. Колоколов, проф. судебной медицины В. А. Легонин, профессора сравнительного языкознания В. Ф. Миллер и Ф. Ф. Фортунатов, проф. римского права С. А. Муромцев, проф. истории всеобщей литературы Н. И. Стороженко, проф. философии М. М. Троицкий, проф. политэкономии и статистики А. И. Чупров, проф. физиологии Ф. П. Шереметевский) было подано в Совет Московского университета прошение о возбуждении ходатайства перед министром народного просвещения о создании при Московском университете Психологического общества. Министерство 15 июля 1884 г. утвердило Устав Общества, а 24 января 1885 г. состоялось его первое заседание, избравшее Совет Общества. 14 марта 1885 г. состоялось первое публичное заседание, на котором с докладом «О задачах и методах современной психологии» выступил уже в качестве председателя Общества М. М. Троицкий. В своем докладе Троицкий отметил, что психология для своего успешного развития нуждается в сотрудничестве с другими науками, потому что развитие научных дисциплин делает невозможным соединение в одном лице необходимых специальных знаний, а изучить психические явления только путем субъективного анализа невозможно. Объективный же анализ позволяет изучать психический факт при помощи изучения его телесного или физического сопровождения, которое изучает физиология, нуждающаяся, в свою очередь, в знании анатомии. Генезис психических явлений невозможно изучать без помощи исто-

---

[93] *Ершов М. Н.* К характеристике философских взглядов М. М. Троицкого // Вера и разум. 1910. № 14. С. 215.

Библиотека "Руниверс"

рии культуры, языка, этнографии и т.д. То есть психология для своего успешного развития нуждается в сотрудничестве со многими другими науками, и это сотрудничество призвано осуществить создаваемое Психологическое общество[94]. Такое понимание роли научного сотрудничества в изучении сложных проблем человеческого сознания привлекло в Общество многих ученых как общественных, так и естественных наук. Любопытно свидетельство одного из учредителей Общества — Максима Максимовича Ковалевского, которое очень хорошо показывает и ожидания московских профессоров, и первые шаги Общества, и разочарования некоторых членов Общества направлением его философской деятельности (следует при этом учитывать, что автор этого свидетельства был убежденным позитивистом до последних лет жизни).

М. М. Ковалевский пишет, что Психологическое общество при Московском университете «затеяно было Троицким, первые работы которого вызывали надежду, что в Московском университете на смену старым метафизикам с религиозной окраской выступит ревнитель английской психологии и философии наук. Первая надежда отчасти только оправдалась, и Троицким выпущена была книга под названием: "Наука о духе". Но к французскому позитивизму автор ее повернулся спиной и обнаружил совершенное незнакомство с его основателем, назвав Огюста Конта французским материалистом. Тем, кому, подобно мне или профессору Тимирязеву, еще за границей, в годы ученичества, пришлось заинтересоваться направлением, данным философской мысли Контом, Литтрэ, Миллем, Бэном, Спенсером и Джорджем Льюисом, показалось весьма желательным возникновение общества, готового посвятить себя научному изучению психологии и соседних с нею философских дисциплин. Мы выступили поэтому в числе членов учредителей, но ожидания наши далеко не оправдались. Метафизическое направление в скором

[94] *Троицкий М. М.* Современное учение о задачах и методах психологии. (Речь на первом публичном заседании психологического общества 14 марта 1885 г.) // Троицкий М.М. Учебник логики. Кн. 3. Вып. 1. М., 1888. С. 115–146. (Отдельное издание. М., 1885.)

Библиотека "Руниверс"

времени получило в основанном нами обществе решительный перевес, и мы постепенно стали все реже и реже посещать его заседания»[95].

Как видим, М. М. Ковалевский, будучи сам последовательным позитивистом, не считает М. М. Троицкого своим философским соратником. И действительно, Троицкий был страстным критиком схоластики, приверженцем эмпиризма, сторонником научных методов в изучении психического, пропагандистом ассоцианизма, но никогда не был последователем Огюста Конта.

А Общество в действительности было именно философским, и об этом пишет Н. Д. Виноградов в своем историческом очерке о деятельности Психологического общества за 25 лет: «Разработка чисто психологических проблем в действительности никогда не занимала центрального места в деятельности Общества... В сферу его деятельности было внесено обсуждение важнейших проблем философии в широком смысле»[96]. Если мы посмотрим тематику докладов на заседаниях Общества, то убедимся, что Н. Д. Виноградов был абсолютно прав.

Психологическое общество при Московском университете сыграло огромную роль в распространении философских знаний, в привлечении специалистов самых разных отраслей знания к разработке философских проблем. Стать членом Психологического общества считали высочайшей честью очень многие деятели наук. Членами Общества были такие известные ученые, как физик А. И. Столетов, ботаник К. А. Тимирязев, физиологи М. А. Мензбир и И. М. Сеченов, психиатры В. И. Сербский и И. А. Сикорский, историки В. И. Герье и В. О. Ключевский, социологи Е. В. Де-Роберти и Н. И. Кареев, писатель Л. Н. Толстой, литературный критик Н. К. Михайловский и очень многие профессора и доценты, преподававшие в российских университетах.

---

[95] *Ковалевский М. М.* Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века. (Личные воспоминания) // Вестник Европы. 1910. № 5. С. 197.

[96] Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 103. С. 261.

Библиотека "Руниверс"

* * *

В период работы М. М. Троицкого в Московском университете произошли события, серьезно повлиявшие на нравственную атмосферу в университете.

Студенческие беспорядки привели-таки к тому, что в 1884 г. был утвержден новый университетский устав, ликвидировавший выборность ректоров и деканов и вводивший ограничения при приеме студентов[97]. Новые учебные планы ограничивали изучение истории философии только древним периодом, в основном философией Платона и Аристотеля, по истории философии права требовалось еще и знание Цицерона. Как утверждалось в «Экзаменационных требованиях, коим должны удовлетворять испытуемые в комиссии историко-филологической», «философские дисциплины предоставляются собственной любознательности учащихся, но для всех поставляется в обязанность основательное знакомство с Платоном и Аристотелем, потому что в творениях этих мыслителей находятся начала, и ныне имеющие руководительную силу, всего последующего философского развития, и самая философская терминология может быть должным образом понимаема лишь при основательном знакомстве с учениями этих мыслителей. Логика, входящая повсюду в состав общего образования, основана на Аристотеле». «*Интерпретация греческих и римских авторов* составляет главное основание всего историко-филологического испытания»,— гласил § 2 Общеобязательных требований[98]. К сказанному надо добавить, что изучение античной философии велось

[97] Требовалось свидетельство из полиции о благонадежности, увеличивалась плата за обучение, ограничивалось количество поступающих в университеты. Как писал Б. Н. Чичерин, устав 1884 г. привел «к полному его (просвещения. – *А.П.*) расстройству, к падению всякого нравственного авторитета и, в конце концов, к новым смутам» (*Чичерин Б. Н.* Россия накануне 20 столетия. Берлин, 1900. С. 85). Хотя с помощью нового устава власти намеревались утихомирить студентов.

[98] Экзаменационные требования, коим должны удовлетворять испытуемые в комиссии историко-филологической. М., 1885. С. 4–5.

Библиотека "Руниверс"

очень фундаментально. По учебному плану на изучение философии Платона отводилось по 4 часа в неделю в 7-м семестре, а на философию Аристотеля — тоже 4 часа в неделю в 8-м семестре. Каждый студент в подлиннике должен был изучить один из диалогов Платона и один из трактатов Аристотеля и знать все произведения этих мыслителей.

В 1886 г. на должность ординарного профессора по кафедре философии был приглашен Николай Яковлевич Грот, выпускник Петербургского университета 1875 г., с 1883 г. работавший в Новороссийском университете в Одессе.

Николай Яковлевич Грот родился 18 апреля 1852 г. в семье известного русского филолога Якова Карловича Грота, работавшего профессором русского языка, словесности и истории в Гельсингфорском университете. В начале 1853 г. Яков Карлович получил кафедру в Александровском (бывшем Царскосельском) лицее и семья переехала в Санкт-Петербург. Вскоре Я. К. Грот был приглашен заниматься с детьми великого князя Александра Николаевича и таким образом стал близок к царской фамилии. В 1855 г. Я. К. Грот был избран адъюнктом императорской Академии наук, в 1858 г. он стал ординарным академиком, с 1884 г.— председателем отделения русского языка и словесности, а с 1889 г.— вице-президентом Академии наук.

Высокое положение отца, конечно, способствовало успешной карьере сына, но одновременно, учитывая самолюбие и дворянские понятия о чести и достоинстве, заставляли Н. Я. Грота усиленно трудиться, чтобы доказать, что его успехи в учебе и служебном продвижении не являются следствием семейной протекции. Отличаясь трудолюбием и способностями, Н. Грот уже в студенческие годы проявил себя как вполне самостоятельная личность. После окончания гимназии он поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где сначала увлекся древней историей, которую собирался избрать своей специальностью, но с третьего курса пристрастился к философии, к которой его привлекла оживленная в те годы полемика между И. М. Сеченовым, Ю. Ф. Самариным и К. Д. Кавелиным (последний был близким другом

Библиотека "Руниверс"

дяди Н. Я. Грота – Константина Карловича). Кавелин предоставил в распоряжение молодого Грота свою богатую библиотеку и много времени проводил в беседах с любознательным юношей, который, между прочим, в то время с сочувствием относился к точке зрения Сеченова. Незадолго до окончания университета Н. Грот задумал стать преподавателем русского языка в русской филологической семинарии в Лейпциге и стал готовиться к избранному поприщу, но потом получил приглашение занять кафедру философии в Историко-филологическом институте в г. Нежин. Лестное для молодого человека предложение получить должность профессора философии перевесило его желание поработать в Лейпциге. Он дал согласие и после окончания университета на год поехал в командировку за границу для совершенствования философских знаний. Он слушал лекции в Берлинском и Страсбургском университетах, а вернувшись из заграничной командировки в сентябре 1876 г., сразу выехал в г. Нежин, где как окончивший университет с золотой медалью (он получил медаль за сочинение «Опровержение Платона и пифагорейцев по метафизике Аристотеля») был назначен исполняющим должность экстраординарного профессора философии.

Его философские взгляды в период учебы в университете сформировались как взгляды позитивиста спенсеровского толка. Это не удивительно, учитывая состояние философской мысли в стране в тот период. Л. М. Лопатин, характеризуя обстановку в 70-е гг. писал: Николай Яковлевич Грот «начал свою философскую деятельность, когда в России – и в университетах и в литературе, и в кружках молодежи – почти безраздельно господствовало позитивное направление» [99]. И сам Н. Я. Грот так писал об этом времени: в начале 70-х гг. «начинали говорить о Гартмане и о Дюринге, а в связи с ним и о Шопенгауэре, но общими богами были еще Конт – отрицатель философии, да Спенсер и Вундт, считавшиеся ве-

[99] *Лопатин Л. М.* Н. Я. Грот // Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. СПб., 1911. С. 94.

Библиотека "Руниверс"

ликими психологами. <...> Смысла *философии вне психологии* не понимал ни я, ни почти никто другой из числа тогдашней молодежи. Явился Влад. Соловьёв с своим “Кризисом западной философии” (я тогда был еще студентом), но мы не понимали его и безусловно отвергали его точку зрения» [100].

В Историко-филологическом институте Н. Я. Грот стал читать курсы логики, психологии и истории философии. Причем в те годы, до принятия университетского устава 1884 г., история философии читалась в полном объеме и Грот читал как курс истории древней философии, так и курс истории новой философии до Канта включительно. Правда, по объему часов оба курса были одинаковы. «В лекциях,— вспоминал он через десять лет,— я обходил тщательно всякую метафизику, отождествляя еще *метафизику с философией*, как общим учением о мире» [101].

Философию он рассматривал как удовлетворение субъективных потребностей личности и свою задачу видел в том, чтобы очистить знание от «метафизического сора». Разделяя позитивистские воззрения, единственным источником знания он считал науку, философию же рассматривал как синтез научных знаний, являющийся неизбежной ступенью в развитии познания. С этой точки зрения на вопросы познания отвечает логика, психология и история философии, показывающая, как исторически развивался процесс познавательной деятельности человека.

Наряду с большой педагогической нагрузкой Н. Я. Грот усиленно занимался подготовкой к сдаче магистерских экзаменов и работал над магистерской диссертацией. В мае 1880 г. в Киеве он успешно сдал магистерские экзамены, защитил диссертацию на тему «Психология чувствований в ее истории и главных основах» и по возвращении в Нежин единогласно был избран ординарным профессором. Через год он испросил командировку

[100] *Грот Н.Я.* О направлении и задачах моей философии. По поводу статьи архиепископа Никанора // Грот Н. Я. Философия и ее общие задачи. Сборник статей. СПб., 1904. С. 149.

[101] Там же.

Библиотека "Руниверс"

за границу для подготовки докторской диссертации. В сентябре 1881 г. с семьей он выехал в Тюбинген, где слушал лекции проф. Зигварта. Через год диссертация «К вопросу о реформе логики. Опыт новой теории умственных процессов» была готова. Он отпечатал ее в Лейпциге, где была хорошая типография с русскими шрифтами. В феврале 1883 г. в Киеве состоялась ее защита. Защита прошла очень успешно, хотя второй оппонент — А. А. Козлов (первым был С. С. Гогоцкий), не разделяя позиции Н. Я. Грота, в своем очень кратком выступлении сказал: «Я здесь спорить с вами не буду и не буду препятствовать вам получить докторский диплом: вы имеете на него право, доказав свою эрудицию. В печати же я докажу вам, что в вашей "Реформе логики" совсем нет логики и что вы, быть может, прекрасный психолог или какой там другой специалист, но что философ вы никакой» [102].

Надо сказать, что отношения Грота с Козловым были весьма не простыми: еще в 1877 г. Грот выступил с критикой Козлова. Однако в замечаниях Козлова было очень много дельного и справедливого, поскольку в диссертации Грота логика рассматривалась через призму вопросов познания и логические законы фактически сводились к психологическим ассоциациям. Во вступительной речи на докторском диспуте Грот сам заявил, что в своей диссертации он попытался логику поставить на научную почву, т. е. «из логики сделать науку естественную, одну из наук об организме человека, т. е. найти методы и основы для точного изучения нашей познавательной деятельности. Для этого,— говорил Грот,— я становлюсь на современную точку зрения всех наук об организме, на точку зрения идеи "развития", и пытаюсь расширить и сделать вполне научною старую, но весьма еще несовершенную, психологическую теорию ассоциации» [103].

---

[102] Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. СПб., 1911. С. 75 примеч.

[103] *Грот Н. Я.* Отношение философии к науке и искусству. (Вступительная речь, произнесенная на докторском диспуте в Киевском университете 2 февраля 1883 г.) // Грот Н. Я. Философия и ее общие задачи. С. 42.

Библиотека "Руниверс"

Грот в этот период пытался анализировать процесс выделения из философии конкретных наук и рассматривал логику и психологию (и этику, которую считал частью психологии) как такие дисциплины, которые приобретают статус науки, т. е. получают способность иметь точное знание. Философия при этом сохраняет свое значение как человеческая деятельность, направленная на получение полного знания. Если в 1877 г. в статье по поводу «Философских этюдов» А. А. Козлова Грот еще полагал, что без философии человечество может обойтись (у него даже встречается такая фраза: «Философия, как особая наука о мире в целом, выходящая из общих положений других наук, не только не нужна, но и невозможна, как с теоретической, так и с практической точки зрения» [104]), то в 1883 г. Грот рассматривает философию и науку как самостоятельные виды человеческой деятельности, дающие в совокупности сумму знаний, обусловливающую цельное мировоззрение. «Философия и наука,— говорил Грот,— две совершенно различные и даже противоположные друг другу области», но в то же время они одинаково законные явления действительности, выполняющие стоящие перед ними задачи в «союзе друг с другом» [105]. Наука удовлетворяет потребности человеческой мысли в точном знании, а философия (как род искусства) удовлетворяет потребности чувства в полном знании. А в совокупности они дают цельное мировоззрение.

Успешная работа в качестве преподавателя философских дисциплин все же не вполне удовлетворяла Н. Я. Грота. Его деятельная натура требовала других масштабов. «О, если бы я в Москву попал! — мечтал он.— Как бы я расширил свою деятельность и сколько новых сил привлек бы из молодежи к занятиям философией!» [106] В 1879 г. завязалась его переписка с профессором философии Московского университета

[104] *Грот Н. Я.* «Философские этюды (А. А. Козлова)». Критический очерк // Грот Н. Я. Философия и ее общие задачи. С. 10.

[105] *Грот Н. Я.* Отношение философии к науке и искусству // Там же. С. 33.

[106] Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. СПб., 1911. С. 43–44.

Библиотека "Руниверс"

М. М. Троицким, который высоко ценил Н. Я. Грота и видел в нем своего преемника, тем более что философские взгляды их в это время были весьма близки. Однако вакантной ставки профессора в Московском университете не было, а занимать ставку приват-доцента Н. Я. Грот, естественно, не хотел, и он принял предложение занять вакантную с 1879 г. ставку ординарного профессора философии в Новороссийском университете.

С 1883 по 1886 гг. Н. Я. Грот работал в Одессе. Этот период в жизни Н. Я. Грота был замечателен тем, что именно в эти годы произошли существенные изменения его философских взглядов. Именно в одесский период он стал довольно известен своими трудами о месте науки и философии в системе знаний, своими публичными лекциями о понимании прогресса, о пессимизме и оптимизме как типах мировоззрения. Не случайно студенты Римского университета избрали Н. Я. Грота в почетные члены комитета по сооружению памятника Джордано Бруно. Грот, всегда ответственно относясь к любому поручению, счел необходимым изучить произведения Бруно. И вот познакомившись с работами Дж. Бруно и литературой о его жизни и взглядах, он по-новому стал понимать и задачи философии, и строение и жизнь Вселенной. Главное, что привнес Бруно в мироощущение Грота, это осознание Вселенной как единого организма, обладающего вселенским сознанием. Знакомство с произведениями Дж. Бруно сделало Грота его поклонником. Гроту импонировали очень многие идеи Бруно, и под их впечатлением Грот начинает переосмысливать свое понимание значения философии и религии. В этом отношении показательна его работа «Джордано Бруно и пантеизм», где он впервые рассматривает науку, философию и религию как различные, но одинаково законные роды воззрения на мир. «Мы лично,— пишет Грот,— уже несколько лет разрабатываем доктрину о коренном различии и одинаковой законности научного и философского познания вещей», а теперь в свою теорию он включает «и вопрос о значении *религии*» [107]. К осознанию роли религии в жизни человечества и в процессе познания Грота подтолкнули еще и русские философы, которые,

[107] *Грот Н. Я.* Джордано Бруно и пантеизм. Одесса, 1885. С. 11, 12.

Библиотека "Руниверс"

пишет Грот, в лице Соловьёва, Козлова, Достоевского, Толстого показывают все возрастающее значение философии и религии как способов познания [108].

В основе религии лежат чувства, рассуждает Грот, поэтому религия не может быть уничтожена даже в душе научно мыслящих людей. Ощущения и идеи, лежащие в основе научного познания, не могут устранить чувств, посредством которых мы лицом к лицу сталкиваемся с проблемами жизни, бытия. А философия призвана согласовать религиозные чувства с научным познанием, которое осуществляется через ощущения и разум. Философия, пишет Грот, «стремится — и науке указать ее истинные пределы,— и религию уложить в те рамки, в каких ее роль является вполне законною и плодотворною. Другими словами, философия стремится к выработке такого мировоззрения, которое, принимая в соображение все несомненные выводы феноменального, научного изучения мира, в то же время освещало бы самую сущность и внутренний смысл его» [109]. Как видим, здесь уже и намека нет на невозможность проникновения за мир явлений в самую сущность мира. Более того, именно философии он отводит роль средства проникновения в природу вещей путем синтеза религиозного и научного воззрений [110].

В публичной лекции 28 апреля 1885 г. Грот уточняет свое понимание путей постижения внутренней сущности вещей. «Новейшая философия доказала пока только то,— говорил Грот,— что внутреннее значение вещей, сущность их внутреннего бытия, нельзя постигнуть одним умом, опирающимся в своих заключениях на данные *объективного опыта*, на совокупность ощущений качеств вещей и нашей собственной (психофизической) организации, что эту сущность бытия нельзя вывести из ощущений цветов, форм, звуков, запахов, вкусов, поверхностей и тяжести вещей, а также из органических ощущений процессов дыхания, пищеварения, кровообращения и нервных

---

[108] См. там же. С. 11.

[109] Там же. С. 16.

[110] См. там же. С. 18.

Библиотека "Руниверс"

процессов»[111]. То есть наука, по Гроту, за пределы ощущений проникнуть не в состоянии и сущность ей недоступна. Может ли в познании сущности вещей помочь религия? Грот утверждает, что путем субъективной индукции «люди, живущие сильной субъективной жизнию, жизнию чувства, постигают Бога, т.е. сознание вселенной — абсолютный разум, беспредельно глубокое чувство и безграничное могущество воли»[112]. Выходит, что сущность вещей постигается религиозным чувством? Грот воздерживается от такого заключения. Научное познание для него не теряет значения и философия не может игнорировать научных данных. «Философия есть познание *чувством*,— пишет он, — но она не есть чистое познание чувством, как религия, ибо она должна искать примирения чувства и мысли, т.е. должна избирать из возможных мировоззрений все-таки такое, которое *не противоречит науке*, и — согласно развитию научных, феноменальных знаний — должна развивать, исправлять, изменять в частностях и в способах выражения свою истинно-пантеистическую доктрину»[113].

Грот нигде не уточняет, каким образом философия должна балансировать между религией и наукой, он только отмечает необходимость учитывать данные науки при фактически религиозном проникновении за видимый мир в мир сущностей. «*Сущность вещей постижима*,— утверждает теперь Грот,— но не сущность объективная, внешняя, ибо такой вовсе и не может быть, а сущность *субъективная, внутренняя*. Тогда мы снова поймем и значение *философии* и возможность нового возрождения ее, путем объединения данных объективного, научного, и субъективного, религиозного опыта человечества»[114].

В попытках проникнуть за пределы феноменального мира в мир сущностей Грот выдвигает концепцию *монодуализма*,

---

[111] *Грот Н. Я.* Задачи философии в связи с учением Джордано Бруно. Одесса, 1885. С. 16.

[112] Там же. С. 17.

[113] *Грот Н. Я.* Джордано Бруно и пантеизм. Одесса, 1885. С. 33.

[114] *Грот Н. Я.* Задачи философии в связи с учением Джордано Бруно. С. 17.

Библиотека "Руниверс"

которая призвана устранить пороки монизма и дуализма и примирить научное и религиозное воззрения на мир. В чем порок монистических концепций? Они не в состоянии объяснить реальное, существующее в действительности противостояние духа и материи. А с дуализмом не может смириться человеческое сознание, стремящееся к единству. Вообще-то, рассуждает Грот, и научное, и религиозное воззрения и монистичны, и одновременно дуалистичны. Наука выглядит как по существу монистичное понимание мира, поскольку имеет дело только с материей, религия же выглядит как дуалистичное, поскольку видит в мире два противоположные начала — добро и зло, тело и дух, Бога и вещество. Но одновременно и наука склоняется к дуализму, когда признает существование чего-то непознаваемого за видимым ощущаемым миром и не может объяснить, что такое жизнь, что такое сознание, и религия по существу монистична, так как в основе всего все-таки видит Бога — абсолютное начало добра.

Так каков же все-таки мир? В работе «О душе в связи с современными учениями о силе» Грот пытается ответить на этот вопрос, опираясь на *научные* концепции конца XIX века о силе. Естествознание давно наблюдает борьбу в природе разнонаправленных сил, но можно ли силы активные и силы пассивные, сопротивляющиеся переменам, считать следствием действия какой-то одной природы? Ведь силы активные в потенции содержат в себе возможность стать сознанием, т. е. силой-духом, а силы пассивные носят в себе признаки материалистичности. Свести их к одному началу, вывести из одной природы наука не в состоянии. Между тем «по свойствам нашего ума,— пишет Грот,— *все существующее* должно иметь *одно общее начало, одну первооснову*. Но эту первооснову мы конкретно представить себе не в состоянии», так как попытки представить себе эту первооснову выводят нас «в область *постулатов* и *абсолютов*, т. е. в область чистой метафизики» [115]. Поэтому, делает вывод Грот, только вера способна дать представление о начале всего

[115] *Грот Н. Я.* О душе в связи с современными учениями о силе, опыт философского построения. Одесса, 1886. С. 87.

Библиотека "Руниверс"

сущего, как о Боге, который является тем началом, тем общим понятием силы, той чистой силой, из которой путем дифференциации и поляризации рождаются противоположные силы духа и материи. «Но своим ограниченным умом постигнуть эту чистую силу мы не в состоянии,— приходит к заключению Грот,— и *сущность реального бытия ее* для нас — *вечная тайна*»[116].

Между тем именно философия, соединяя в себе научные данные и религиозные убеждения, призвана обосновать новое нравственное мировоззрение, «которое на почве современных естественно-научных учений о силе, о законе сохранения энергии, о развитии природы, восстановило бы идеальные и абсолютные нравственные идеи — добра и зла, долга, свободы воли и т.д.»[117] Не умаляя значения научных учений, Грот все более склоняется к мысли о важной роли религиозных убеждений для выработки такого мировоззрения, которое обеспечивало бы нравственное совершенствование человека и человечества. Этические проблемы начинают доминировать во всех рассуждениях Грота. Отсюда и внимание к обоснованию высшего духовного начала. «Признание духовного начала в основе своего собственного бытия давало человеку возможность логически оправдать существование *высшего* духовного начала, т.е. личного Божественного разума, во вселенной,— говорил Грот,— а с тем вместе находили себе столь же логическое оправдание идеи разумности и общей целесообразности всего существующего и совершающегося в мире,— убеждение в действительном значении идей добра и зла, нравственного и безнравственного,— вера в прекрасное, в идеалы справедливости и высшего духовного совершенствования»[118]. Т.е. в конечном счете выходит, что только вера, религия дает человечеству нравственные нормы и высшие разумные цели существования. И философия, считает Грот, должна, учитывая религиозные ценности и научные данные, давать этическое, нравственное учение о мире.

---

[116] Там же. С. 89.
[117] Там же. С. 1.
[118] Там же. С. 1.

Библиотека "Руниверс"

К 1886 г., когда Н. Я. Грот был переведен из Новороссийского университета в Московский, у него уже полностью сложился взгляд на философию как на такую область сознания человека, которая способна объединить силу чувства и силу мысли и «дать воле человека *разумные идеалы*, так как корень этих идеалов — *в субъективном чувстве, проверенном объективною работой мысли*» [119].

«Задача философии,— говорил Грот во вступительной лекции к курсу психологии в Московском университете 7 октября 1886 г.,— дать общее нравственное мировоззрение» [120]. Это не значит, что философия должна стать этикой, подчеркивал Грот. Этика есть часть психологии, а философия должна обосновать принципы морали посредством общего мировоззрения.

Философия, как ее понимал теперь Грот, «не есть ни наука, ни искусство, ни религия, а нечто особое, так сказать, *только философия*. <...> Из науки философия черпает *материал*, у искусства берет *метод его обработки* (творческий синтез); с религиею сходится в *конечных целях* — дать человеку нравственные начала жизни. Наука есть организованная *умственная* деятельность, стремящаяся к идеалу *истины*; искусство есть организованное удовлетворение *чувства*, независимого от воли, стремящееся к воплощению идеала *красоты*; религия есть организация *воли*, стремящаяся к осуществлению идеала *добра*». А философия стремится примирить запросы ума, чувства и воли с целью выработки общего нравственного мировоззрения [121].

В период работы в Московском университете взгляды Грота не остаются неизменными. Он продолжает обдумывать философские проблемы, в том числе, как можно предполагать, и под влиянием своих коллег по кафедре, которые придерживались разных, подчас противоположных, взглядов. М. М. Троицкий, продолжавший и после перевода на пенсию читать курсы

[119] *Грот Н.Я.* К вопросу об истинных задачах философии. (Вступительная лекция, читанная в Московском университете 7 октября 1886 г.) // Грот Н.Я. Философия и ее общие задачи. С. 138.

[120] Там же.

[121] Там же. С. 145.

Библиотека "Руниверс"

логики и психологии, оставался при своих убеждениях эмпирика, близкого позитивизму, Л. М. Лопатин (который был всего на три года моложе Н. Я. Грота) сформировался как убежденный метафизик и называл свои взгляды «системой конкретного спиритуализма», оставленный на кафедре еще до прихода на кафедру Грота С. Н. Трубецкой придерживался «конкретного идеализма». Таким образом, дискуссии среди членов кафедры были неизбежны, что, видимо, и повлияло на то, что Н. Я. Грот изменил свое отношение к метафизике, иной взгляд сложился у Грота и на чувства. Грот стал рассматривать чувства как существенный элемент в процессе познания внутренней стороны вещей.

В работе «Значение чувства в познании и деятельности человека» он критикует свои прежние взгляды на чувства как не дающие достоверного знания в силу своей субъективности. Теперь он доказывает, что «при известной переработке чувствований нашим сознанием, они приобретают значение не только важной, но и вполне необходимой, достоверной и всеобщей основы познания внутренней стороны вещей» [122]. При этом и метафизике он определяет место в процессе познания, рассматривая ее уже не как лженауку, а как общую основу и общий метод философии, как научный элемент в философии. Метафизика, пишет он, оперирует понятиями, которые не могут быть выведены из опыта, например, понятиями субстанция, причинность, вещь в себе, свобода, необходимость, сила, дух, материя и т.д., она есть *теория «отношения разума к бытию, субъекта к объективному миру, познающего ума к познаваемому»* [123]. Он приходит к пониманию важности умозрительного знания, которое открывает нам внутренний смысл жизни вселенной, и пишет, что философия одной своей стороной есть наука, ибо подводит итоги научных исследований, устанавливает для науки общие критерии и методы,

---

[122] *Грот Н. Я.* Значение чувства в познании и деятельности человека. (Речь 24 января 1889 г. в Психологическом обществе в годовщину его основания) // Грот Н. Я. Философия и общие задачи. С. 163.

[123] *Грот Н. Я.* Что такое метафизика? // Грот Н. Я. Философия и ее общие задачи. С. 202.

Библиотека "Руниверс"

указывает на ее противоречия и ставит ей новые вопросы, другой своей стороной философия сродни искусству, ибо освещает то, что отгадано художественным чутьем. Философия является также средством проверки религиозных истин, устраняя из религии все ей чуждое. Научный элемент философии содержится в метафизике, которая есть исследование и определение общих форм и законов духа в познании действительности. В отличие от психологии метафизика не опытная, а умозрительная наука, которая вырабатывает общие формы и законы духа логической работой духа. В этом отношении она подобна математике. Как и математические аксиомы, метафизические истины из опыта невыводимы и опытом недоказуемы. Центральной темой метафизики Грота становится анализ идеи силы. Чаще всего под этим термином понималась «высшая вселенская мировая воля», в которой «сущее и должное слиты воедино». В этот период Грот защищает принцип свободы воли, ранее им отвергавшийся («Критика понятия свободы воли в связи с понятием причинности», 1889), о чем свидетельствует исследование понятий «божественная воля», «вселенская мировая воля» и «личная воля человека». Чаще Грот использовал два последних термина, причем возникновение «вселенской мировой воли» объяснял творческим божественным актом. Эти взгляды Грот изложил в двух этических трактатах — «Основания нравственного долга» (1892) и «Устои нравственной жизни и деятельности» (1895), в которых стремился «привить воззрения А. Шопенгауэра на русской почве». Устои нравственной жизни, по Гроту, находятся не вне человека, а в нем самом, в свободной воле, которая возвышает его над интересами личного существования. Одухотворить Вселенную, усиливая пульс ее идеальной жизни, всем напряжением мысли содействовать торжеству разума — таково требование мировой воли, которая в своем нравственном аспекте и есть мировая любовь. Стремясь создать концепцию воли на основе самонаблюдения, Грот попытался реформировать психологию в серии своих работ: «Жизненные задачи психологии» (1890), «К вопросу о значении идеи параллелизма в психологии» (1894), «Основания экспериментальной психологии» (1895), «Понятие о душе и психической энергии в психологии» (1897) и др.

Библиотека "Руниверс"

Во второй половине 90-х гг. влияние на Грота философии Шопенгауэра ослабевает, усиливается тенденция соединить понятие мировой воли с «психологической энергетикой». Термин «сила» сводится здесь не к «внутренней сущности вещей», не к «абсолютному сознанию Вселенной» или «мировой воли к жизни», как ранее, а к энергии.

Свое новое миропонимание Н. Я. Грот пытается построить на основе научного принципа сохранения и превращения энергии, рассматривая в качестве основы своих взглядов энергетические теории Оствальда и Ласвица. Ссылаясь на мнение Оствальда о том, что понятие материи можно заменить понятием энергии и что все явления физического мира можно рассматривать как превращения различных видов энергии, Грот и психическую энергию представляет как одну из разновидностей энергии, существующих в окружающем мире. Ведь нашу душевную жизнь, пишет Грот, можно рассматривать как непрерывную работу мысли, воли, чувства, т.е. как результат психической энергии, которая может переходить и во внешние действия. (Ранее Грот характеризовал такие превращения как «психический оборот».) Таким образом психическую энергию Грот включает в общий круговорот энергий в мире. Ведь все, что человек воплощает в словах и действиях, становится вещественным эквивалентом его психической работы. С другой стороны, энергия внешнего мира в виде пищи, воздуха превращается в энергию психическую. А в психической энергии мы тоже можем выделить ее потенциальные и кинетические формы. Он доказывал, что понятие психической энергии так же реально, как и понятие физической энергии, а физические процессы могут превращаться в психическую работу. Человеческий организм и окружающая среда, думал Грот, составляют психофизическую систему, в которой общая сумма психических и физических энергий сохраняется неизменной. Он отстаивает тезис, что психическая энергия может переходить в физические процессы, а физические процессы превращаться в психическую работу. По его мнению, психическая энергия после смерти тела может быть целиком перенесена в другую систему элементов, в которой она может вечно существовать. Мировой прогресс состоит

Библиотека "Руниверс"

в качественном преобразовании энергий: низшие, физические формы энергии превращаются в высшие, психические. Этот процесс ведет к росту сознания и самосознания, т.е. к нравственному прогрессу.

Рассуждая о переходе физических энергий в психические, Грот игнорирует тот факт, что физические энергии в пределах определенной системы постоянны и могут быть вычислены математически, т.е. исчезнуть из физических измерений и перейти в психическую энергию они не могут. А ведь Н. Н. Страхов еще в 1887 г. обращал внимание Грота на неточное употребление им понятий «вещество», «сила», «энергия», которые имеют в науке «совершенно определенный, математически-строгий вид. Этот вид,— обращался Страхов к Гроту,— Вам нужно отчетливо знать» [124]. Но Грот, как человек увлекающийся («но зато и увлекавший», как говорил К. А. Тимирязев о Д. И. Писареве), не всегда следил за строгим употреблением терминов. В следующей своей работе «Критика понятия прогресса» он тоже опирается на закон сохранения энергии, когда основой прогресса считает превращение низших форм энергии в высшие, каковыми он считает энергии психические и их высшую форму — сознание. «Прогресс в жизни Вселенной,— пишет он,— есть увеличение нравственной ценности этой жизни, происходящее от роста в ней самосознания, которое зависит от превращения мировых энергий из низших форм в высшие через их экономизацию и накопление» [125]. А поскольку общее количество энергии в мире постоянно, так как «психическая энергия или работа сознания подчинена общему закону сохранения энергии в той степени, в какой он верен для физических энергий» [126], то переход физических форм энергии в сознание делает сознание бессмертным по мере уменьшения обратного

[124] *Страхов Н. Н.* Письма Н. Я. Гроту // Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. СПб., 1911. С. 236.

[125] *Грот Н. Я.* Критика понятия прогресса // Вопросы философии и психологии. 1898. Кн. 45. С. 782.

[126] Там же. С. 791.

Библиотека "Руниверс"

перехода — психических энергий в физические. Свою теорию прогресса Грот считает «единственно возможным путем к научному оправданию *спиритуализма* и его глубокой веры в бессмертие души, т. е. личного сознания» [127]. Как видим, Н. Я. Грот всю жизнь искал ответы на вопросы, которые выдвигало перед философией естествознание, и не случайно в некрологах его называли «философским скитальцем». «Он так и прожил всю жизнь в смене мировоззрений,— пишет Г. В. Флоровский,— в тревоге и почти суете около этих предельных вопросов. Но у него была несравненная искренность бескорыстного искателя...» [128]

Бескорыстным искателем он был и в преподавательской деятельности и в общественных делах, которым он отдавался так же беззаветно, как и в поисках ответов на философские вопросы.

Начав свою преподавательскую деятельность в Московском университете с чтения курса психологии на историко-филологическом факультете и курса философии Платона на классическом отделении факультета, на следующий весенний семестр 1887 г. Н. Я. Грот прочел курс философии Аристотеля. Все последующие годы Грот читал курсы по философии Платона, Аристотеля, в отдельные годы курсы логики и психологии, в осенний семестр 1890 г. он прочитал курс истории новой философии, а в 1892/1893 учебном году курс «задачи этики». С этого года он почти ежегодно вел семинарий по этике. Очень живую картину лекционных курсов Н. Я. Грота нарисовал в своих воспоминаниях ученик Н. Я. Грота (впоследствии приват-доцент Московского университета) Д. В. Викторов. Отметив, что лекции Н. Я. Грота пользовались неизменным успехом, он пишет: «При неудержимой текучести и чрезвычайной эластичности его философских взглядов, им недоставало известной дозы инертности, необходимой для того, чтоб окончательно остановиться на определенном курсе. <...> Если, благодаря этому, его лекции теряли в систематичности и полноте, то,

[127] Там же.

[128] *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 331.

Библиотека "Руниверс"

с другой стороны, они выигрывали в своей непосредственности. Мы присутствовали всегда при живом росте философской мысли, видели, что сам профессор живо заинтересован в том, как складываются его воззрения, к каким возможным выводам они приведут»[129]. «Николай Яковлевич не любил обременять свои курсы детальными и узкофактическими исследованиями. Его любимой средой, в которой он двигался с замечательной легкостью и неизменной охотой, была сфера общих вопросов философии духа и психологической методики. В этом сказывался эпикуреец мысли, которого увлекал логический процесс мышления сам по себе, в его наиболее отвлеченных формах, независимо от его конкретного содержания»[130]. «Не лишен справедливости упрек, который нам доводилось слышать,— продолжает Д. В. Викторов,— что в его лекциях не все было достаточно ясно и доступно, отчасти вследствие некоторой отрывочности, которой отличалось его чтение, отчасти благодаря малой философской подготовке слушателей»[131]. Но эти недостатки, отмечает Д. В. Викторов, не снижали интереса к лекциям Н. Я. Грота. Особенно живо Николай Яковлевич проводил семинарии, на которых шло оживленное обсуждение самых сложных проблем. При этом Н. Я. Грот всячески старался развивать у студентов самостоятельность мысли, подчеркивает Д. Викторов. Он отмечает особую любовь Грота к Платону, Лейбницу, Шопенгауэру, Достоевскому и Толстому.

Будучи натурой деятельной, энергичной Н. Я. Грот активно включился в работу Психологического общества, став после отъезда в 1886 г. М. М. Троицкого за границу председательствовать на его заседаниях. А в феврале 1888 г. он был избран председателем. О работе Н. Я. Грота в качестве председателя Психологического общества Л. М. Лопатин писал: «Когда он впервые появился среди нас, Московское психологическое

---

[129] *Викторов Д. В.* Памяти Н. Я. Грота как профессора // Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. СПб., 1911. С. 176.

[130] Там же. С. 177.

[131] Там же. С. 178.

Библиотека "Руниверс"

общество уже пользовалось общим уважением, но для большинства образованной публики оно все же оставалось далеким и чуждым, как одно из специальных научных учреждений, которых так много в Москве. Едва стал в его главе Н. Я. Грот, как все переменилось: оно превратилось в один из популярнейших центров не только московского, но и русского просвещения вообще. <...> Н. Я. Грот обладал редким, удивительным даром: он умел заражать своим интересом к самым отвлеченным проблемам знания всех, с кем он сталкивался»[132]. Под его руководством Психологическое общество обрело новое дыхание: заседания проходили регулярно при большом скоплении слушателей.

Но Н. Я. Грот не успокоился на активизации работы Психологического общества. Он загорелся идеей сделать доклады, которые обсуждались на заседаниях Общества, достоянием более широких кругов общественности. В 1888 г. были выпущены «Труды Московского психологического общества» с докладами членов общества, стали выходить «Издания Московского психологического общества» с переводами на русский язык сочинений Спинозы, Лейбница, Канта, Вундта, Паульсена, Геффдинга, К. Фишера.

Но «Труды...» Общества не получили должного распространения, и Н. Я. Грот загорелся мыслью издавать журнал, в котором бы нашли отражение все существующие в России философские направления. Несмотря на то что философская литература не находила в то время надежного сбыта и задуманному Гротом журналу предрекали скорую смерть, в Москве нашелся состоятельный человек, младший брат одного из владельцев известных фирм «А. И. Абрикосова сыновья» и «К. и С. Поповы», который согласился вложить свои средства в издание журнала[133]. И вот в ноябре 1889 г. вышла первая книжка «Вопросов философии и психологии», журнала, который, благодаря самоотверженной работе его создателя и главного редактора — Н. Я. Грота, стал

---

[132] *Лопатин Л.М.* Н. Я. Грот // Там же. С. 89.

[133] См.: Колубовский Я. Н. Из литературных воспоминанний // Исторический вестник. 1914. Апрель. С. 138.

Библиотека "Руниверс"

самым массовым философским изданием в стране. Н. Я. Грот был не только инициатором создания журнала (что в 1889 г. выглядело как чистая авантюра), но настоящей душой этого издания, вкладывая все свои силы, всю свою энергию в собирание и отбор статей, что сделало журнал центром философской жизни страны. При этом не следует забывать, что столицей России был Санкт-Петербург, а именно в столице концентрируются, как правило, интеллектуальные силы страны. А вот философская мысль благодаря журналу «Вопросы философии и психологии» стала концентрироваться в Москве, и роль Н. Я. Грота в этом процессе неоспорима. Хотя с 1894 г. соредактором журнала стал Л. М. Лопатин, а с 1896 г. к работе подключился В. П. Преображенский, все же именно Н. Я. Грот был тем мотором, который двигал все дело издания и не давал ему заглохнуть.

Не только создание, но и нормальное функционирование журнала требовало от его редактора неимоверных усилий, поскольку издание постоянно натыкалось на цензурные препятствия. Из-за цензуры Грот собирался даже бросить все и прекратить издание. О трудностях издания говорит переписка Н. Я. Грота с Н. Н. Страховым. В письме от 27 ноября 1890 г. Страхов в ответ на жалобы Грота пишет, что прекращение журнала будет означать «японское самоубийство». «С цензурой нужно бороться, но переносить ее необходимо,— пишет Страхов.— Все мы ее терпим и заранее должны сказать себе, что будем работать, что бы она с нами ни делала. <...> Хуже будет, если перестанем писать» [134]. Это письмо говорит, каких усилий стоило Н. Я. Гроту издание журнала.

Чтение лекций, руководство семинариями, организация деятельности Психологического общества, редактирование журнала, все это требовало массы сил и времени, а здоровье Н. Я. Грота было сильно подорвано ревматизмом, поразившим его еще в нежинский период его жизни. К тому же в Москве ему

[134] *Страхов Н. Н.* Письма Н. Я. Гроту // Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. СПб., 1911. С. 242.

Библиотека "Руниверс"

пришлось участвовать во всевозможных общественных организациях. Сразу по приезде в Москву профессор Н. С. Тихомиров пригласил его в Общество любителей российской словесности, с 1894 г. Грот включился в работу Московской комиссии по организации домашнего чтения и составил для нее программы по психологии, логике, истории философии, теории познания, метафизике, этике, эстетике и педагогике. В том же году его выбрали председателем Общества взаимопомощи лиц интеллигентных профессий. И все эти общества проводили различные мероприятия, в которых Грот вынужден был принимать участие. Не только общественные организации требовали от Грота траты сил и времени. Растущее семейство вынуждало Грота искать дополнительный заработок, ибо жалованья профессора не хватало для нормального существования, и Грот устроился на работу в Архив московского дворянства, где тратил массу времени, приводя в порядок находившиеся там бумаги. Примечательно письмо Н. Н. Страхова в ответ на жалобы Грота на недостаток средств для содержания семьи. 15 февраля 1895 г. Страхов пишет Гроту: «Ученая карьера в России — жалкая карьера! Чиновники петербургских департаментов куда лучше поставлены, куда больше имеют впереди видов и выходов. Понятно, что иные из них и смотрят на профессоров с презрением» [135].

Все эти обстоятельства, но главным образом обострение болезни, привели Н. Я. Грота к решению покинуть Москву и перебраться на жительство в более спокойный Харьков, жизнь в котором была значительно дешевле, чем в Москве, да и климат более благоприятный. К тому же в 50-ти км от Харькова на берегу Донца в с. Кочетка находилась дача Н. Я. Грота. Весной 1899 г. он отправил семью на дачу, а в мае и сам приехал туда. Но на даче не прожил и десяти дней, 25 мая 1899 г. его не стало.

Н. Я. Грот скончался накануне довольно значительных перемен в умонастроениях российского образованного общества и сам в значительной мере подготавливал эти перемены. Сразу после кончины Н. Я. Грота Г. И. Челпанов писал: «Если мы посмотрим,

[135] Там же. С. 258.

Библиотека "Руниверс"

каково было отношение к философии 10–15 лет тому назад, в сравнении с тем, что мы видим теперь, то мы заметим огромное различие. Совершенное отсутствие интереса тогда, и серьезный интерес теперь. Такому повороту в общественном мнении немало способствовал журнал, детище покойного Н. Я.»[136].

Н. Я. Грот и сам в течение своей жизни пережил весьма значительную эволюцию во взглядах на философию. Он всю жизнь пребывал в постоянном поиске, ища ответы на возникавшие перед ним вопросы. «Изучая его философские произведения,— пишет в посмертном исследовании философии Н. Я. Грота Александр Никольский,— мы как бы присутствуем в центре той умственной лаборатории, в которой отливался процесс развития русской философской мысли в 80 и 90 годы XIX столетия»[137]. И действительно, философские взгляды Н. Я. Грота не только отражают общую картину состояния философской мысли в России в последние десятилетия XIX в., они скорее свидетельствуют о тех философских исканиях, которые были характерны для русской философии этого периода, и более того, деятельность Н. Я. Грота во многом и определяла эти искания благодаря влиянию на общественное сознание Психологического общества при Московском университете и журнала «Вопросы философии и психологии», во главе которых стоял Николай Яковлевич Грот.

* * *

Лев Михайлович Лопатин еще одна очень значимая фигура в истории философского образования в Московском университете.

Он родился в Москве 1 июня 1855 г. в семье председателя департамента Московской судебной палаты. Круг друзей семьи

---

[136] *Челпанов Г. И.* Памяти проф. Н. Я. Грота // Там же. С. 187.

[137] *Никольский А.* Николай Яковлевич Грот (1852–1899) и его философские труды // Вера и разум. Харьков, 1903. Отдел философский. Т. II. Ч. 2. С. 27.

Библиотека "Руниверс"

Лопатиных состоял в основном из профессуры университета. Его мать была сестрой знаменитого математика П. Л. Чебышева, и в доме Лопатиных часто бывали профессора университета: математик Н. В. Бугаев, историки В. И. Герье и В. О. Ключевский, основатель гимназии собственного имени Л. И. Поливанов и др. В 1875 г. после окончания Поливановской гимназии Лев Лопатин поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где кафедру философии только что занял Матвей Михайлович Троицкий, горячий приверженец английской эмпирический психологии. Философские взгляды М. М. Троицкого Льву Лопатину были глубоко чужды, ибо еще до поступления Левушка, как его звали в семье, заинтересовался философией и сумел сформировать собственные убеждения, весьма далекие от тех идей, поклонником которых был М. М. Троицкий.

Дело в том, что с семилетнего возраста он был знаком с сыном профессора Московского университета, историка Сергея Михайловича Соловьёва Владимиром, который был на два года старше и оказал на Лопатина серьезное влияние, о чем сам Л. М. Лопатин впоследствии писал: «Покойный Вл. С. Соловьёв был мне одним из самых близких людей на свете, с которым у меня рано установились почти братские отношения. Я подружился с ним, когда мне было семь лет, а ему девять; отрочество и юность мы прожили вместе. Я имел счастье наблюдать, как росла его душа и развивался ум и как слагалось и менялось его миросозерцание. И наша дружба не прерывалась до самой смерти. Нечего и говорить о том, как я страшно много ему обязан и нравственно, и умственно. Мне даже трудно вообразить себе,— писал Лопатин,— чем бы я был, если бы никогда не встречал Соловьёва» [138]. Однако это влияние Соловьёва не превратилось в зависимость от Соловьёва. С юношеского возраста Лев Лопатин отличался совершенно самостоятельными воззрениями и его никак нельзя считать ни учеником, ни последователем Вл. Соловьёва. Он был по-настоящему независимым мыслителем

[138] *Лопатин Л.М.* Вл. Соловьёв и князь Е. Н. Трубецкой // Трубецкой Е. Н. Миросозерцание Вл. Соловьёва. Т. II. М., 1995. С. 398.

Библиотека "Руниверс"

и, как и Вл. Соловьёв, он самостоятельно разрабатывал свою философскую систему.

Л. М. Лопатин стал работать на кафедре не сразу после окончания университета в 1879 г., а лишь через 4 года. Дело в том, что работавший на кафедре профессор М. М. Троицкий воспротивился оставлению на кафедре «для приготовления к получению профессорского звания» молодого выпускника, который уже в студенческие годы проявил себя как противник философских взглядов единственного в те годы профессора философии в университете — М. М. Троицкого. Поэтому свою преподавательскую деятельность Лев Лопатин вынужден был начинать в качестве преподавателя психологии и русской литературы в женской гимназии С. А. Арсеньевой и как лектор на историко-философском факультете Московских высших женских курсов. Все последующие годы он преподавал логику в восьмых классах мужской гимназии Л. И. Поливанова, которую, кстати, он сам закончил до поступления в университет. Только настойчивость близкого семье Лопатиных профессора-историка В. И. Герье привела к тому, что М. М. Троицкий дал согласие на сдачу Львом Лопатиным магистерских экзаменов, которые открывали путь к приват-доцентуре. В 1885 г. Лев Лопатин выступил с пробными лекциями для получения звания приват-доцента, которые он посвятил закону причинности у Канта. Уже на следующий год он успешно защитил магистерскую диссертацию по опубликованной в том же году книге «Положительные задачи философии: Часть 1. Область умозрительных вопросов». В том же году «по истечении 30-ти лет учебной службы» М. М. Троицкий «выбыл из числа штатных профессоров» и его место ординарного профессора занял переведенный из Новороссийского университета Н. Я. Грот. Таким образом все препятствия к профессиональному росту Л. М. Лопатина были сняты, хотя М. М. Троицкий и продолжал работать на кафедре вплоть до своей кончины в 1899 г., занимая при этом ряд лет должность декана историко-филологического факультета.

В 1891 г. Лопатин опубликовал вторую часть своего труда «Положительные задачи философии. Часть 2. Закон причинной

Библиотека "Руниверс"

связи, как основа умозрительного знания действительности» и защитил этот труд как докторскую диссертацию. С 1892 г. он — экстраординарный профессор, а с 1897 г.— ординарный. В 1886 г. Лопатин начинает активно участвовать в работе Психологического общества, в 1894 г. становится заместителем председателя, а после смерти Н. Я. Грота в 1899 г. был избран председателем Общества и оставался на этом посту до своей смерти в 1920 г. В 1894 г. Л. М. Лопатин начинает помогать Н. Я. Гроту в редактировании журнала «Вопросы философии и психологии», в 1896–1899 гг. редактирует его вместе с В. П. Преображенским, в 1900–1905 гг. вместе с С. Н. Трубецким, а с 1906 г. оставался бессменным редактором журнала вплоть до прекращения его издания в 1918 г. По признанию современников Л. М. Лопатина, и нормальное функционирование Психологического общества, и регулярный выход в свет журнала целиком и полностью заслуга Л. М. Лопатина, который отдавал все свои силы не только научной и преподавательской деятельности, но и организационной работе в Обществе и журнале.

Начал свою преподавательскую деятельность в университете Л. М. Лопатин во втором полугодии 1885/1886 учебного года чтением курса «Истории греческой философии от Платона», а также ряда курсов по античной культуре (Тацит, Теренций, Овидий, Демосфен, Аристофан, Гесиод, Фукидид, Ксенофонт, Гораций, Эсхил, Динарх, Феокрит, Геродот, Софокл, Еврипид, Тит Ливий, Вергилий)[139]. Такое внимание к античной философии стало результатом не столько увлечения Лопатина этой проблематикой, сколько результатом новых учебных планов, разработанных Министерством народного просвещения после принятия университетского устава 1884 г. В соответствии с этими планами преподавание истории философии ограничивалось античным периодом. Министерство даже учредило специальную благодарность за чтение годичных курсов по философии Платона и Аристотеля, ибо не все преподаватели философии

[139] Обозрение преподавания наук в Императорском Московском университете (историко-филологический факультет) на 1885/1886 акад. год.

Библиотека "Руниверс"

в университетах были готовы к чтению таких объемных курсов по философии этих античных мыслителей.

Строгие ограничения на курсы истории философии продержались не долго. Уже в осеннем семестре 1888 г. Лопатин стал читать курс истории новейшей философии и в последующие годы чередовал чтения курсов истории древней и новой философии. По своим курсам он вел также и семинарские занятия. В основном Л. М. Лопатин читал курсы по истории философии, но в отдельные годы читал также курсы психологии и этики.

Л. М. Лопатин занимался преподавательской деятельностью без перерыва все 35 лет работы в университете. Но признание и уважение принесли ему не чтение лекций, а теоретические работы и деятельность в качестве редактора главного органа русской философской мысли — журнала «Вопросы философии и психологии» и председателя Психологического общества, которое Б. В. Яковенко назвал «главным питомником русской философской культуры» [140]. В воспоминаниях и других работах отмечается главным образом вклад Лопатина в разработку философской теории, его борьба за признание метафизики главной составляющей философского знания, а также его самоотверженная работа на посту редактора журнала и председателя Психологического общества. А что касается характеристики его как преподавателя, то она содержится главным образом в приветственных адресах, зачитанных на торжественном заседании по случаю 30-летия его научно-педагогической деятельности. Но от приветственных адресов трудно ждать объективной оценки, ибо сам жанр таких приветствий диктует восторженную оценку всех деяний юбиляра. В воспоминаниях же тех, кто слушал его лекции, нет таких восторженных отзывов, которые имеются в воспоминаниях о лекциях М. М. Троицкого. Один только В. Ф. Эрн с благодарностью отмечает содержательность лекционных курсов и семинариев Л. М. Лопатина и пишет, что преподавание Л. М. Лопатина «давало больше, чем простое увеличение сведений, и больше, чем школьную дисциплину мысли: оно вводило в живую атмосферу ежеминутно на деле

---

[140] *Яковенко Б. В.* История русской философии: Пер. с чеш. М., 2003. С. 228.

Библиотека "Руниверс"

являемого умственного творчества и приучало относиться к философии как к делу, в котором первым условием является внутренняя заинтересованность и внутренний подход к субъекту» [141].

А вот А. Ф. Лосев, например, пишет, что он, «специализируясь на философии в Московском университете, должен был по необходимости слушать лекции Л. М. Лопатина и сдавать ему многочисленные экзамены» [142].

Это «по необходимости» о многом говорит, оно свидетельствует о том, что лекции Лопатина не отличались ни яркостью изложения, ни увлекательными экскурсами теоретического характера. Что же касается его теоретических работ, то тут А. Ф. Лосев без колебаний отмечает, что «среди мыслителей 90-х годов Л. М. Лопатин занимал в России безусловно одно из первых мест. Правда,— добавляет он,— имя этого философа всегда было совершенно непопулярно ввиду абстрактно-метафизического построения его философии, которое, впрочем, тогдашней общественностью воспринималось слишком преувеличенно» [143]. Еще более нелестную характеристику педагогического таланта Л. М. Лопатина дает в своих воспоминаниях Андрей Белый, который еще в гимназии учился логике у Лопатина и отмечал, что «у него было скучно учиться» [144], а учась в университете и сравнивая его с С. Н. Трубецким, лекции и семинарии которого по древней философии были выше всяких похвал, писал: «Иной семинарий Лопатина, взявшего "Монадологию" Лейбница; еженедельно по тезису мы разгрызали; но расходились ни с чем; фыркал Фохт; студент Топорков, лишь для вида себя превращавший в лопатинца, сыпал цитатами из источников, а овцеокий профессор, проваливаясь в своем кресле, блистая очками, сидел с видом из-

---

[141] *Эрн В. Ф.* Философия Джоберти // Ученые записки Моск. Имп. ун-та. Отдел историко-филологический. 1916. Вып. 44. С. VI.

[142] Лосев А. *Ф.* Вл. Соловьёв и его время. М., 1990. С. 178.

[143] Там же. С. 546

[144] *Белый А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 1. М., 1989. С. 233.

Библиотека "Руниверс"

дыхающего, сомкнувши глазенки; взопревшие овцы,— впустую мы прели <...>» [145]. Из воспоминаний А. Белого встает образ человека, который тяготился преподавательской деятельностью и находил себя лишь в теоретических занятиях. Кстати и Н. О. Лосский, не слушавший лекций Лопатина, но по-видимому со слов его бывших студентов, замечает, что Лопатин, «как лектор, не отличался достоинствами», хотя и поддерживает научное значение трудов Лопатина [146]. В том же издании бывший студент историко-филологического факультета Московского университета М. Поливанов только перечисляет занятия, которые вел Л. М. Лопатин, но никаких оценок ни лекциям, ни семинариям не дает, что тоже характеризует эти занятия не с лучшей стороны [147].

Такая сдержанность в оценке педагогической практики Л. М. Лопатина может свидетельствовать только о том, что в восприятии студентов занятия, которые вел Лопатин, не оставляли яркого следа. Может быть, этому способствовала сама манера теоретических рассуждений Лопатина, которая проявлялась и в его работах, изобилующих длинными умозрительными построениями, но почти не содержащих наглядных примеров, которые помогали бы осмысливать приводимый материал. Н. Я. Грот не случайно заметил по поводу изложения умозрительных построений Лопатиным в основном его труде «Положительные задачи философии. Ч. 2», что все изложение в книге «приобретает характер сухости и даже некоторой туманности и тяжеловесности» [148]. Правда, не все его работы тяжеловесны. Многие статьи написаны языком достаточно ясным, а логика изложения отличается последовательностью и доказательностью.

---

[145] *Белый А.* Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 2. М., 1990. С. 383.

[146] *Лосский Н. О.* Профессора философии Московского университета // Двухсотлетие Московского университета. New York, 1956. С. 67.

[147] Поливанов М. Историко-филологический факультет Университета // Там же. С. 89–99.

[148] *Грот Н. Я.* Критическая заметка. (Л. Лопатин. Положительные задачи философии. Ч. II. Закон причинной связи, как основа умозрительного знания действительности. М., 1891) // Вопросы философии и психологии. 1891. Ки. 10. С. 63.

Библиотека "Руниверс"

Однако какими бы скромными ни были заслуги Л. М. Лопатина в качестве преподавателя, вся его деятельность в качестве профессора философии Московского университета, а также в качестве редактора журнала и председателя Психологического общества способствовала развитию философских знаний в обществе и развитию самой философии, способствовала пониманию того, что человечество не может ограничиваться познанием только явлений, не пытаясь проникнуть в их сущность, что человеческий разум способен выйти за пределы ощущаемых явлений и постигнуть умозрительно доказываемые истины, без которых невозможно осмыслить существующий мир в целом, во всей его неочевидности и сложности.

С самых первых шагов в осмыслении философских проблем и до последних лет жизни Л. М. Лопатин выступал как последовательный критик эмпирической философии, против имманентизма ее приверженцев, за признание возможности познания трансцендентных, т. е. находящихся вне внутреннего человеческого сознания и независимых от него, сущностей. Он был убежденным противником эмпиризма, который, по его словам, при последовательном проведении своих принципов неизбежно ведет к солипсизму. А ведь эмпирические, опытные методы познания, на которых основаны научные исследования, к концу XIX в. дали блестящие результаты. Эмпиризм был характерен для большинства господствовавших во второй половине XIX в. философских учений — различных направлений позитивизма и материализма. Но Лопатин смотрел глубже и ясно сознавал ограниченность эмпиризма при осмыслении мира в целом. Он убежденно доказывал, что эмпиризм не может быть инструментом познания мира во всей его полноте и сложности, что без преодоления этого повального увлечения человечество не осознает истинного строения и сущности окружающего его мироздания.

В своей вступительной речи на магистерском диспуте в 1886 г. он говорил: «Я убедился, что эмпиризм (т. е. исключительное признание опыта), как бы он ни назывался — софистикой, скептицизмом или позитивизмом и положительным

Библиотека "Руниверс"

научным миросозерцанием, очищенным от всяких метафизических дополнений,— неизбежно и неудержимо влечет к одному: к отрицанию важнейших истин разума, к отрицанию всех его истин, которые раскрывают действительную природу вещей и доподлинно всеобщие отношения между ними». «Я выступаю защитником умозрительной философии — того, что принято называть метафизикой,— я стараюсь показать, что на чистом разуме основанное учение о существующем *возможно и необходимо*»[149].

С самого начала своей деятельности Лопатин был убежден, что без умозрительных априорных положений никакое познание истинно сущего невозможно, что философия представляет собой особую область знания, опирающуюся не на чувства, не на опыт, а на умозрение, на чисто теоретические положения. Хотя Лопатин и не отрицал значения знания, полученного опытным путем, но истинное знание может быть, по Лопатину, только рациональным.

Защищая метафизику и солидаризируясь в этом вопросе с Соловьёвым, Лопатин был совершенно чужд религиозному мистицизму, которому так близок был Соловьёв. Он стоял на позициях рационализма, рассматривая разум как вполне полноценный орган познания, которому только и доступно понимание трансцендентальных оснований мира.

Поэтому, когда профессор минералогии Вл. Ив. Вернадский выступил на заседании Психологического общества с докладом «О научном мировоззрении», который представлял собой сжатое изложение его вступительных лекций к курсу по истории естествознания, который он начал читать в университете, и в этом докладе (опубликованном в журнале «Вопросы философии и психологии» кн. 65 за 1902 г.) утверждал, что философские учения глубоко индивидуальны и всегда носят на себе отпечаток личности своего создателя, что философские истины никогда не могут быть обязательны для всех, так же как религиозные учения и направления в искусстве не могут претендовать

[149] *Лопатин Л. М.* Положительные задачи философии. Ч. 1. Изд. 2-е. М., 1911. С. XXII, XXI.

Библиотека "Руниверс"

на всеобщую обязательность, то Лопатин откликнулся на эти мысли Вернадского целой серией статей, в которых изложил свое понимание философии.

Частично соглашаясь с В. И. Вернадским, что философия включает в себя субъективное восприятие мира и поэтому носит на себе отпечаток личности ее творца, Л. М. Лопатин вместе с тем отстаивал мысль, что без определенного объективного содержания нет философии как таковой, что предпосылкой любой философии является признание определенных положений, общих для любой философской системы.

Лопатин утверждал, что философия невозможна, если не признается реальность нашего собственного Я, если не признается реальность чужого одушевления, т.е. реальность существования других Я, если не признается реальность независимого от нас физического мира и наличие внутренней связи всего существующего, независимо от нашей мысли.

Далее Лопатин доказывал, что есть *истины философские*, т. е. такие, которые доказываются чисто умозрительно, не прибегая к опыту, к эксперименту. Это, например, принцип тождества, закон причинности, принцип субстанциальности (т.е. убежденность в том, что во всяком действии, во всяком состоянии должно что-то действовать, какой-то субстрат), наконец, убежденность в объективности нашей мысли (т.е. если что-то мыслится о предмете, то мыслимые свойства предмета принадлежат именно этому предмету).

Эти философские постулаты, подчеркивал Лопатин, не вытекают из нашего опыта, они не есть результат чувственных восприятий, и не обосновываются никаким эмпирическим знанием. Они являются результатом умозрения и как таковые предшествуют всяким философским умозаключениям. Если эти истины отрицать, то мыслительный процесс превращается в хаос. В них можно сомневаться, но нельзя окончательно отвергнуть[150].

Лопатин убежден, что искать философскую истину возможно только умозрением. Проблему действительности, т.е. реального

---

[150] См.: *Лопатин Л. М.* Научное мировоззрение и философия // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 71. С. 97.

Библиотека "Руниверс"

существования внешнего мира, невозможно решать в границах гносеологии, эта проблема решается только на почве онтологии.

Анализируя процесс познания, Лопатин говорит, что содержание нашей мысли далеко не исчерпывается только данными опыта. В каждом суждении обнаруживаются и сверхчувственные идеи. Наш ум не пассивно воспринимает воздействия внешнего мира, но силой *внимания* направляет его на то, что ум заранее определил в качестве объекта восприятия. Внимание, по Лопатину, есть сила, которая дает нам возможность вырваться из оков чувственных восприятий и подметить в объектах кроющиеся в них идеальные определения.

Таким образом, наше мышление не есть пассивное воспроизведение чувственных данных, их сравнение по сходству и различию и т. п. В познавательной деятельности нашего ума, подчеркивал Лопатин, постоянно присутствуют чисто *волевые* акты, которые свидетельствуют о деятельной силе духа. Эту активность духа можно рассматривать как его *творческую* силу, т. е. процесс познания вещей есть вместе с тем и процесс творчества особого рода. Лопатин утверждает, что всякое содержание души есть продукт ее собственного творчества, так как ни наших радостей и страданий, ни наших чувств нет во внешней природе, которая действует на нас, нет и в физико-химической природе нашего мозга. При этом наш дух не изолирован от мировой духовной системы, он связан с ней и поэтому бессмертен. «Земное тело с своими функциями только временный, хотя и тесно с ним (т. е. духом.— *А. П.*) связанный в пределах этого времени (т. е. земной жизни.— *А. П.*) орган его внутреннего роста и развития» [151].

По Л. М. Лопатину, самая очевидная реальность, т. е. реальность, не нуждающаяся в доказательствах, присуща только нашему собственному духу. Поэтому свою философию Лопатин характеризует как *идеал-реализм*, ибо всеобщность и до-

[151] *Лопатин Л. М.* Неотложные задачи современной мысли. (Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского Университета 12 января 1917 г.) // Лопатин Л. М. Аксиомы философии. М., 1996. С. 429.

Библиотека "Руниверс"

стоверность присуща только нашим идеальным или идейным суждениям.

Во время торжественного чествования 30-летия научной и педагогической деятельности Л. М. Лопатина в 1911 г. он в своей ответной речи так охарактеризовал свои философские взгляды: «Только в своей душе,— говорил он,— только в непосредственных переживаниях нашего внутреннего Я нам дана настоящая действительность и лишь через нее мы постигаем и всякую другую реальность. В нашем психическом мире мы встречаем нечто реальное безо всяких прикрытий, как оно есть, и потому только в нем можно искать опоры для содержательного познания об истинном бытии». При этом Лопатин подчеркивал, что если бы наш внутренний мир и мир внешний имели разную природу, то познание внешнего мира было бы невозможно. Поэтому «бытие нужно понять по духовным аналогиям и в духовных категориях. То, что есть основного в нашем духе, то, без чего не мыслимо ни одно его проявление, должно лежать в основе всех других вещей, если только мир представляет внутреннее единство, а не распадается весь в бессвязные, чуждые друг другу клочья. Внутренняя духовность всего действительного и его живая внутренняя связь — в этом коренной тезис *спиритуалистического* мировоззрения». По его мнению, если сущность мира материальна, то она не может быть понята человеческим духом, а человек все же истину познает. «Итак,— продолжал Лопатин,— если мир духовен в своей внутренней сущности, то в его бытии должна изливаться единая, свободная, творческая сила, ведущая все ею созданное и вызванное к своим высшим целям. В этих целях осуществляется объективный идеал творения, и этот объективный идеал есть в то же время наш человеческий нравственный идеал. Ведь одна и та же сила движет миром и составляет глубочайший корень нашей индивидуальной духовности. Смысл жизни человека в том, что в нем вечное свободно ищет вечного. Таково в самых сжатых чертах мое философское credo» [152]. Как очевидно, его система конкретного спиритуализма

[152] *Лопатин Л. М.* Ответная речь // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 111. С. 187.

Библиотека "Руниверс"

есть не что иное, как система доказательства духовности мира и бытия Бога. «Л. М. Лопатин,— пишет Е. Н. Трубецкой,— стал основателем интересной и стройной, но во всяком случае совершенно самобытной системы, рационалистической и потому чуждой Соловьёву по духу» [153].

Основные философские положения Л. М. Лопатина родились, как мне представляется, из неудовлетворенности всеми существующими философскими учениями. Во всех своих работах он старается выделить различные типы философствования в чистом виде, в их логически безупречном содержании. Например, для него материализм есть философское учение, согласно которому «единственная реальность принадлежит безусловно и в себе внешнему и абсолютно бессознательному бытию, свойства которого сводятся к протяженности, непроницаемости, инерции, подвижности и другим чисто геометрическим и механическим определениям» [154]. Любое признание за материей способности жить, т.е. развиваться структурно, проявлять чувствительность и т.п., Лопатин называет гилозоизмом, который, по его мнению, есть простое смешение понятий. Он строил в своем сознании логически последовательные образы и ими оперировал, дабы частности не мешали лицезреть общий вид. По его мнению, материализм не способен объяснить, каким образом внешний мир, материя с ее непроницаемостью, протяженностью, инерцией и другими чисто внешними качествами может отразиться в сознании, т.е. в духе, который обладает только внутренними определениями и по всем своим свойствам материи противоположен. Он, правда, не отрицает «весьма важных заслуг материализма в научной сфере, говоря определеннее — в области *наук физических*» [155]. Но эти заслуги затмевают значение философского освоения мира, лишают философию самостоятельного развития. Она становится все более

[153] *Трубецкой Е. Н.* Миросозерцание Вл. Соловьёва. Т. II. М., 1995. С. 477.

[154] *Лопатин Л. М.* Спиритуализм как монистическая система философии // Лопатин Л. М. Аксиомы философии. Избр. статьи. М., 1996. С. 371.

[155] *Лопатин Л. М.* Положительные задачи философии. Ч. 1. Область умозрительных вопросов. М., 1886. С. 94 примеч.

Библиотека "Руниверс"

зависимой от научных данных, а потому теряет свой творческий потенциал. Философия, говорил Лопатин, теперь «более всего боится что-нибудь изменить и прибавить к тому, что признала наука» [156]. Такое отношении философии к научному знанию лишает ее самостоятельного умозрительного значения. А если отвергнуть умозрение как способ освоения действительности, то человечество, подчеркивает Лопатин, лишится способности познавать мир таким, каков он есть на самом деле, а не только таким, каким он предстает в наших ощущениях через опытное знание.

Л. М. Лопатин отмечает еще один важный, с его точки зрения, недостаток материализма: материализм не может объяснить наличия в нас бытия духа, сознания. «Мир сознания,— пишет Лопатин,— есть то, что несомненно *существует*; мир сознания есть то, что не имеет ни одного материального свойства и взамен того имеет много своих собственных нетелесных свойств» [157]. А материализм пытается рассматривать сознание как свойство материи, хотя сознание существует как нематериальное бытие. Но, пытаясь рассматривать сознание как свойство материи, материализм не объясняет, как это свойство, имеющее одни лишь духовные качества, может быть свойством иной по существу сущности. Свойство есть способ бытия предмета, пишет Лопатин, следовательно, должно не отличаться от предмета, которому принадлежит. А дух, сознание, ничего общего с материей, которая имеет только внешние способы существования, не имеет. Поэтому дух, сознание, убеждает Лопатин, свойством материи быть не может.

Помимо логических, пишет Лопатин, материализм содержит в себе и метафизические противоречия. Он не содержит в себе учения о своем безусловном начале, а такое равнодушие к абсолютному лишает материализм его философского значения. Что такое с точки зрения материализма есть материя, спрашивает

---

[156] *Лопатин Л. М.* Настоящее и будущее философии // Лопатин Л. М. Философские характеристики и речи. Мн., М., 2000. С. 105.

[157] *Лопатин Л. М.* Положительные задачи философии. Ч. 1. Область умозрительных вопросов. М., 1886. С. 140.

Библиотека "Руниверс"

Лопатин. Это — Вселенная. «Вселенная — это реальность материи, и притом ее единственная реальность»,— пишет Лопатин. Но Вселенная не есть нечто единое абсолютное, она представляет собой сложный агрегат различных тел. Но «сложное целое никогда не может иметь безусловной природы, ибо предполагает существование частей, как свое условие; сложное целое никогда не определяет себя к действию, как самобытное, внутренно единое начало, потому что его деятельность есть совокупность актов его элементов; сложное целое никогда не бывает производящею причиной своих частей, потому что первее их оно не имеет никакого бытия. Итак, материя есть просто сумма, агрегат своих частей, а если в ней есть какое-нибудь абсолютное, то оно, разумеется, не может быть отождествлено с этим агрегатом, а разве только с отдельными единицами, из которых он состоит»[158]. Таким образом, заключает Лопатин, философский материализм превращается в атомизм и «падает в бессильной борьбе против своего главного недостатка — отсутствия в нем безусловного начала»[159].

Безусловное начало содержится во многих учениях немецкого идеализма. Но подвергнув рассмотрению системы философии Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Л. М. Лопатин и там не нашел удовлетворительного решения философских проблем. Философию Канта Л. Лопатин рассматривал как родственную эмпирическим учениям, ибо, по Канту, разум налагает свою печать на все, что получает в опыте, в чувственном восприятии, и не в состоянии выйти за пределы воспринимаемого мира. Таким образом, познанию становится доступна только феноменальная, субъективная, а не объективная действительность. Истинный же мир сущностей существует вне разума, и он познанию не доступен, хотя он-то и возбуждает разум к деятельности. Но даже философия Гегеля, панлогизм его системы, к которому привело все развитие немецкого идеализма, не дает ответа на вопрос, что же такое окружающий нас мир. Разум, который, по Канту, создает по сути весь познаваемый человеком

[158] Там же. С. 103.
[159] Там же. С. 126.

Библиотека "Руниверс"

мир, у Гегеля превращается в абсолютную идею, саморазвитие которой и представляет собой мировой процесс, но «не дает никакого объяснения действительному миру» [160]. Гегель, пишет Лопатин, обнаружил «великую силу ума, но эта сила слишком часто тратилась на бесплодную, даже софистическую игру в неуловимые абстракции» [161].

Еще более несостоятельны, с точки зрения Лопатина, в философском отношении различные направления эмпиризма, которые имеют сторонников только благодаря тому, полагал Лопатин, что не проводят последовательно своих основополагающих принципов.

Он рассуждает следующим образом. Эмпиризм рассматривает процесс познания как результат воздействия внешнего мира на наши органы чувств. Знать вещь эмпирически — означает знать ее через наблюдение и опыт. Но наблюдать и испытывать вещь мы можем только через чувство и в состояниях нашего чувства, т. е. вещь познаем мы в наших ощущениях, которые всегда имеют субъективный характер и вследствие своей субъективности объективного знания вещи не дают. Ведь не только вкус, цвет, запах, звук воспринимаются нами в зависимости от состояния органов чувств, т. е. неадекватно, даже величина наблюдаемых предметов воспринимается в зависимости от расстояния, т. е. искаженно. Таким образом, воспринимаемые нами образы вещей всегда носят субъективный характер и фактически воспринимаем мы не внешние нам вещи, а субъективный образ этих вещей в наших ощущениях, т. е. мы воспринимаем как данность изменения нашего психического существа. Из всего анализа восприятия внешнего мира, если стоять на точке зрения эмпиризма, вытекает мысль, что «наша собственная душевная жизнь есть единственный возможный предмет человеческого познания» [162]. «Эмпирическая философия,— пишет Лопатин,— есть та, которая всю доступную нам истину ограничивает сферой наблюдаемых явлений и индуктивными обобщениями из них;

---

[160] Там же. С. 267.

[161] Там же. С. 260–261.

[162] Там же. С. 49.

Библиотека "Руниверс"

но наблюдаемые явления суть состояния души, а индуктивные обобщения выражают только правила их последовательности и сосуществования; следовательно, для этой философии все, что не есть состояние наблюдающего духа, и непознаваемо и не содержит никакой истины, а стало быть, не имеет и положительных признаков и между ними признака бытия»[163].

Таким образом, по Лопатину, ни материализм, ни идеализм, ни различные эмпирические философские системы не способны дать нам знания действительности такой, какова она есть на самом деле, а не только так, как она отражается в наших ощущениях. Но, может быть, вера может стать источником действительного знания? Ведь «мы не имеем никаких логических доказательств существования материальной природы, существования объективного духовного мира, неизменности наблюдаемых законов явлений,— пишет Лопатин,— но *мы верим* в эти истины и тем должны удовлетвориться»[164]. Так, может быть, вера и есть то знание, которое может полностью удовлетворить запросы нашего разума на достоверность? Но Лопатин не спешит утвердить веру в качестве достоверного знания. Вера, по Лопатину, «лишь начало понимания, а не завершение его»[165]. «Знание есть плод и достояние разума <...> — пишет он,— оно есть *понимание* вещей и их отношений <...>. Философия веры хочет быть лишь темным предметом чувства, недоступным для анализа»[166]. Но этот темный предмет чувства по своей природе близок творческому началу в человеческом сознании, который дает импульс логическому знанию. «Рассудок или разум логический,— пишет Лопатин,— только дает отчетливую, раздельную форму тому, что возникло в другой, таинственной и смутной, почти убегающей от сознания области. Творческий разум есть способность замыслов по преимуществу; рассудок переводит темные идеи разума творческого на язык ясных, резко очерченных понятий; в этом смысле он выше последнего.

---

163 Там же. С. 78.
164 Там же. С. 88.
165 Там же. С. 172.
166 Там же. С. 168.

Библиотека "Руниверс"

Но непосредственный творческий ум богаче содержанием: его идеи невыразимы в своей полноте и жизненности,— он чует истину и там, где она не может быть уловлена в формулу,— в этом его изначальная непобедимая сила. Его идей часто нельзя высказать словом, не исказив и не опустошив их» [167]. И Лопатин пишет, что философский гений иногда создает идеи, которые не поддаются логическому выражению. Такие идеи иногда носят мистический характер, они сродни вере, но они не есть философия в собственном смысле слова.

«Философия есть *знание* (а не *чаяние* и не непосредственное восприятие чувством) истины,— знание ясное и разумное,— пишет он, — она есть разумное понимание действительно-сущего в подлинных основах его бытия. Такое понимание предполагает свободное построение выводов из свободно принятых (по внутренней очевидности) посылок. Эти посылки не могут быть даны извне». Философ может быть глубоко верующим человеком. Но «философ должен тщательно различать между тем, что он понимает, и тем, во что он верит. Всякий философ обязан помнить, что он философ лишь до той минуты, пока он усваивает истины по их разумной очевидности» [168]. Философия развивается в тесной связи с господствующим мировоззрением. Поэтому существует философия христианская, языческая, западная, восточная и т. п. Но это не значит, что философ в своих умозрительных размышлениях логические выводы из разумных посылок может подменить ссылками на священное писание или учение церкви. «Философ может иметь убеждения, какие ему угодно,— пишет Лопатин, — но в своих философских построениях он обязан идти так, как будто бы он не имел их, пока они не получат вида рациональных истин. Философ должен говорить от разума к разуму; в противном случае его выводы будут случайною игрою фантазии. В этом единственный метод философии, и отказавшись от него, она перестает быть тем, что она есть» [169].

---

[167] Там же. С. 278.
[168] Там же. С. 284.
[169] Там же. С. 285.

Библиотека "Руниверс"

«Разум и вера должны развиваться рядом, в полной независимости друг от друга, потому что их двигатели различны <...>,— утверждает Лопатин.— Философия, во что бы то ни стало желающая быть за одно с господствующими верованиями, хотя бы в ее собственном идеальном содержании не было к тому ровно никаких оснований, становится лицемерною или по крайней мере тенденциозною, потому что заботится не об органическом развитии ею признанной истины, а об ее прилаживании к чему-то извне и насильственно данному. Такая преждевременная заботливость компрометирует и философию и религию одинаково»[170].

Приведенные высказывания Л. М. Лопатина содержатся на последних страницах третьей, заключительной главы его магистерской диссертации, что со всей очевидностью свидетельствует, что он уже в молодые годы был далек от мистицизма и ясно осознавал опасность поглощения философии религиозными размышлениями. По-видимому, он остро ощущал необходимость четко определить свои позиции в отношении религиозных тенденций в философии, потому что и в своей вступительной речи на магистерском диспуте уделил этой проблеме значительное место. Он, в частности, тогда сказал, что «теософию и умозрительную онтологию никак не должно смешивать между собою. Я не отрицаю теософии,— говорил он,— хотя все попытки придать ей систематическую форму, так думаю, до сих пор шли по ложному пути. Тем не менее я убежден, что задача теософии очень мало напоминает то, что составляет предмет чистой метафизики. Метафизика имеет своим содержанием необходимые истины разума и только их. Теософия стремится раскрыть всю полноту идеального смысла Божественной и мировой жизни во всех ее конкретных перипетиях. При такой задаче очень мало надежды, чтобы теософия когда-нибудь возвысилась над суждениями только приблизительными и вероятными. Безусловной, логической достоверности ее выводы иметь не могут. Если она составит когда-нибудь отдел философской науки, то лишь в качестве прикладной ее части. Еще целесообразнее было бы назвать ее

[170] Там же. С. 282–283.

Библиотека "Руниверс"

умозрительным богословием. Этим названием лучше обозначается ее положение среди других отраслей философии: она отправляется от истин веры, она предполагает их уже данными. Но именно поэтому она не принадлежит к сфере чистого разума, ее содержание не ограничивается началами, в своей необходимости выводимыми отвлеченною мыслью. Это заставляет различать ее от умозрительной метафизики. Если знание, именно в *качестве знания*, должно быть достоверным и прочным целым, оно должно опираться на истины, очевидные для всякого ума. Я глубоко уверен, что рано или поздно система таких истин получит общее и непоколебимое признание» [171].

Ясно определив свои позиции относительно философии веры, Лопатин все свои силы посвятил разъяснению своих философских основоположений. Материализм он отверг сразу как учение, не дающее понимания взаимоотношений человеческого разума и окружающей действительности. Как монистическая философская система материализм не объясняет существования нашего «Я», так как приписывает единственную реальность только внешнему бытию, рассматривая человеческое сознание как свойство этой внешности. Но бытие абсолютно внешнее не может порождать явлений, имеющих только внутренние определения. Все эмпирические философские системы тоже несостоятельны вследствие их ориентации на чувственные данные. Только спиритуализм, убеждает Лопатин, утверждая внутреннюю духовность всего реального, позволяет понять реальность как единое целое. «Вся сущность спиритуалистического миросозерцания в том,— пишет Лопатин,— что для него бытие духа является непроизводным и первоначальным, а через это и вся внешняя нам реальность признается внутренне однородною с существованием нашего духа» [172]. Спиритуализм, подчеркивает Лопатин, не упраздняет физической природы, он

---

[171] *Лопатин Л. М.* Вступительная речь на магистерском диспуте // Лопатин Л. М. Положительные задачи философии. Ч. 1. Область умозрительных вопросов. М., 1911. С. XXV–XXVI.

[172] *Лопатин Л. М.* Спиритуализм как монистическая система философии // Лопатин Л. М. Аксиомы философии. Избр. статьи. М., 1996. С. 373.

Библиотека "Руниверс"

лишь указывает на существование во внешней природе внутренней духовности, хотя эта внутренняя конкретная духовность природных процессов остается для нас закрытой, ибо присущая человеку чувственная восприимчивость открывает нам лишь внешние воздействия вещей на нас, а не трансцендентную нам внутреннюю реальность природы [173].

Лопатин отнюдь не считает, что спиритуализм позволяет нам раскрыть все тайны окружающего нас мира. «Действительно адекватное познание,— пишет он,— мы можем иметь только о самих себе и своих сознательных внутренних переживаниях, а по отношению к остальному миру — лишь о самых общих свойствах, условиях и внутренних связях существующего. Все другие наши утверждения, выходящие за пределы этой довольно тесной области, необходимо носят лишь относительный характер. В этом смысле нашему познанию положены непереходимые границы» [174].

Философские идеи Л. М. Лопатина в значительной мере способствовали преодолению в русском обществе позитивистских и вульгарно-материалистических настроений. «Лев Михайлович Лопатин,— писал о нем в журнале "Путь" в десятую годовщину смерти С. Л. Франк,— один из крупнейших русских философов XIX в., с именем которого связан расцвет русской философской мысли в 80–90-х гг. прошлого столетия. Он принадлежал к блестящему кругу московских философов (достаточно здесь напомнить имена Владимира Соловьёва и братьев Трубецких), в трудах которых впервые возникло то, что можно в узком и более точном смысле назвать *русской философией*». С. Л. Франк отмечал, что «Лопатин первый в России создал *систему теоретической философии*» «создал и критически обосновал в своем труде целостную систему спиритуалистической метафизики» и его работы «должны быть без оговорок причислены к лучшим и высшим достижениям философской мысли последнего полвека» [175].

---

[173] См. там же. С. 382.

[174] Там же. С. 383.

[175] *Франк С. Л.* Памяти Л. М. Лопатина // Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 422, 423, 424, 425.

Библиотека "Руниверс"

* * *

Почти одновременно с Лопатиным и Гротом на кафедре философии в качестве преподавателя оказался князь Сергей Николаевич Трубецкой. Он вошел в историю русской мысли, русской культуры, в историю России не только как крупный и оригинальный мыслитель, философ, профессор и ректор Московского университета, но и как известный общественный деятель, активно отстаивавший идеалы свободы личности, академические свободы и автономию университетов, преподававший взгляд на образование не только как способ получения знаний, но как на процесс формирования личности гражданина, человека, способного активно создавать свой духовный мир, расширять свой творческий потенциал.

Не случайно первый печатный сборник, посвященный его памяти и вышедший вскоре после его смерти, был озаглавлен «Князь Сергей Николаевич Трубецкой, первый борец за правду и свободу русского народа». Уже в первой статье этого сборника говорилось: «Официально князь только ректор и профессор Московского университета. Неофициально же имя Сергея Николаевича Трубецкого для России и русского общества окружено ореолом славы вождя и проповедника гражданской свободы и любви, истинного патриота своей родины и крупного общественного деятеля на пути настоящего освободительного движения России. <...> Он первый стал бороться за свободу духа и знаний, за автономию университетов, их самостоятельность и независимость академической жизни от произвола администрации» [176].

А вот его коллега по университету, выдающийся русский ученый, профессор В. И. Вернадский подчеркнул значение С. Н. Трубецкого для развития русской философской мысли, назвав его «одним из первых оригинальных, чисто *русских* философов»,

[176] Князь Сергей Николаевич Трубецкой, первый борец за правду и свободу русского народа. В отзывах русской повременной печати, речах и воспоминаниях его последователей и почитателей. СПб., 1905. С. 5 и 6.

Библиотека "Руниверс"

который «в то же время являлся крупным ученым, владеющим всем аппаратом ученого XX в.» [177]. В. И. Вернадский отметил в своей речи, что само время деятельности С. Н. Трубецкого вынуждало каждого честного и порядочного человека отдавать свои силы и время не только своей профессиональной деятельности, но и борьбе за гражданские свободы и свободу преподавания. «В тяжелое и мрачное время нам приходится жить,— говорил Вернадский,— но его время было еще безотраднее. Свинцовыми, беспросветными сумерками была охвачена университетская жизнь — отражение жизни России. И казалось, не было выхода. Густой туман бессилия тяжелой пеленой ложился на человеческую личность. Иссякла вера в будущее. В это время рос и воспитывался дух маловерия в историческую роль русского народа, тяжелым вековым трудом и страданиями создавшего великую мировую культурную силу. В это время из тяжелого настоящего не видно было лучшего будущего; оно казалось на веки потерянным, недосягаемым. Переоценивались силы защитников старого. Университет замирал в тисках этих порождений общественного гниения» [178]. Причем, такого мнения о России рубежа XIX–XX вв. придерживался не один Вернадский. Например, профессор юридического факультета В. М. Хвостов говорил, что судьба свела его с Трубецким «в мрачную для русских университетов эпоху, когда с неумолимой последовательностью стали ярко обнаруживаться грозные признаки того внутреннего разложения, до которого довела русскую высшую школу слепая политика бюрократической России» [179].

И вот в эти тяжелые времена взошла звезда профессора Московского университета, который стал знаменем тех россиян, которые боролись за кардинальные преобразования

---

[177] Сборник речей, посвященных памяти князя С. Н. Трубецкого. Издание студенческого научного общества памяти кн. С. Н. Трубецкого. М., 1909. С. 12 и 9.

[178] Там же. С. 5.

[179] *Хвостов В. М.* Памяти дорогого товарища кн. С. Н. Трубецкого // Вопросы философии и психологии. 1906. Кн. 81. С. 9.

Библиотека "Руниверс"

русского общества мирными, легальными средствами и порою добивались своих целей. Я имею в виду осуществление идеи свободного от бюрократических пут университета, живущего по своим автономным правилам.

Князь Сергей Николаевич Трубецкой — одна из самых ярких личностей не только среди профессоров кафедры философии, но и всего Московского университета, хотя в те годы в университете трудились такие выдающиеся ученые, как зоолог А. П. Богданов, минеролог В. И. Вернадский, механик Н. Е. Жуковский, химики Н. Д. Зелинский и В. В. Марковников, зоолог М. А. Мензбир, геолог А. П. Павлов, физик Н. А. Умов и др. Ведь не случайно именно князь С. Н. Трубецкой был избран ректором Московского университета как только стало возможным это избрание коллегией профессоров, а не путем назначения Министерством народного просвещения.

С. Н. Трубецкой родился в 1862 г., т. е. был на 9 лет моложе Владимира Соловьёва и на 7 лет моложе Льва Лопатина. Но вообще-то он принадлежал к тому же поколению, взгляды которого формировались в обстановке серьезных общественных преобразований Александра II.

Интерес к философии проявился у Сергея Трубецкого очень рано. Его мать, происходившая из рода князей Лопухиных, воспитывала детей в традиционном религиозном духе, согласно которому перед Богом все люди равны. Демократические традиции поддерживались в семье. «Мама подарила мне всего Белинского, я купил себе всего Шекспира»,— писал Сергей Трубецкой[180]. Уже в 5-м классе гимназии[181] он начал читать Бокля, Спенсера, которые зародили в нем религиозные сомнения, не получившие в дальнейшем развития. В 6-м классе он уже одолел логику Милля, читал Дарвина, через статьи Льюиса и Милля познакомился со взглядами Огюста Конта. В 7-м классе гимназии он

[180] См.: Отчет Имп. Московского университета за 1905 год. М., 1906. С. 318.

[181] Следует напомнить, что в гимназию поступали обычно в 9–10-летнем возрасте, имея за плечами домашнее или начальное школьное образование. В 5-м классе гимназин Сергею Трубецкому было 15 лет.

Библиотека "Руниверс"

прочитал «Историю философии» Куно Фишера, которая возбудила в нем интерес к философии Канта, и он увлекся чтением его работ — «Критика чистого разума» и «Пролегомены». В 8-м классе он познакомился с философией Владимира Соловьёва по его работе «Критика отвлеченных начал», прочитал «Дневник писателя» Достоевского, работы Хомякова. Такой интерес к философской литературе был в какой-то мере следствием того, что учеба в гимназии вызывала у Сергея Трубецкого отвращение. В одном из писем он писал своему московскому учителю и другу: «Черт бы побрал латынь и греческий. В нашей гимназии всякий возненавидит древние языки. Наша гимназия — сонное царство: древние языки — это невыносимая пытка»[182].

После окончания гимназии в 1881 г. он поступил в Московский университет на юридический факультет, с которого через несколько недель перешел на историко-филологический, где взялся за серьезное изучение всего Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, Платона и Аристотеля. Увлечение последним и обусловило его интерес к античной философии, хотя в годы учебы он увлекался еще и немецкими мистиками: Экхартом, Парацельсом, Яковом Бёме и его современным толкователем Францем Баадером. Больше всего его интересовали вопросы Божественной мудрости (Софии) как той связующей сущности между Богом и миром, которая управляет духовным миром. На эти темы в студенческие годы он написал несколько сочинений[183].

В 1885 г. С. Н. Трубецкой окончил университет и был оставлен на кафедре философии для подготовления к про-

---

[182] *Лопатин Л. М.* Князь Трубецкой и его общее философское мировоззрение // Лопатин Л. М. Философские характеристики и речи. Мн.; М., 2000. С. 194. (В первой публикации работы Л. М. Лопатина в заголовке было не «мировоззрение», а «миросозерцание».) Цитата из письма Сергея Трубецкого, приведенная Л. М. Лопатиным, относилась к преподаванию древних языков в Калужской гимназии. В зрелые годы С. Н. Трубецкой был горячим защитником классического образования, предусматривающего особое внимание к античной культуре и древним языкам.

[183] См.: там же. С. 197–199.

Библиотека "Руниверс"

фессорскому знанию. В 1886 г. он сдал магистерский экзамен и получил право читать лекции в качестве приват-доцента. У Л. М. Лопатина в его большой и обстоятельной работе о С. Н. Трубецком, а также в ряде материалов, опубликованных сразу после кончины С. Н. Трубецкого, указывается, что Трубецкой начал читать лекции в 1888 г. Во всех последующих работах о С. Н. Трубецком этот год упоминается как год начала его педагогической деятельности. Однако в Обозрении преподавания на историко-филологическом факультете его фамилия появляется только в расписании на весенний семестр 1888/1889 учебного года, т. е. фактически его педагогическая работа началась в 1889 г. чтением курса «Введение в историю философии» по пособиям Ueberweg и Schwegler и чтением «Метафизики» Аристотеля (всего 3 часа в неделю). В следующем, осеннем семестре 1889/1890 учебного года он читал уже курс германской философии (средневековый и реформационный периоды) и продолжал его в весеннем семестре. В осеннем же семестре он вел занятия по «Метафизике» Аристотеля (I и XII кн., перевод и объяснение). Теперь на «Метафизику» Аристотеля было отведено уже 2 часа в неделю[184].

В 1890 г. С. Н. Трубецкой защитил диссертацию «Метафизика в Древней Греции» на степень магистра философии. 1890/1891 учебный год провел за границей. С ноября 1890 по март 1891 г. он был в Берлине, где познакомился с протестантским теологом А. Гарнаком, завязал с ним близкие отношения, но его богословские взгляды не разделял. С 1891/1892 учебного года С. Н. Трубецкой стал читать свой знаменитый курс истории древней философии, который с перерывами в отдельные годы (1893/1894, 1896/1897, 1898/1899, 1903/1904 учебные годы) читал вплоть до своей кончины. С осеннего семестра 1892/1893 учебного года он начал для желающих читать курс «Очерки средневековой философии» и вести философский семинарий. В 1895/1896 учебном году на 2-м курсе историко-филологического факультета С. Н. Трубецкой начал читать курс

[184] См.: Обозрение преподавания на историко-филологическом факультете Имп. Московского университета за 1885–1906 гг.

Библиотека "Руниверс"

«Философия отцов церкви», через год — историю новейшей философии и для желающих — историю христианской мысли в первые века[185].

Итак, к началу XX в. приват-доцент С. Н. Трубецкой освоил чтение курсов истории древней и истории новейшей философии, курс германской философии средневекового и реформационного периодов, философию отцов церкви и историю христианской мысли в первые века; для классического отделения историко-филологического факультета он читал курс «Платон и Аристотель».

В 1900 г. он защитил докторскую диссертацию «Учение о Логосе в его истории», получил звание экстраординарного профессора и в 1901/1902 учебном году стал читать курс «Религия древних греков» для 3-го курса классического и исторического отделений историко-филологического факультета. Как видим, диапазон интересов С. Н. Трубецкого был достаточно широк, но основные его интересы сосредоточивались в области античной философии и формирования монотеистической христианской религии. Его учебные курсы были теснейшим образом связаны с его теоретическими исследованиями. В отличие от многих историков христианства С. Н. Трубецкой стремился доказать, что древнегреческая языческая философия не противоречит Священному писанию, но, напротив, подготавливает человеческое сознание к усвоению учения Христа, ибо античная метафизика на место языческого многобожия ставит единый Логос. По его мнению, христианское учение о Логосе, как слове Божием, зародилось в греческой философии и от греков идея Логоса перешла в христианство, но уже как слово Божие.

Введение к своей докторской диссертации «Учение о Логосе в его истории» Трубецкой начинает словами: «Понятие Логоса связано с греческой философией, в которой оно возникло, и с христианским богословием, в котором оно утвердилось. Каким образом христианство усвоило это понятие для выражения своей религиозной идеи и насколько оно в действительности ей соответствует — вот исторический и философский

[185] См. там же.

Библиотека "Руниверс"

вопрос величайшей важности, которому посвящено настоящее исследование»[186]. На протяжении всей своей работы Трубецкой старается доказать, что греческая философия, греческое умозрение не противоречит божественному Откровению. Такая трактовка умозрения и откровения не соответствовала распространенному пониманию взаимоотношения разума и веры. Православная догматика отрицает возможность постижения таинств божественной жизни с помощью разума. И среди русских философов позиция С. Н. Трубецкого не получила всеобщего признания. Ведь и Флоренский, и Булгаков считали невозможным постижение тайн божественного Откровения без отказа от закона тождества и без признания принципиальной антиномичности божественной истины. Стоявший на несколько иных позициях Лев Шестов тоже считал несовместимыми разум и веру. Даже названия его работ говорят о противопоставлении разума и веры: «Афины и Иерусалим», «Умозрение и Откровение», «Миф и истина», «Сократ и блаж. Августин», «Дерзновение и покорность», «Умозрение и апокалипсис». С. Н. Трубецкой же, напротив, подчеркивал совместимость разума и веры, хотя и отмечал, что вера является все же главным определением человеческого духа. Но именно разум привел человечество к изживанию многобожия, именно метафизика в древности, пишет Трубецкой, восстала против языческого многобожия и проповедала единого духовного Бога свободною разумною проповедью, и метафизика приготовила все просвещенное человечество древнего мира к разумному усвоению начал христианства.

Интересное описание обстановки, в которой происходила защита С. Н. Трубецким докторской диссертации, вызвавшей резкую критику в официальной духовной печати, дает в своих воспоминаниях историк В. И. Пичета. «Актовый зал,— пишет Пичета,— был заполнен представителями московского дворянства. Французская речь была преобладающей. Очень интересно было вступительное слово С. Н. Трубецкого, этого представителя неохристианской философии. Для своего вре-

[186] *Трубецкой С. Н.* Сочинения. М., 1994. С. 44.

Библиотека "Руниверс"

мени речь была довольно смелой, ибо Трубецкой в конце своей речи сказал, что, не скрывая своих религиозных убеждений, он должен признать, что божественность Христа недоказуема. Он высказал, что учение о Логосе четвертого Евангелиста выводилось из учения Филона Александрийского. Ничего подобного мне не приходилось ни читать, ни слышать. Святости "канонических книг" был нанесен удар, что прекрасно понимало присутствовавшее на диспуте духовенство, хотя Трубецкой, в сущности, не сказал ничего нового по сравнению с тем, что было уже сказано представителями немецкой тюбингентской богословской школы...»[187] К свидетельству В. И. Пичеты следует только добавить, что протестантские теологи, поставив вопрос о соотношении античной философии, т. е. философского разума, и христианского вероучения, решали его в духе противоположном точке зрения С. Н. Трубецкого. С. Н. Трубецкой не противопоставляет философию вере, а, напротив, считает развитие античной мысли этапом, подготовившим возникновение христианского монотеизма.

Во многом новаторский подход к проблемам формирования христианства сочетался у С. Н. Трубецкого со стремлением к новым приемам в передаче знаний студентам.

С. Н. Трубецкой обладал необычайным педагогическим талантом, он умел вовлечь студентов в активное обсуждение рассматриваемых философских проблем, делая их как бы участниками тех философских споров, которые развертывались в различные периоды истории. Вот, например, как отзывался Б. А. Фохт о лекциях С. Н. Трубецкого: «Как никто умел он увлечь своих учеников и поощрить их к строгому научному исследованию»,— писал Фохт. «Кто бывал на его лекциях, и особенно на его практических занятиях, никогда не забудет того искрометного воодушевления и захватывающего, проникновенного пафоса, с которым он говорил об основных моментах развития античной философской мысли и ха-

[187] Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 594–595.

Библиотека "Руниверс"

рактеризовал ее величайших представителей»[188]. А вот как описывает в своих воспоминаниях лекции С. Н. Трубецкого Андрей Белый, который вообще-то не очень лестно отзывался о профессорах историко-филологического факультета, называя их «серой компанией» по сравнению с профессорами физико-математического факультета. Скорее всего причиной такой оценки было негативное отношение некоторых профессоров, особенно Лопатина и Трубецкого, к декадентским увлечениям сына уважаемого профессора математики Н. В. Бугаева. Андрей Белый с обидой вспоминает, например, что Лопатина и Трубецкого «ужаснула» попытка А. Белого в своем реферате рассмотреть принцип сохранения энергии в жизни искусств. Но совесть все же не позволила Андрею Белому не отметить талант С. Н. Трубецкого как преподавателя, хотя Л. М. Лопатина он описывает прямо-таки карикатурно. В присущем ему художественном стиле Андрей Белый так описывает лекции С. Н. Трубецкого, выделяя его из «серой компании» профессоров факультета. «Был исключением курс философии, читанный нам Сергеем Трубецким,— пишет А. Белый, — этот длинный, рыжавый, сутулый верблюд с фасом мопса на кафедре вспыхивал: из некрасивого делался обворожительным; он не судил по Льюису, Новицкому, Целлеру иль Виндельбандту; купаясь в источниках, заново переживал Гераклита, Фалеса или Ксенофана; бросая указку, он импровизировал над материками, их, а не "школу" вводя в поле зрения курса. В стиле таком он вел и семинарий свой по Платону; мы, взявши диалог, осилив источники, в ряде живых рефератов и прений знакомились с мыслью Платона; профессор не гнул линии, лишь дирижируя логикой прений»[189].

Будучи прекрасным педагогом, С. Н. Трубецкой много сил и внимания уделял проблемам организации просвещения в России, особенно проблемам высшей школы. Он был активным пропагандистом идеи такого университета, в котором учащие

---

[188] *Фохт Б. А.* Памяти кн. С. Н. Трубецкого // Вопросы философии и психологии. 1906. Кн. 81. С. 132, 133–134.

[189] *Белый А.* Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 2. М., 1990. С. 383.

Библиотека "Руниверс"

и учащиеся составляют единый коллектив, проникнутый идеей освоения научных знаний. Эту свою идею С. Н. Трубецкой начал осуществлять уже в 1894/1895 учебном году, когда организовал на факультете студенческий исторический кружок. Но это было только начало грандиозных планов неформального общения преподавателей и студентов. В конце 1898 г. на факультете по инициативе С. Н. Трубецкого возник еще один кружок более широкой проблематики, на котором читались и обсуждались рефераты, темы которых не укладывались в узкие рамки специальных факультетских требований. Правда, кружок этот из-за студенческих беспорядков весной 1899 г. перестал собираться. Но С. Н. Трубецкой не прекратил усилий по организации неформального общения со студентами. Он встал во главе группы студентов, которые в противовес радикальным студентам, выдвигавшим политические требования, решили объединиться для обсуждения научных проблем. В январе 1902 г. на квартире Трубецкого состоялось обсуждение устава рождающегося студенческого общества. Князь Трубецкой лично выезжал в С.-Петербург, чтобы добиться разрешения на создание студенческого общества. 16 марта 1902 г. С. Н. Трубецкой был единогласно провозглашен председателем общества, которое стало называться Историко-филологическое студенческое общество. Товарищем председателя (т. е. заместителем) был избран приват-доцент юридического факультета П. И. Новгородцев, секретарем — студент А. И. Анисимов. Торжественное публичное открытие Общества состоялось 6 октября 1902 г. в Большой физической аудитории. С программной речью выступил С. Н. Трубецкой, провозгласивший задачей студенческого общества и университета в целом сделать «науку реальной и живительной общественной силой, созидающей и образующей, которая простирает свои действия на все слои народа, которая поднимает и просвещает самые низшие из них» [190]. Трубецкой подчеркивал, что университет должен выпускать своих питомцев в жизнь не только во всеоружии специальных знаний,

[190] См.: *Анисимов А. И.* Князь С. Н. Трубецкой и московское студенчество // Вопросы философии и психологии. 1906. Кн. 81. С. 173.

Библиотека "Руниверс"

но людьми, наделенными широким мировоззрением, которое может быть выработано в условиях свободного общения между студентами и преподавателями на почве общих интересов, в свободном интеллектуальном общении.

Историко-филологическое общество стало быстро развиваться и в течение 1902/1903 учебного года количество его членов превысило тысячу человек. «Мы собирались чуть ли не ежедневно»,— говорил Трубецкой через год после начала работы Общества[191].

В работе Общества участвовало более двух десятков профессоров и приват-доцентов, в том числе Л. М. Лопатин, А. А. Мануйлов, А. А. Кизеветтер, Н. В. Давыдов, И. Ф. Огнев, Н. Г. Попов и др. Среди участников Общества были студенты юридического факультета И. А. Ильин, историко-филологического факультета В. Ф. Эрн и др. Как вспоминал много лет спустя участник этого Общества Ив. Херасков, «внутри несвободного университета оно явилось маленьким островком свободы, живым символом подлинного академизма. Это был университет в университете — "университет" в первоначальном значении слова, как корпорация или братство учащихся и учащих: полная свобода мысли и слова, высокий уровень духовной культуры, живая академическая общественность»[192]. С. Н. Трубецкой называл это свое детище «наш вечерний университет». Об отношении С. Н. Трубецкого к созданному им Обществу и о планах его развития хорошо говорит письмо Трубецкого к Б. Н. Чичерину. Весной 1903 г. он писал ему: «Дорогой Борис Николаевич! Студенческое историко-филологическое общество, которого я состою председателем, избрало Вас своим почетным председателем и просит Вас оказать ему высокую честь Вашим согласием. В настоящее время Общество насчитывает четыре секции: философскую, историческую, историческо-литературную и секцию общественных наук. Философская секция (под председательством Лопатина) к осени надеется приступить к печатанию своих "трудов" — перевода

[191] *Трубецкой С. Н.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 1907. С. 74.

[192] Московский университет. 1755–1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930. С. 446.

Библиотека "Руниверс"

метафизики Аристотеля, отчасти уже изготовленного под моей редакцией, и латинской диссертации Канта — под редакцией Лопатина. Кроме того, мы надеемся осенью же выпустить целый сборник статей студентов и профессоров — членов нашего Общества. Цель Общества служить для студентов оплотом академической свободы. Они приглашают, кого хотят, слушают, кого хотят, занимаются, чем хотят. Забастовки и "обструкции" против Общества не должны иметь места, оно создано самими студентами, и во время беспорядков его деятельность не должна прекращаться. Общество создало уже свою маленькую библиотеку, может быть, и Вы дадите ей что-нибудь из Ваших изданий. Товарищем председателя состоит Новгородцев, который заменит меня по отъезде моем заграницу...»[193]

В августе 1903 г. С. Н. Трубецкой организовал поездку почти полутора сотен студентов в Грецию по местам деятельности выдающихся мыслителей античности. Эта поездка оставила неизгладимый след в сердцах его участников, но Трубецкому стоила немалых усилий, и здоровье его после возвращения было не в лучшем состоянии. Врачи рекомендовали ему поехать на лечение за границу, и С. Н. Трубецкой вынужден был отказаться от председательства в Историко-филологическом обществе. Но и за границей мысли о судьбе Общества, судьбе университета не оставляли С. Н. Трубецкого. В январе 1904 г. он пишет из Дрездена статью «Татьянин день» в «Русские ведомости», в которой в очередной раз подчеркивает значение автономии университета для процветания высшего образования в стране.

«Цель университета довлеет себе,— пишет Трубецкой,— она в полном смысле этого слова самостоятельна, автономна, и вот почему автономия составляет как бы *естественное право* университета, при нарушении которого он процветать не может и по необходимости колеблется между противоположными и одинаково чуждыми ему внешними стремлениями.

Университет не может процветать на всякой почве и во всякой атмосфере. Чтобы привлекать к себе лучшие силы страны

[193] Цит. по: *Трубецкая О. Н.* Князь С. Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953. С. 213–214.

Библиотека "Руниверс"

и развить всю свою мощь, он нуждается прежде всего в нравственном уважении со стороны общества и признании его самостоятельности. <...>

Урок 1884 года[194] не может пройти даром. Теперь всем стало ясно, что авторитетом университета надо дорожить, что его попирать нельзя, что одна внешняя учебно-административная власть, как бы сильна она ни была, не в состоянии заменять собою *авторитет* самостоятельной ученой коллегии университета»[195].

О неспособности бюрократического аппарата руководить высшим образованием свидетельствовали непрекращающиеся студенческие волнения, в результате которых в конце 1904 г. все университеты в стране были закрыты. С. Н. Трубецкой очень сильно переживал такую ситуацию. Он постоянно выступал в печати с критикой существующего положения в стране, и хотя в начале 1905 г. состояние его здоровья ухудшилось, начались сердечные и головные боли, он продолжал активно бороться за введение в стране свободы слова, печати, собраний[196]. Особенно большой

---

[194] Под уроком 1884 года С. Н. Трубецкой имеет в виду принятие в 1884 г. нового университетского устава, согласно которому была отменена выборность на все руководящие должности в университетах, а также избрание профессоров. Все назначения были прерогативой попечителей учебных округов и Министерства народного просвещения, а ректоров утверждал император.

[195] *Трубецкой С. Н.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 78, 79.

[196] Сестра князя С. Н. Трубецкого Ольга Николаевна в своих воспоминаниях пишет о том, что ее брат получал массу писем в поддержку этой деятельности, и приводит одно из таких писем. Некий профессор пишет: «Милый друг, поздравляю тебя! Хотя единое смелое слово! Говори и пиши и кричи побольше. Вам, независимым и богатым, следует так говорить. Мы теперь в таком положении, что надо молчать, а то последнее потеряешь. 24 года служу, прожил на профессуре своих 60 тыс., а дослужусь ли до пенсии — вопрос... Поневоле молчишь, хотя многое хотел бы сказать» (*Трубецкая О.Н.* Князь С. Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953. С. 32). И действительно, возможности князя Трубецкого говорить открыто о наболевшем опирались на широкие родственные связи. Ольга Николаевна приводит некоторые из них: его брат Петр был предводителем дворянства Московской губернии, сестра Мария была женой московского губернатора Г. И. Кристи, двоюродный брат А. А. Лопухин был директором департамента полиции, а двоюродный брат матери А. Д. Оболенский — обер-прокурором Синода; племянник П. В. Глебов был женат на дочери

Библиотека "Руниверс"

резонанс в стране имела его речь 6 июня 1905 г. на съезде городских и земских депутатов в присутствии Николая II, в которой он призвал государя созвать избранников народа для водворения в стране внутреннего мира, затронул он и проблемы высшего образования. Николай II попросил Трубецкого составить ему докладную записку об университетском вопросе и передать ее непосредственно ему через министра двора барона Фредерикса. 21 июня записка была готова и передана императору. В записке С. Н. Трубецкой писал, что основной порок устава 1884 г.— отстранение профессорской корпорации от управления университетами и что восстановление университетской автономии является единственным средством спасения университетов от деградации. «В школе — все будущее России,— писал Трубецкой,— и никакие жертвы, необходимые для ее устроения и подъема, не должны останавливать правительство, которое хочет блага страны и пожелает поднять свой авторитет» [197].

Николай II внял доводам С. Н. Трубецкого, и 27 августа газеты опубликовали правительственное сообщение о введении «Временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерством народного просвещения», которые восстанавливали выборные начала в университетской жизни.

В Московском университете все заговорили о кандидатуре кн. С. Н. Трубецкого на пост ректора. Родные князя, учитывая состояние его здоровья [198], уговаривали его отказаться, и сам

московского обер-полицмейстера Ф. Д. Трепова (см. там же. С. 81–82). С таким «тылом» можно было чувствовать себя более уверенно, хотя далеко не все, имевшие подобные связи, были сторонниками тех свобод, за которые боролся кн. С. Н. Трубецкой.

[197] *Трубецкой С. Н.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 411–412.

[198] С. Н. Трубецкой давно страдал пороком сердца и грудной жабой, в августе 1901 г. перенес острое воспаление печени и закупорку желчных путей, весной 1903 г. переболел крупозным воспалением легких; к тому же за последние годы он тяжело перенес последовавшие друг за другом смерти родных и близких: 19 июля 1900 г. скончался отец, 31 июля того же года у него на руках умер Владимир Соловьёв, в том же году ушел из жизни близкий ему со школьной скамьи В. П. Преображенский, 4 марта 1901 г. умерла сестра Антонина (в замужестве Самарина), через 20 дней — мать. Все эти смерти он очень тяжело переживал, что, естественно, здоровья не прибавляло.

Библиотека "Руниверс"

С. Н. Трубецкой был уверен, что профессора медицинского факультета, зная его состояние, не допустят избрания его на столь хлопотную должность, требующую в это тревожное время сосредоточения всех физических и духовных сил, которые у С. Н. Трубецкого были не в лучшем состоянии. Однако потребность в авторитетном руководителе была столь велика, что Совет университета 2 сентября 56-ю голосами против 20-ти избрал 43-летнего профессора философии ректором Московского университета. Это было ярким свидетельством того уважения, которым пользовался С. Н. Трубецкой в коллективе университета.

Несмотря на появление во главе университета всеми уважаемого и любимого профессора студенческие волнения не прекратились. В аудиториях продолжали проходить митинги с участием посторонних университету лиц. И тогда новый ректор 22 сентября принял решение закрыть университет, чем еще больше накалил обстановку. Профессорский Совет после нескольких дней заседаний решил просить правительство допустить «узаконение свободных общественных собраний и обеспечение личной неприкосновенности, составляющие насущную потребность страны», с тем чтобы оградить высшую школу «от наплыва лиц, стремящихся удовлетворить эту потребность». Дело в том, что университетские аудитории стали использоваться для митингов потому, что вне университета такие общественные собрания были запрещены, а их участники подвергались преследованиям. Дабы оградить университет от наплыва посторонних лиц, Совет университета и обратился с просьбой разрешить такие собрания вне стен университета.

28 сентября 1905 г. С. Н. Трубецкой, несмотря на то что перед этим простудился, выехал в Санкт-Петербург, чтобы доложить о решении Совета университета. Утром 29-го он отправился в департамент народного просвещения для представления министру В. Г. Глазову. После беседы с министром тот попросил князя принять участие в заседании комиссии по выработке нового университетского устава. С. Н. Трубецкой не смог удержаться от активного обсуждения особенно тех пунктов устава, в которых говорилось о студенческих организациях. Заседание

Библиотека "Руниверс"

затянулось и уже около 7 часов вечера В. Г. Глазов обратил внимание, что голос Трубецкого изменился. Он прервал заседание, Трубецкого уложили на диван, но он потерял сознание. Его отравили в клинику, там консилиум врачей ничего не смог поделать. В 11 часов вечера кн. С. Н. Трубецкой скончался. Вскрытие показало, что смерть наступила от кровоизлияния в мозг из-за склероза сосудов[199].

Смерть князя С. Н. Трубецкого общественность переживала как национальную трагедию. Ни Санкт-Петербург, ни Москва не знали таких многолюдных похоронных процессий: за гробом С. Н. Трубецкого в Москве до кладбища Донского монастыря шло около 50 тысяч человек. На смерть его откликнулись не только все российские университеты и деятели народного просвещения, но и организации, далекие от системы просвещения. Почти все газеты поместили заметки о кн. С. Н. Трубецком как общественном деятеле национально масштаба. И ведь действительно, когда знакомишься с деятельностью князя, возникает вопрос, когда же он успевал заниматься философией. Его младший брат Евгений Николаевич Трубецкой писал, что в те 16 лет, в которые вышли его теоретические работы, ему «почти всегда *некогда* было заниматься любимым делом — философией. Почему некогда? Потому что Россия тогда переживала исключительно тяжелые предродовые муки, а средоточием этих мук был университет, которому он отдавался. Чем занимался он в то время? То ездил к властям упрашивать за каких-либо заключенных, то скакать в Петербург — молить, чтобы не были сосланы поголовно в Сибирь участники многолюдной сходки, то тщетно пытался предотвратить нависшую над молодежью угрозу солдатчины, то изыскивал меры, чтобы как-нибудь спасти университет, то отдавал все свое время студенческому обществу или поездке со студентами в Афины, потому что у него сердце болело о молодежи, нередко забывавшей из-за "политики" высшие интересы культуры»[200].

---

[199] См.: Князь Сергей Николаевич Трубецкой, первый борец за правду и свободу русского народа. С. 25 и следующие.

[200] *Трубецкой Е. Н.* Из прошлого. Вена, [1917]. С. 74–75.

Библиотека "Руниверс"

Князь С. Н. Трубецкой действительно отдавал все свои силы университетским делам, много внимания уделял он и вопросам общегражданского состояния России, но в памяти потомков он остался прежде всего как философ. Философия, как верно отмечает его брат, была его любимым делом. Он сам объяснял свое увлечение философией тем, что для человека влечение к истине составляет самую суть его существования, а философия и есть поиск Истины.

В теории познания С. Н. Трубецкого можно заметить черты, сближающие его с А. С. Хомяковым. Особенно это заметно тогда, когда Трубецкой критикует и эмпиризм, и рационализм, и мистицизм за односторонность в понимании человеческого познания. Как и Хомяков, Трубецкой подчеркивал целостность духа, невозможность познания только чувствами, только разумом или только верой. В работе «Основания идеализма» он подчеркивает невозможность сводить весь мир либо к чувственно воспринимаемой материи, либо к логическим категориям, либо к духу. Конечно, мир состоит из конечных вещей, воспринимаемых чувствами, мир имеет и закономерную связь явлений, которая познается разумом, но мир имеет и нечто всеобщее: духовность и разумность всего сущего. Поэтому познание мира должно базироваться на целостном духе, как говорил Хомяков, т. е. на чувствах, разуме и вере. Причем только вера, говорил Трубецкой, дает уверенность в реальности существующего мира, только вера убеждает в существовании других сознаний. Признание реальности внешних явлений, признание существования независимых от нас живых существ, «признание такой реальности,— пишет Трубецкой,— не имеет достаточного логического основания ни в нашем чувстве, взятом само по себе, ни в нашей *отвлеченной* мысли: оно есть акт веры — третьего фактора нашего познания». «Посредством чувств,— пишет Трубецкой,— я воспринимаю последовательные явления, посредством мысли я познаю их в объективно-логической связи, посредством веры понимаю эту связь как существенную, реальную, независимую от моего сознания». «Самое представление наше о причинности, а следовательно, и о действительности есть продукт наших трех познавательных

Библиотека "Руниверс"

способностей: оно распадается, как только мы отвлечемся от одного из этих источников познания»[201].

Подчеркивая нераздельность чувства, мысли и веры, Трубецкой пишет о том, что ни чувства, ни разум не дают истинного знания о реально сущем, так как ни представления, ни понятия не могут дать убедительного доказательства того, что они соответствуют реально сущему. Убеждение в реальности познаваемого мира дается только непосредственным актом познающего духа, который не сводится ни к чувству, ни к мысли, но который предполагает непременное участие веры.

Трубецкой критикует и эмпиризм, и рационализм, и мистицизм за одностороннее предпочтение либо чувства, либо разума, либо веры. Каждое из этих философских течений, пишет Трубецкой, содержит зерно истины, но их односторонность лишает их возможности истинного понимания сущего.

Критика Трубецким эмпиризма и рационализма, а также критика односторонности мистицизма, но одновременно и признание его относительной ценности, вызвала резкую критику Б. Н. Чичерина, который критиковал и Соловьёва, и Трубецкого за мистицизм. Особенно Чичерин отмечал характерное для Трубецкого «самое признание безотчетной веры, как источника знания»[202], которое отбрасывает Трубецкого к миросозерцанию Фридриха Якоби. Но критика Чичерина убеждений Трубецкого не изменила, потому что он не мог согласиться с тем, что разум способен дать убедительное доказательство реальности находящегося вне нас мира. Ведь в каждом познавательном акте, писал Трубецкой, человек вступает в действительное отношение к тому, что от нас независимо, что находится вне нас. Уверенность же в том, что находящийся вне нас мир действительно существует, дается только верой, потому что никакие логические доказательства в этом не убеждают.

---

[201] *Трубецкой С. Н.* Сочинения. М., 1994. С. 651, 655, 656.

[202] *Чичерин Б. Н.* Существо и методы идеализма (по поводу статей кн. С. Н. Трубецкого «Основания идеализма») // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 37. С. 237.

Библиотека "Руниверс"

Вера становится условием нашего познания еще и потому, что наша душа, дух воспринимает и понимает то, что по существу своему духовно. Внутренняя духовность всего существующего только и дает возможность познания, а убежденность в духовной сущности мира опять-таки дается только верой. Именно вера, по Трубецкому, выступает в процессе познания как внутренняя духовная сила, направляющая наше внимание на тот или иной объект.

В изучении процесса познания С. Н. Трубецкого интересовал еще один аспект: возможно ли познание истины индивидуальным сознанием. Анализируя историю философских учений, Трубецкой приходит к выводу о невозможности получения полного знания только личным, индивидуальным сознанием.

Истина не может быть результатом деятельности ума одного человека. Вся история философии, говорил С. Н. Трубецкой, свидетельствует о том, что отдельная философская система, каким бы философским гением она ни была создана, не может быть истиной в последней инстанции. Борьба различных точек зрения в философии есть свидетельство того, что истина не раскрывается целиком одному человеку. Вот почему философию можно изучать только в ее истории, в истории борений различных философских теорий. «В таком изучении,— писал он во введении к “Курсу истории древней философии”,— мы найдем ответ и на тот вопрос, который ставится нами различиями и противоречиями отдельных учений: эти различия и противоречия отдельных философий свидетельствуют об истинности самой *философии* в них, о ее неподдельности и правдивости. Изучая их, мы убеждаемся в том, что эти различия и противоречия не случайны и не сводятся к простым особенностям умственного склада отдельных мыслителей, но что они коренятся в самой природе человеческого разума, в его отношении к конечному предмету его познания» [203].

В своих более ранних размышлениях С. Н. Трубецкой уточнял, что противоречия между различными философскими

[203] *Трубецкой С. Н.* Курс истории древней философии. М., 1997. С. 29.

Библиотека "Руниверс"

системами есть не только результат особенностей умственного склада отдельных мыслителей, но являются отражением противоречий в самой действительности. «Истинная метафизика должна приходить к противоречию и нисколько не пугаться этого,— писал он,— потому что противоречие лежит в сущности вещей. Метафизика — наука отвлеченная, чисто рациональная, не может выйти за пределы этих противоречий, потому что идеал, в котором они примирены, есть нечто абсолютно конкретное. Философия есть вообще умозрение о противоречиях — определение парадоксальное, хотя и не новое. Разве объяснимы иначе противоречия философских систем, составляющие самую историю философии? <...> Нет философа, который был бы согласен безусловно с другим философом. <...> Итак, еще раз, философия есть умозрение о противоречиях»[204].

Но, подчеркивая невозможность игнорирования существующих в действительности противоречий, необходимость не обходить эти противоречия, а научится учитывать их в процессе движения к Истине, С. Н. Трубецкой приходит к убеждению, что философствовать без знания истории философии — пустое дело. «Мы уже теперь *не можем философствовать без истории*,— писал Трубецкой,— если не хотим *философствовать в анекдоте*. <...> Философия должна считаться со *всею* историей. <...> И в самом историческом изучении философии, т. е. в самой истории мысли, заключается своя философия, которую волей-неволей приходится усвоить»[205].

С. Н. Трубецкой поясняет, что XIX век привел к появлению новой философской дисциплины — истории философии, что позволило усваивать уроки прошлого и не повторять их. «В настоящее время — писал он,— вся история философии, все прошлое человеческой мысли в порядке ее развития открывается философу; он должен сам как бы вновь пройти весь тот великий умственный путь, который прожила человеческая мысль. И уже одна эта школа, которой не знали философы

---

[204] *Трубецкой С. Н.* Чему надо учиться у материализма // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 105–106.

[205] Там же. С. 108.

Библиотека "Руниверс"

предыдущих веков, должна бы служить к ограждению новой философской мысли от случайных повторений, от господства ограниченных отвлеченных идей, от ложного субъективизма в философии»[206]. Это значение истории философии не стало еще достоянием всех желающих философствовать. И С. Н. Трубецкой настойчиво внедряет мысль, что в наше время философствовать без глубокого знания истории философии, без знания всех нюансов решения философских проблем принципиально невозможно. Он и саму философию стал рассматривать не как плод индивидуальной мысли, а как результат совокупной деятельности всего человечества, как продукт всечеловеческого сознания.

«Задача научного изучения философии,— пишет он,— состоит прежде всего в том, чтобы понять объективные основания, внутреннюю необходимость этих форм и направлений (т. е. идеализма и реализма, материализма и спиритуализма, дуализма и монизма, эмпиризма и рационализма, скептицизма и др.— *А.П.*). <...> Надо понять философию этих философий, их действительное, жизненное отношение к Истине. Надо рассматривать их не с точки зрения того или другого учения, признаваемого нами за истинное, а стремиться к пониманию возможно более объективному, имманентному, стараясь понять, каким образом те или другие философы видели образ сущей и всеединой Истины в своих концепциях»[207].

Приведенная цитата С. Н. Трубецкого говорит о задачах историка философии, который не создает своей философской системы, а пытается осмыслить движение мировой философской мысли к идеалу. Но изучение истории философии, как его понимает С. Н. Трубецкой, не самоцель, а средство формирования собственной философии, своего философского мировоззрения.

С. Н. Трубецкой пишет: «В сознательном усвоении истории, в сознании коллективной природы человеческой науки

[206] *Трубецкой С. Н.* Сочинения / Сост., ред. и вступ. статья П. П. Гайденко; Примеч. П. П. Гайденко, Д. Е. Афиногенова. М.: Мысль, 1994. С. 637.

[207] *Трубецкой С. Н.* Курс истории древней философии. С. 29.

Библиотека "Руниверс"

и философии заключается для каждого философа начало здравого исторического критицизма по отношению к собственным умозрениям и вместе высокий регулятивный принцип. С одной стороны, философ должен сознавать неизбежные границы своей системы и признавать законность, необходимость других философий. С другой стороны, он не будет смущаться этими неизбежными границами: ибо веря в историю человеческой мысли, в органическое единство ее развития, он будет сознавать и свою философию в этой истории. Он будет уверен в том, что в истории восполнена односторонность и недостатки его личной философии. <...> Мы, взятые в отдельности не познаем абсолютной истины, мы познаем ее, взятые вместе»[208]. И Трубецкой приходит к мысли, что философию человечества следует понимать не как простую совокупность философских теорий, систем и направлений, а как единую «неизмеримо крупную, необъятную величину, как продукт коллективного творчества — *соборного сознания*»[209].

Понимание С. Н. Трубецким философии как совокупного результата деятельности всечеловеческого сознания опирается на его понимание природы человеческого сознания. В своей работе «О природе человеческого сознания» он с первых страниц формулирует свое понимание органической соборности человеческого сознания и всеми своими рассуждениями показывает, что личное сознание ограниченно и предполагает сознание общее, коллективное.

Опираясь на всю историю развития жизни на Земле, как она описана в современных ему естественно-научных исследованиях, С. Н. Трубецкой рассматривает процесс возникновения сознания как результат развития жизни. «Сознание есть существенное проявление жизни,— пишет он.— Первоначально оно как бы сливается с прочими ее отправлениями; затем оно дифференцируется и развивается в связи с общей организацией физиологической и социальной жизни. Оно дифференцируется и развивается вместе с нервной системой и вместе с прогрес-

[208] *Трубецкой С. Н.* Чему нам надо учиться у материализма. С. 109.
[209] Там же. С. 107.

Библиотека "Руниверс"

сом социальных отношений, с организацией общения между существами»[210].

Он рассуждает о том, что чувственность, как элементарная форма сознания, не рождается из ничего, а есть продолжение и развитие жизни протоплазмы. То есть сознание, как и жизнь, есть наследственный процесс и имеет родовую природу. Но родовая природа сознания не исключает того факта, что развитие этого родового начала сознания идет через развитие индивида и его сознания, которое совершенствуется в процессе эволюции человеческого рода. «Каждое индивидуальное человеческое сознание,— пишет С. Н. Трубецкой,— пробуждаясь к жизни, развивает в себе свои врожденные способности и навыки при помощи старших, т. е. развитых зрелых человеческих индивидов. С одними врожденными наклонностями и способностями без посредства воспитания оно навеки осталось бы в зачаточном потенциальном состоянии, точно так же как без врожденных человеческих способностей никакое воспитание не могло бы возвысить данного субъекта над ступенью животного идиотизма»[211].

Подчеркивая роль человеческого рода в развитии индивидуального сознания, роль воспитания, С. Н. Трубецкой анализирует процесс возникновения индивидуального сознания и отмечает, что начинается оно с индивидуальных ощущений. Но эти индивидуальные ощущения сами по себе не способны дать человеку возможность перейти к пониманию общего. От индивидуальных ощущений, подчеркивает он, мы никак не сможем перейти к чему-либо всеобщему, отдельный индивид никогда на основе своих личных ощущений не сможет прийти к убеждению в реальном бытии внешнего мира, даже в своем собственном существовании. Между тем все мы убеждены в реальном существовании внешнего мира, мы сознаем его существование во времени и пространстве. Это убеждение есть результат общего сознания, результат соборности сознания вообще. «Если мы имеем ее (реальности.— *А.П.*) подлинное

[210] *Трубецкой С. Н.* Сочинения. С. 548.

[211] Там же. С. 494.

Библиотека "Руниверс"

сознание, если мы сознаем ее так же, как нашу собственную реальность, то сознание наше соборно по существу: раз я могу подлинно сознавать другие существа, сознание есть не только мое, но общее, т. е. возможное сознание всех» [212].

С. Н. Трубецкой пишет: «Я думаю, что человеческое сознание не есть мое личное отправление только, но что оно есть коллективная функция человеческого рода. Я думаю также, что человеческое сознание не есть только отвлеченный термин для обозначения многих индивидуальных сознаний, но что это живой и конкретный *универсальный* процесс. Сознание обще всем нам, и то, что я познаю им и в нем объективно, т. е. всеобщим образом, то я признаю истинным — от всех и за всех, не для себя только. Фактически я по поводу всего держу внутри себя собор со всеми. И только то для меня истинно, достоверно всеобщим и безусловным образом, что должно быть таковым для всех» [213]. «Только признав такую коренную коллективность, такую органическую соборность человеческого сознания мы можем понять, каким образом оно может всеобщим и необходимым образом познавать действительность; только тогда мы можем понять, каким образом люди психологически и логически понимают друг друга и все вещи» [214]. Эта соборность сознания, подчеркивает С. Н. Трубецкой, осуществляется через слово, речь. Каждое наше слово свидетельствует о коллективности сознания, именно в слове мысль объективно обобщается. Таким образом, «слово есть воплощение соборного сознания, ибо не было бы слов, если бы они были непонятны и невнятны для других, если бы незачем и не с кем было говорить» [215].

Через слово, речь человек приобщается к общечеловеческим ценностям, но «для того, чтобы овладеть словом и рассудком,— напоминает Трубецкой,— человек должен быть воспитан людьми. С одними врожденными способностями,

[212] Там же. С. 579.
[213] Там же. С. 495.
[214] Там же.
[215] Там же. С. 497.

Библиотека "Руниверс"

имея язык и разум, он никогда не выучился бы говорить и думать. Ибо органическая соборность человеческого сознания предполагает не только родовое единство, но и личное живое общение между людьми,— и не только род и индивид, но особое сверхличное начало, в котором примиряется родовое с индивидуальным»[216].

С. Н. Трубецкой как бы мимоходом в связи с характеристикой соборного сознания упоминает о сверхличном начале, в котором примиряется родовое и индивидуальное, а между тем некоторые его рассуждения о соборном сознании приводят к мысли, что это сознание не актуально, а потенциально и осуществляется только в будущем «совершенном обществе».

Он рассматривает все развитие мира, историю человечества как движение к идеалу, к совершенному обществу, в котором все противоречия единичного и общего, конечного и бесконечного, свободы и природы, личности и вселенной найдут практическое, а не теоретическое примирение. «Осуществление такого идеала,— пишет С. Н. Трубецкой,— все-таки остается задачей, которая не подлежит теоретическому разрешению». То есть философия как теоретическая дисциплина не в состоянии разрешить противоречие между индивидуальным и родовым, она может указать лишь пути к примирению этого противоречия. «Познание наше безусловно только по своей идее, по своему идеалу полной, абсолютной истины. В действительности оно обладает возможной, формальной общностью, чисто логической универсальностью, которой противолежит всегда ограниченное, эмпирическое содержание. Чтобы стать абсолютным и полным, всеобъемлющим не по форме только, но по существу, по содержанию,— сознание должно обнять в себе все, стать сознанием всего и всех, *сделаться* воистину вселенским и *соборным* сознанием (курсив мой.— *А.П.*). Достижима ли эта цель или нет — она во всяком случае не может быть задачей чисто теоретической. Сознать себя во всем и все в себе, вместить полноту истины в реальном абсолютном союзе со всеми — это конечный религиозный

---

[216] Там же. С. 498.

Библиотека "Руниверс"

идеал жизни, а не знания только. Задача философии состоит в *возможно* конкретном познании идеала и указании пути к его осуществлению»[217].

Как видим, понимание соборного сознания приобретает здесь у С. Н. Трубецкого значение не столько существующего коллективного, всечеловеческого сознания, сколько цели, идеала, к которому движется человечество. Л. М. Лопатин совершенно справедливо говорит о двусмысленности трактовки Трубецким соборности сознания[218], эту двусмысленность отмечает и П. П. Гайденко[219].

Действительно, соборное сознание у С. Н. Трубецкого, с одной стороны, рассматривается как родовое, коллективное сознание человечества, под влиянием которого формируется и в рамках которого развивается индивидуальное сознание. С этой точки зрения С. Н. Трубецкой рассматривает философию как продукт соборного сознания[220]. Но с другой стороны, соборное сознание рассматривается С. Н. Трубецким как абсолютное, в котором не теоретически, а практически примирены все существующие противоречия, в том числе и роковое, по словам Трубецкого, противоречие между родом и индивидом, которое «уже Аристотель сознал как безысходную задачу онтологии»[221]. С этой точки зрения философия не может быть продуктом соборного сознания, ибо человеческое сознание еще должно «сделаться воистину вселенским и соборным»[222]. Поэтому и задачей философии, как пишет С. Н. Трубецкой, должно стать познание идеала и указание пути к его осуществлению, хотя осуществление такого идеала теоретическому разрешению не подлежит.

---

217 Там же. С. 546.

218 См.: *Лопатин Л. М.* Князь С. Н. Трубецкой и его общее философское мировоззрение. С. 243.

219 См.: *Гайденко П. П.* «Конкретный идеализм» С. Н. Трубецкого // Трубецкой С. Н. Сочинения. М., 1994. С. 25–27.

220 *Трубецкой С. Н.* Чему нам надо учиться у материализма. С. 107.

221 *Трубецкой С. Н.* Сочинения. С. 563.

222 Там же. С. 546.

Библиотека "Руниверс"

Практическое же примирение противоречий сознания человечество может осуществить только в совершенном обществе, только обретя бессмертие, а ведет к такому обществу религиозная вера. «Очевидно также,– пишет Трубецкой,– что сам по себе человек не может его (т. е. противоречие между родом и индивидом. – *А.П.*) примирить, и если когда-нибудь он искал такого примирения, то не иначе как на практически-религиозной почве, в том или другом церковном *богочеловеческом* организме»[223].

То есть в реальной действительности человечество не может разрешить противоречия между родом и индивидом и другие подобные противоречия, которые могут быть примирены только в богочеловеческом церковном организме, в котором человечество становится бессмертным, а «учение о бессмертии,– пишет Трубецкой,– есть религиозное, церковное учение, которое вне церкви никогда не может быть обосновано и претендовать на научное значение»[224].

С. Н. Трубецкой поясняет, почему философия не способна решить, примирить противоречия человеческого сознания. Это, пишет он, является следствием того, что в современном обществе человеческое сознание соборно лишь формально, имеет потенциальный характер, а потому и неспособно примирить противоречия нашего сознания. С. Н. Трубецкой поясняет это свое соображение анализом антиномии причинности, созна́ние которой в одно и то же время идеально и эмпирично, объективно и субъективно, истинно и ложно. А «чтобы разрешить основные противоречия сознания, нужно сделать его действительно всеобщим, соборным сознанием, осуществить его внутренний идеал»[225]. Но пока что наше сознание соборно по своему истинному существу, но еще несовершенно, не достигло своей идеальной цели[226]. Неактуальность соборного сознания, его возможность, а не действительность обусловливает

---

223 Там же. С. 564.

224 Там же. С. 577 примеч.

225 Там же. С. 586.

226 Там же. С. 589–590.

Библиотека "Руниверс"

несовершенство философии, ее неспособность решить, примирить противоречия. «Но так как самая соборность нашего сознания есть еще нечто осуществляющееся, нечто возможное, хотя и долженствующее быть,— пишет С. Н. Трубецкой,— то и самое наше знание реальности и причинности внешне, формально и не вполне действительно. Отсюда объясняются все наши частные погрешности в определении причинной связи явлений <...> Отсюда же вытекают многочисленные противоречия и антиномии, заключающиеся в наших понятиях. Все эти антиномии нашего разума обусловливаются потенциальным характером нашего сознания, противоречием или несоответствием между его формой, его идеальной возможностью и его эмпирическим содержанием»[227].

Таким образом, окончательное решение основного, с точки зрения С. Н. Трубецкого, философского вопроса о природе человеческого сознания, который разделил философию на два основных направления — одно из которых опирается на убеждение в реальном существовании лишь единичного, частного, индивидуального, а другое признает только сверхиндивидуальное, общее, универсальное в качестве источника всего единичного — станет возможным лишь тогда, когда наше сознание станет действительно всеобщим, соборным не только по форме, по своей идеальной возможности, но и в действительности, по существу. А это может произойти лишь в совершенном богочеловеческом обществе, т. е. при осуществлении высшего религиозного идеала, к которому ведет истинная религиозная вера.

Итак, опираясь на данные естественно-научных исследований о процессе возникновения и развития человеческого сознания, С. Н. Трубецкой говорит о коллективном характере человеческого сознания, о его родовой природе и без оговорок говорит о его соборности как о состоявшемся факте. Но когда в его рассуждениях возникают соображения о противоречивости процесса познания, он приходит к мысли, что соборность человеческого сознания еще не действительность, а только возмож-

[227] Там же. С. 583.

Библиотека "Руниверс"

ность, которая находится в процессе осуществления и обретет действительность лишь в богочеловеческом организме. Хотя его учение о конкретном идеализме есть попытка преодоления тех противоречий сознания, которые получили четкое оформление в учениях номинализма и реализма и получили развитие в концепциях эмпиризма и германского идеализма. Но вопрос о конкретном идеализме — предмет особого разговора.

Со смертью Сергея Николаевича Трубецкого Московский университет лишился не только своего ректора. Кафедра философии лишилась своего руководителя, сделавшего немало для укрепления позиций философии в университете. К 1905 г. кафедра философии вела занятия на трех курсах историко-филологического факультета. Вот, например, как выглядело распределение философских дисциплин по курсам в 1904/1905 академическом году.

На первом курсе С. Н. Трубецкой читал курс истории древней философии, для классического отделения на третьем курсе читал лекции по философии Платона и Аристотеля, для желающих читал историю христианской мысли.

Л. М. Лопатин читал историю новой философии для студентов второго и третьего курсов и для желающих вел семинары по философии Канта и по психологии.

А. С. Белкин вел на первом курсе занятия по логике и для желающих практические упражнения по экспериментальной психологии.

Н. Д. Виноградов для желающих давал историко-практическое обозрение учений главнейших представителей позитивизма: О. Конта, Д. С. Милля, Г. Спенсера, Э. Лааса.

В качестве пособий рекомендовались: по истории философии работы Ибервега-Гейнце, Фалькенберга и Виндельбанда, по логике — М. М. Троицкого, Д. С. Милля и Минто. (Все лекционные курсы были рассчитаны на два семестра, а семинарии по решению преподавателя велись один или два семестра.) При этом надо учитывать, что университет готовил специалистов филологов и историков, а не философов, но философская подготовка этих специалистов была на довольно высоком уровне,

Библиотека "Руниверс"

так как философские дисциплины читались на факультете три года по 4–6 часов в неделю.

Кончина в 1899 г. сразу двух профессоров – Н. Я. Грота и М. М. Троицкого оставила на кафедре всего трех человек: профессоров Лопатина, Трубецкого и приват-доцента Белкина. В 1899 г. был оформлен на кафедру Владимир Николаевич Ивановский, но через год он был командирован за границу, а по возвращении сразу переведен в Казанский университет. С 1902 г. на кафедре стал работать Николай Дмитриевич Виноградов, в 1905 г. на кафедру были зачислены Давид Викторович Викторов и Павел Васильевич Тихомиров. Таким образом, с 1905 г. кафедра начала численно расти и, видимо, уже в это время продумывался вопрос о введении в университете специализации по философии.

Из всех профессоров философии, работавших в Московском университете в последней трети XIX в., после 1905 г. продолжал работать только Л. М. Лопатин, который в эти годы уже не оказывал существенного влияния на развитие русской философской мысли, несмотря на то что он продолжал руководить Психологическим обществом, редактировать журнал «Вопросы философии и психологии» и выступать в печати со статьями. На первый план выходят новые религиозно-философские общества, увеличивает свое влияние на философскую мысль профессура других университетов, особенно Санкт-Петербургского, расширяется сеть журналов, в которых философская проблематика начинает занимать центральное место. А истоки такого расширения влияния философской проблематики на общественную жизнь лежат в университетском преподавании философии.

Даже очень краткое рассмотрение деятельности и философских взглядов профессоров философии Московского университета последней трети XIX в. позволяет, я надеюсь, сделать вывод, что в конце XIX в. Московский университет внес самый существенный вклад в развитие университетской философии в России, которая в значительной степени подготовила условия для расцвета русской философской мысли в начале XX в. Совершенно справедливо профессор философии Казанского,

Библиотека "Руниверс"

а затем Дальневосточного университета М. Н. Ершов писал в 1922 г., что «реальные результаты университетского преподавания философии обнаружились очень скоро и в одном определенном направлении — в поднятии и культивировании *чисто философского интереса*, в постепенном созидании почвы для *чисто философской работы* и *чисто философского творчества*, имеющего в себе самом собственную цель и собственное оправдание». «Университетское преподавание философии,— отмечал он,— последовательно создало такую именно атмосферу, в которой явилась возможность работать и мыслить *философски* в строгом смысле этого слова. Таким путем в университетах явилась возможность для одних *учить*, а для других — *учиться* философствовать, явилась возможность учить и учиться методам философского мышления» [228].

Говоря о философской подготовке студентов Московского университета, нельзя забывать о существовании в университете кафедры энциклопедии права, которая с 1863 г. вела курс истории философии права, а юридический факультет до 1919 г. выпускал юристов с весьма высокой философской подготовкой. Достаточно вспомнить, что профессорами юридического факультета были такие философски подготовленные правоведы, как Борис Николаевич Чичерин, Максим Максимович Ковалевский, Павел Иванович Новгородцев, а после 1905 г.— и другие выдающиеся правоведы-философы.

Кроме юристов, и профессора-естественники весьма активно участвовали в обсуждении философских проблем и на страницах журнала «Вопросы философии и психологии», и в ходе преподавательской деятельности. Чтобы понять, что философские проблемы присутствовали в учебном процессе и на физико-математическом факультете, достаточно назвать имена таких ученых, как К. А. Тимирязев, И. М. Сеченов, Д. Н. Анучин, А. Г. Столетов, Н. А. Умов, П. Н. Лебедев, В. И. Вернадский, Н. В. Бугаев, В. Я. Цингер и др., которые в своих теоретических работах касались и философских проблем.

228 *Ершов М. Н.* Пути развития философии в России. Владивосток, 1922. С. 19, 22.

Библиотека "Руниверс"

Активная деятельность профессоров философии при поддержке всей коллегии профессоров Московского университета в последние десятилетия XIX в. помогла окончательно преодолеть негативное отношение властных структур русского государства к философии и на пороге XX столетия в Московском университете сложилась обстановка, позволившая уже в практической плоскости поставить вопрос о необходимости и возможности введения в университете специальности «философия» для подготовки философов по профессии.

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Подготовка в Московском университете специалистов по философии в 1906–1917 гг.

Новый учебный план историко-филологического факультета.— Профессор философии Г. И. Челпанов.— Становление профессиональной подготовки философов.— Эпизод 1911 года.— Расширение кафедры философии.— Реорганизация историко-филологического факультета, создание отделения философии.— Создание Психологического института имени Л. Г. Щукиной при Московском университете.— Профессор Л. М. Лопатин.— Университетская кафедра энциклопедии права и истории философии права.— С. Н. Булгаков в университете.

До 1906 г. философия в Московском университете существовала в качестве общеобразовательной дисциплины, и только с 1906 г. университет стал готовить специалистов-философов. С 1906 г. стал действовать новый учебный план историко-филологического факультета (официально утвержден министром народного просвещения 18 января 1907 г.).

По новому учебному плану на историко-филологическом факультете создавалось десять специализированных групп:

A. Русского языка и словесности;
B. Славянской филологии;
C. Классической филологии;
D. Западноевропейских литератур;
E. Сравнительного языковедения;
G. Русской истории;
H. Истории славян;
I. Истории церкви;
K. Истории искусства и археологии;
L. Философских наук.

Группа философских наук состояла из трех секций: а) истории философии, б) психологии, в) систематической философии.

Библиотека "Руниверс"

Учебные курсы были разделены на:

Пропедевтические, восполняющие общее среднее образование или подготавливающие к специальному изучению.

Основные.

Просеминарии, как начальные практические занятия в избранной области, не требующие предварительного специального изучения.

Семинарии, как практические занятия для лиц, получивших соответствующую специальную подготовку. Чтобы стать участником семинарии, студент должен был выдержать своего рода экзамен, изучив рекомендуемую литературу.

Вспомогательные курсы как развитие основных.

Пропедевтические курсы для учащихся всех трех секций состояли из: 1. Психологии. 2. Логики. 3. Обзора философских проблем. 4. Изучения Платона и Аристотеля. 5. Изучения Цицерона и Лукреция.

Основными курсами были: 1. История древней философии. 2. История средневековой философии. 3. История новой философии. 4. История новейшей философии.

Кроме этих основных курсов, общих для учащихся всех трех секций, предусматривались основные курсы по секциям.

а) В секции истории философии это были: 5. История восточной философии. 6. История педагогических учений. 7. История религиозных идей. 8. История патристической мысли.

б) В секции психологии: 5. Психология. 6. Основы общей педагогики. 7. Педагогическая психология. 8. История педагогических учений. 9. Очерк физической и духовной стороны явлений языка.

в) В секции систематической философии: 5. Логика. 6. Гносеология. 7. Этика — основные проблемы и история. 8. Эстетика — теория и история. 9. История философских взглядов на природу. 10. История религиозных идей.

Семинарии предусматривались только по секциям.

а) В секции истории философии: 1. По Платону и Аристотелю. 2. По философии до Канта. 3. По Канту. 4. По философии после Канта. 5. По всеобщей истории — методология изучения исторических явлений.

Библиотека "Руниверс"

б) В секции психологии: 1–2. По психологии два курса. 3–4. По экспериментальной психологии два курса. 5. По педагогике.

в) В секции систематической философии: 1. По логике. 2. По гносеологии. 3–5. По трем из основных курсов.

Вспомогательными курсами для учащихся всех трех секций были: 1. История XVII–XIX вв. 2. История литератур XVII–XIX вв. 3–9. Исторический очерк основных учений наук физико-химических и биологических.

Кроме этих общих вспомогательных курсов, были вспомогательные курсы по секциям.

а) В секции истории философии: 5. История Греции. 6. История культуры греко-римской эпохи. 7. История средневековой культуры. 8. История политических учений.

б) В секции психологии: 5. Анатомия человека. 6. Физиология человека. 7. Гистология. 8. Анатомия и физиология органов чувств. 9. Физиология и гигиена детского возраста. 10. Психопатология. 11. Этнография.

в) В секции систематической философии: 5. Физика. 6. Химия. 7. Общая физиология. 8. Сокращенный курс математики. 9. История математики. 10. Сокращенный курс механики и история ее принципов. 11. Общая теория права. 12. Этнология.

В программу обучения входило также овладение четырьмя языками: греческим, латинским, немецким и по выбору английским или французским.

Выпускные экзамены по группе философских наук предусматривались по: древней философии; средневековой философии; новой и новейшей философии; западноевропейской литературе нового времени; новой русской литературе; истории XVII–XIX вв. и по истории Греции.

Как видно из учебного плана, предусматривалась основательная подготовка выпускников по специальности «философия». При этом философская подготовка историков и филологов нисколько не уменьшалась.

Естественно, что исторические, филологические и иные курсы читались преподавателями других кафедр историко-

Библиотека "Руниверс"

филологического, физико-математического и медицинского факультетов. Студентам философской группы рекомендовалось также посещать курсы наук физико-математического и медицинского факультетов, особенно это касалось тех, кто решил специализироваться по секциям психологии и систематической философии.

Первый учебный год по новому учебному плану (1906/1907-й) группа философских наук начала еще без разделения на секции, но уже с осеннего семестра 1907 г. обучение стало вестись по секциям.

Для осуществления нового учебного плана на кафедру философии Московского университета был приглашен Георгий Иванович Челпанов, получивший во время работы в Киевском университете св. Владимира известность как прекрасный педагог, организатор психологических исследований и горячий приверженец специального философского образования.

Георгий Иванович Челпанов родился и провел детство в г. Мариуполь, учился там в приходском училище, а затем в Александровской гимназии, по окончании которой в 1883 г. поехал поступать в Новороссийский университет, куда в это время перевелся из Нежинского историко-филологического института Николай Яковлевич Грот, о котором Челпанов был наслышан еще в Мариуполе. Под руководством Н. Я. Грота у Челпанова окрепло желание заниматься философией и психологией, а в более узком плане — исследованием восприятия пространства, чему были посвящены все основные его экспериментальные исследования. После окончания историко-филологического факультета Новороссийского университета в 1887 г. Г. И. Челпанов приехал в Москву, где годом раньше Н. Я. Грот получил кафедру философии в Московском университете. Как выпускник университета Челпанов был прикомандирован к кафедре философии Московского университета «для приготовления к профессорскому званию», как тогда именовалось нечто подобное современной аспирантуре. В 1890 г. он сдал магистерские экзамены, получил должность приват-доцента и стал читать лекции по психологии и вести занятия по общей педагогике.

Библиотека "Руниверс"

Проработав два года в Москве, Г. И. Челпанов (он до 1894 г. подписывался Е. И., т.е. Егор Иванович) переводится в Киев в университет святого Владимира, где 6 октября 1892 г. открывает свой курс лекций по психологии вступительной лекцией «К вопросу об априорности и врожденности в современной философии». В Киеве Челпанов очень быстро завоевывает популярность как прекрасный педагог и лектор. В 1896 г. в Московском университете он защищает магистерскую диссертацию «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. 1. Пространство с точки зрения психологии» (в качестве докторской диссертации он в 1904 г. защитил вторую часть этой работы «Пространство с точки зрения гносеологии»). Получив после защиты должность экстраординарного профессора, Г. И. Челпанов следующий учебный год (1897/1898) проводит в заграничной командировке, а, возвратившись, с осени 1898 г. организует в Киеве психологический семинарий, в котором получили развитие идеи эмпирической психологии, заимствованные главным образом у немецких философов и психологов Вильгельма Вундта и Карла Штумпфа. Этот семинарий превратился в важный инструмент подготовки высококвалифицированных специалистов в области философии и психологии, в этом семинаре делали свои первые шаги в науке Г. Г. Шпет, П. П. Блонский, В. В. Зеньковский и др.

Еще работая в Киеве, Г. И. Челпанов получил известность как горячий сторонник введения в России профессионального философского образования. Выступая в 1904 г. с докладом в киевском «Обществе классической философии и педагогики», он говорил, что «изучение философии в университете должно преследовать не общеобразовательные, а научные цели. Но в таком случае это изучение <...> *должно составить предмет занятия на особом философском отделении*. Как существуют у нас историческое, словесное, классическое отделение, так должно у нас существовать и особое *философское отделение*»[1]. И вот в 1906 г.

[1] *Челпанов Г. И.* О постановке преподавания философской пропедевтики в средней школе // Челпанов Г. И. Психология. Философия. Образование. М., 1999. С. 295.

Библиотека "Руниверс"

его желание осуществилось. В Московском университете была создана специальная группа для подготовки философов, и он был приглашен возглавить это начинание.

С осени 1907 г. Г. И. Челпанов начал читать в Московском университете курсы: «Введение в философию» и «Психология», вести семинарии по психологии (теоретической и экспериментальной) и по новой философии. Со следующего учебного года он стал читать и курс логики. Изданные им учебники по этим дисциплинам были столь популярны, что выдержали многочисленные переиздания[2]. И как лектор Г. И. Челпанов тоже пользовался большой популярностью. П. П. Блонский в своих воспоминаниях пишет, что «читал Г. И. Челпанов очень популярно, и слушать его можно было без всякого напряжения <...>. Аудитория, в которой читал Г. И. Челпанов, всегда была переполнена студентами. Читал он абсолютно понятно, и содержание лекции запоминалось как бы само»[3].

Став профессором философии Московского университета, Г. И. Челпанов счел необходимым подчеркнуть, что он будет продолжать то направление в философии, которое разделял его предшественник – кн. С. Н. Трубецкой, т.е. защищать метафизику от тех, кто стремится ее ликвидировать как чуждое науке мировоззрение. Так, в своей вступительной лекции, прочитанной 19 сентября 1907 г., он говорил: «На мой взгляд, его (т.е. С. Н. Трубецкого.– *А. П.*) важнейшая заслуга перед философией заключается в том, что он выступил в защиту законности философских и метафизических построений в такой момент, когда отрицательное отношение к философии грозило привести эту последнюю к полному падению. Он сам дал совершенно законченный очерк метафизической системы “конкретного идеализма”, в которой философия приходит в такое близкое соприкосновение с религией. <...>

Заступаю его место с приятным сознанием, что, будучи сторонником того же философского направления, я являюсь

[2] «Психология» в 1919 г. вышла в свет 15-м изданием, «Логика» в том же году – 10-м, «Введение в философию» в 1918-м – 7-м.

[3] *Блонский П. П.* Мои воспоминания. М., 1971. С. 61.

Библиотека "Руниверс"

продолжателем его работы. <...> В очень существенном пункте я являюсь единомышленником моего предшественника, и именно в том, что я также являюсь защитником законности философских построений и важности этих последних для развития самой науки»[4].

Челпанов, конечно, не был продолжателем тех философских идей, которые разрабатывал С. Н. Трубецкой, но он был действительно единомышленником С. Н. Трубецкого в отстаивании важности философии для развития науки, в отстаивании необходимости философских обоснований в психологических исследованиях.

В своих публичных лекциях, которые он читал в 1890-е гг. и которые легли в основу его книги «Мозг и душа», он подчеркивал зависимость решения психологических проблем от философских позиций исследователя. Психические явления, говорил он, можно исследовать чисто эмпирическими методами, но решение вопроса о душе, о духовной субстанции относится к области метафизики и решать его возможно только с определенных философских позиций. «Психология не должна отрешаться от философии,— говорил Челпанов, — напротив, она должна стать в более тесную связь с ней. Другими словами, психология должна оставаться философской наукой, ибо ее связь с философией естественна и необходима»[5].

В. В. Зеньковский совершенно справедливо писал после смерти Г. И. Челпанова в 1936 г. в журнале «Путь», что «Г. И. Челпанов был, конечно, прежде всего философ, а потом уже психолог», что он «всегда был чужд позитивизму и даже так называемому полупозитивизму», что его гносеологические взгляды можно охарактеризовать как «телеологический критицизм в духе Виндельбандта и Зигварта»[6].

---

[4] *Челпанов Г. И.* Об отношении психологии к философии // Челпанов Г. И. Психология. Философия. Образование. М., 1999. С. 321.

[5] Там же. С. 332.

[6] *Зеньковский В. В.* Памяти проф. Г. И. Челпанова // Челпанов Г. И. Мозг и душа. М., 1994. С. 8, 7.

Библиотека "Руниверс"

Для Челпанова характерно стремление подчеркивать одинаковую реальность как материального мира, так и психических переживаний. Более того, реальность психических переживаний, с его точки зрения, более очевидна, чем реальность материального мира, который мы воспринимаем только через психическое переживание. Поэтому материальное можно рассматривать как абстракцию, выводимую из психических переживаний. Он решительно возражал против точки зрения материализма, согласно которой материя в процессе своего развития обретает качество духовности, т. е. порождает сознание. По его мнению, «если отдельный атом не обладает способностью мыслить, то эта способность не приобретается в том случае, если атомы составляют сложное соединение» [7]. Рассмотрев толкование духовных процессов сторонниками материализма и психофизического монизма, Челпанов приходит к выводу, что ни то, ни другое толкование не избавляет от противоречий. И он склоняется к тому, что «в основе действительности лежит нечто духовное, монады, которые своим соединением дают все то, что существует: и материальное и духовное. Монада представляет собою нечто духовное: мы можем ей приписать представления или волю. Существуют различные виды или степени монад, одни более совершенные, другие менее совершенные. Соответственно с этим психический мир одних монад отличается от психического мира других. С точки зрения метафизической и материя представляет собою нечто, составленное из нематериальных элементов, которые мы и можем признать в известном смысле духовными» [8].

Г. И. Челпанова часто причисляют к кантианцам из-за того, что он говорил об априорности форм познания. Действительно, Челпанов сам говорил о близости своего понимания процесса познания к взглядам Канта. Однако пространство, время, причинность, понятие числа он рассматривает как априорные не совсем так, как это представлено у Канта. По Челпанову, эти формы познания ***формируются сознанием*** в процессе познания,

---

[7] *Челпанов Г. И.* Введение в философию. Изд. 7 е. М., 1918. С. 149.

[8] Там же. С. 199–200.

Библиотека "Руниверс"

но при этом не являются результатом внешних воздействий, поскольку в наших ощущениях нет представлений о безграничности и однородности пространства, между вещами и явлениями мы не ощущаем времени, нет в чувственных данных и понятия числа, не может вытекать из обобщения эмпирического опыта и представление об истинности законов логики. Все эти представления и понятия формируются из наблюдения самого механизма мышления, *из рефлексии на ощущения*, а не из самих ощущений. А рефлексия, пишет Челпанов, это наблюдение за деятельностью нашего ума. «В этом процессе ум отклоняется от того, что он обыкновенно воспринимает, т.е. от предметов внешнего мира, и направляется на самого себя. В процессе рефлексии мы имеем особый источник идей, которые мы называем *априорными*» [9].

Время, пишет Челпанов, является порождением нашего сознания, оно рождается из восприятия изменений, происходящих вне нас. «Опыт нам дает только известное число ощущений или представлений, а связь, и притом особенную связь, дает им сознание» [10]. В природе, объективно, время не существует и его невозможно указать между вещами и явлениями. Понятие времени рождается не из событий, наблюдаемых нами, а из нашей способности соединять их в определенной последовательности. Т.е. «понятие времени,— по Челпанову, — является результатом рефлексии» [11].

То же и с понятием пространства. Оно «не находится готовым в сознании, оно есть продукт психологической работы» [12]. Понятие пространства не может быть выведено из внешнего опыта, ибо мы в своем восприятии не видим пространства единого, непрерывного и т.д. Понятие пространства есть тоже результат рефлексии по поводу восприятия внешних впечатлений.

---

[9] *Челпанов Г.И.* Об априорных элементах познания // Челпанов Г.И. Психология. Философия. Образование. М., 1999. С. 209.

[10] Там же. С. 221.

[11] Там же.

[12] Там же. С. 232.

Библиотека "Руниверс"

Таким образом, эти априорные формы познания формируются в процессе нашего восприятия внешнего мира, они формируются в нашем сознании, а не воспринимаются как готовые чувственные данные из внешнего мира.

Сам Г. И. Челпанов в качестве образца построения метафизической системы называл систему В. Вундта. Он писал, что «система философии Вундта является самым последним словом в области современной философии» [13].

А В. Вундт, как известно, придерживался лейбнице-кантианской традиции, рассматривая бытие как систему духовных существ, наделенных волей, а материальный мир как внешнее условие духовной активности. По сути дела, и Челпанов близок к такой позиции и даже ближе именно к лейбницианству. Кстати, и В. В. Зеньковский, называя философские взгляды Г. И. Челпанова «трансцендентальным реализмом» или «гносеологическим реализмом», пишет: «Из личных, например, бесед с Челпановым я знаю, что он в метафизике примыкал к неолейбницианству, но нигде в печатных его работах нет, увы, и следа этого» [14]. Хотя его высказывания о духовной сущности монад, лежащих в основе существующего мира, с очевидностью свидетельствуют о близости его философских позиций к философии Лейбница.

Если признать в основе действительности нечто духовное, утверждал Челпанов, то устраняется противоречие между материальным и духовным, т. к. метафизически и то и другое становится однородным. «Таким образом,— пишет он,— наиболее вероятным ответом на вопрос об основе действительности является допущение, что все существующее складывается из *духовного*, из монад. Каждая из этих монад представляет независимую субстанцию, не уничтожимую, вечную и т. п.» [15].

Как видим, кантовская вещь в себе в рассуждениях Челпанова отсутствует, а вот убеждение в духовной сущности монад,

[13] *Челпанов Г. И.* Введение в философию. М., 1918. С. 309.

[14] *Зеньковский В. В.* История русской философии. Т. II. Ч. 1. Л., 1991. С. 244.

[15] *Челпанов Г. И.* Введение в философию. М., 1918. С. 200.

Библиотека "Руниверс"

лежащих в основе мироздания, налицо. Таким образом, близость его к лейбницианству гораздо очевиднее, чем к кантианству. Это еще одно свидетельство того, что Челпанов не был последовательным сторонником Канта. Неправомерно говорить и о близости его к позитивизму, что встречается в статье А. Петровского в «Философской энциклопедии» (см. т. 5, 1970, с. 478).

Организация выполнения хорошо продуманного учебного плана в части, касавшейся группы философских наук, наталкивалась на немалые трудности из-за отсутствия подготовленных специалистов. Поэтому не все дисциплины, предусмотренные планом, стали читаться сразу, они вводились в учебный процесс по мере привлечения на кафедру соответствующих специалистов.

Кафедра философии стала интенсивно развиваться, ибо для выполнения всей программы, заложенной в новом учебном плане, требовались новые специалисты. Если в момент прихода Г. И. Челпанова на кафедру на ней работали профессор Л. М. Лопатин и приват-доценты А. С. Белкин, Н. Д. Виноградов, Д. В. Викторов и П. В. Тихомиров, то уже в следующем году на кафедру был зачислен Н. Г. Городенский (на место ушедшего Тихомирова), в 1908 г.— П. П. Соколов, в 1909 г.— А. М. Щербина, Н. В. Самсонов, А. В. Кубицкий (в этом году умер А. С. Белкин), в 1910 г.— Г. Г. Шпет и В. Ф. Эрн (который закончил университет по кафедре всеобщей истории, но затем перешел на кафедру философии).

Не все принимаемые на кафедру приват-доценты сразу осваивали намеченные в учебном плане курсы. Некоторые вносили свои предложения по содержанию читаемых курсов. Например, приват-доцент Д. В. Викторов читал курс по философии чистого опыта, т. е. по эмпириокритицизму, приват-доцент Н. Г. Городенский читал курс английской философии XVIII в., обращая особое внимание на философию Беркли и Юма, И. В. Попов [16] читал курс патристической

[16] *Попов И. В.*— преподаватель Московской духовной академии. С 1908 г. вне штата читал лекции на историко-филологическом факультете, а с 1914 г. стал приват-доцентом Московского университета.

Библиотека "Руниверс"

философии, а Г. Г. Шпет стал вести семинарий по современной теоретической философии, штудируя со студентами произведения Гуссерля, Мейнонга и Бергсона. Таким образом, читаемые курсы не во всем совпадали с теми, что были запланированы в учебном плане, однако все они углубляли философскую подготовку выпускников историко-филологического факультета, ибо многие из курсов, предназначенных для группы философских наук, читались и студентам других групп, готовивших будущих историков и филологов.

Такая свобода в выборе читаемых курсов не всем студентам была по душе. Поэтому в мемуарной литературе встречаются довольно противоречивые оценки содержания преподавания в группе философских наук.

Вот, например, как описывает учебный процесс на историко-филологическом факультете в период после 1908 г. А. И. Солженицын в IV томе «Марта Семнадцатого» как бы от имени о. Северьяна: «Челпанов читал введение в философию — и так читал, что это оторвало искателя от истории — и кинуло в мир философии. Год за годом потекли курсы — у Виппера — философия истории, у Попова — история средневековой философии, у Лопатина — история новой философии, а затем — новый поворот — у Ивана Васильевича Попова история патристической философии, и сильное в университете даже посмертное влияние Сергея Николаевича Трубецкого, его духовного огня, и кипение семинаров: есть ли Бог? есть ли нравственный закон? есть ли непреходящий смысл жизни и мира? — затем можно было взять историю религий, раннее христианство — и так пролег путь не кончить на университете, но идти в Духовную академию к тому же Попову» [17].

А вот у Валентина Федоровича Булгакова, сибирского журналиста и поклонника Льва Толстого, поступившего в группу философских наук в 1906 г., сложилось об учебном процессе совершенно противоположное впечатление. В 1910 г. он так говорил об организации учебы на историко-филологическом факультете. «Объявленные курсы лекций по отдельным пред-

---

[17] Вестник РХД. 1988. № 153. С. 111.

Библиотека "Руниверс"

метам распределены были в высшей степени беспорядочно: новую философию мы должны были слушать прежде древней, целый ряд либо узкоспециальных (как гносеология), либо необязательных курсов предшествовали чтению основных курсов по нашей специальности. Кроме того, профессора решительно игнорировали вопрос о том, насколько подготовлены их слушатели к восприятию того или другого специального курса, излагавшегося обычно без всяких необходимых вводных пояснений, тяжелым, так называемым "научным" языком, с самой убийственной терминологией. Между собою отдельные курсы разных профессоров были абсолютно несогласованы, т. е. не только не дополняли последовательно друг друга, но иногда даже как бы принципиально враждовали между собой. Так, один профессор выступал в качестве спиритуалиста, другой — эмпириокритициста. Конечно, из столкновения мнений родится истина, согласно французской поговорке. Но все же мы-то, студенты первого курса, не бывшие в состоянии разобраться во всей сумме преподносимых нам знаний, вправе были предъявить к науке требования большего единства. Вместо этого мы наталкивались еще и на другое, почти анекдотичное явление, состоявшее в том, что каждый профессор уверял во вступительной лекции, что та научная дисциплина, которую он будет излагать, наиболее важная из всех» [18].

В такой оценке учебного процесса чувствуется брюзжание человека, ожидавшего от университета чего-то похожего на толстовскую систему обучения. Но, по-видимому, в наблюдении В. Ф. Булгакова зерно истины имеется. Несогласованность отдельных курсов видна и из «Обозрений преподавания наук в Имп. Московском университете (историко-филологический факультет)», которые вывешивались перед началом учебного года, чтобы студенты могли набрать себе необходимое количество лекционных курсов и семинарских занятий для успешного учебного года.

---

[18] Булгаков Валентин. Университет и университетская наука. (Почему я вышел из университета?) 2-е изд. М., 1919. С. 9.

Библиотека "Руниверс"

События 1911 г.[19] несколько изменили состав кафедры, подали в отставку Н. Д. Виноградов, П. П. Соколов, А. В. Кубицкий. Но кафедра продолжала расти, пополняясь новыми приват-доцентами (как ни странно, но никто из них не стал профессором вплоть до 1918 г.). В 1912 г. на кафедру зачислен М. М. Рубинштейн, в 1913 г.— П. П. Блонский и А. П. Болтунов, в 1914 г.— И. В. Попов и В. Н. Ивановский[20], в 1915 г.— А. П. Казанский[21], А. И. Огнев, М. П. Поливанов, А. А. Каэлас, В. М. Экземплярский, в 1916 г.— Ф. Ф. Бережков и В. С. Шилкарский. В 1917 г. развернулись революционные события, и ни о каком расширении кафедры речи уже не могло быть, хотя к этому времени она представляла собой значительный учебно-научный центр. Ведь надо учитывать, что кроме университетов, никаких других организаций, где развивались бы философские исследования, в России не было,

---

[19] 11 января 1911 г. распоряжением Совета министров были запрещены всякие студенческие собрания в стенах высшей школы. Однако студенты университета продолжали забастовки. В университет была введена полиция, чем университетское руководство было поставлено в унизительное положение. Ректор А. А. Мануйлов, помощник ректора М. А. Мензбир и проректор П. А. Минаков подали в отставку, но продолжали выполнять свои обязанности. Не дожидаясь документов из Москвы, министр народного просвещения Л. А. Кассо (кстати, сам бывший профессор университета) удалил своим приказом из университета всех троих, хотя по закону он не имел права своей властью удалять из числа профессоров заслуженного ординарного профессора Мензбира. Человеческое достоинство профессоров было унижено, и 22 профессора подали в отставку, за ними последовали приват-доценты и другие сотрудники, почти треть наличного состава. Среди подавших в отставку профессоров были: Е. Н. Трубецкой, А. С. Алексеев, Д. М. Петрушевский, В. И. Вернадский, П. Н. Лебедев, Н. А. Умов, К. А. Тимирязев, Н. Д. Зелинский, а среди освобожденных от звания приват-доцентов — С. Н. Булгаков, П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский, А. А. Кизеветтер, В. И. Пичета, П. Н. Сакулин, А. Н. Колмогоров, А. К. Тимирязев, всего 55 приват-доцентов. Уволились и многие сотрудники медицинского факультета.

[20] В. Н. Ивановский уже работал на кафедре в 1899–1900 гг., затем был командирован за границу, а с 1904 по 1914 г. работал в Казанском университете.

[21] А. П. Казанский в 1885–1886 гг. работал на кафедре, а затем был переведен в Новороссийский университет.

Библиотека "Руниверс"

так как Императорская Академия наук в Санкт-Петербурге в своих отделениях философии не имела.

Среди преподавателей кафедры не было единства взглядов; различались философские взгляды и профессоров кафедры Челпанова и Лопатина. Толерантность была характерна для Челпанова, который и в своих лекциях не навязывал какой-то одной точки зрения, а, излагая какую-либо философскую проблему, приводил различные подходы к ее решению. Он полагал, что студенты должны знать все возможные точки зрения, чтобы сделать самостоятельный вывод. В этом отношении характерен его курс «Введение в философию», где излагаются основные философские проблемы и различные пути их решения. Однозначно ошибочными он считал только трактовки философских проблем материализмом и позитивизмом. А важнейшим средством избежать ошибочных подходов к решению философских вопросов он считал основательность, фундаментальность философских знаний, и путь к этой основательности лежит через освоение философского наследия и современной философии. Во введении к своему курсу он говорил: «В 90-х годах среди университетской молодежи господствовало убеждение в безусловной истинности материализма, но затем материализм с такой быстротой уступил место вере в идеализм, что является основательное опасение, как бы в ближайшем не наступило увлечение каким-либо видом позитивизма. Единственно верным средством для устранения такой быстроты в смене философских симпатий является философское образование, которое дало бы возможность более сознательно относиться к философским вопросам» [22].

Очевидно, что терпимость Челпанова к различным философским позициям членов своей кафедры [23] не означала его

---

[22] *Челпанов Г. И.* Введение в философию. Киев, 1907, с. III–IV. (С 1905 по 1912 г. эта работа выдержала 5 изданий.)

[23] А среди членов кафедры были и те, кто симпатизировал позитивизму (например, Д. В. Викторов), и близкие к религиозной философии (например, И. В. Попов), и «воинственные» славянофилы (например, В. Ф. Эрн), и симпатизировавшие западническим настроениям (например, Г. Г. Шпет).

Библиотека "Руниверс"

безразличия к трактовке философских проблем. Он имел твердые убеждения и не стеснялся их отстаивать, но с уважением относился к иным точкам зрения, если их обладатель хорошо владел философским материалом и умел корректно отстаивать свои позиции.

Как бы успешно кафедра философии ни развивалась, но к 1913 г. стало очевидно, что чрезмерная специализация затрудняла трудоустройство выпускников факультета. Особенно это касалось выпускников философской группы, учреждений философского профиля в России не было, в гимназиях изучалась только логика, а преподавать филологические и исторические дисциплины философы были не готовы. Поэтому в 1913 г. учебный план историко-филологического факультета был фундаментально подкорректирован: вместо десяти узкоспециализированных групп было создано пять отделений: классическое, славяно-русское, романо-германское, историческое и философское с двумя секциями — словесной и исторической. Теперь выпускники философского отделения были способны вести преподавание филологических и исторических наук, ибо получали солидные знания не только по философским дисциплинам, но и по словесным и историческим. Например, в 1914/1915 учебном году студентам философского отделения читались лекции: Введение в философию. Психология. Педагогическая психология. Введение в языкознание. Диалог Платона «Кратил». Толкование избранных мест работы Лукреция «De rerum natura». Европейская философия в XIX столетии. История этики в новой философии начиная с Канта. Древняя русская история. История России в XVIII в. История древнерусской литературы, кончая Пушкиным. Семинарские занятия тоже для студентов всего философского отделения проводились по основным проблемам современной теоретической философии; общей психологии; экспериментальной психологии; логике (элементы логики Аристотеля); этике, истории древней философии; философии Лейбница; философии Фихте; истории новейшей философии (изучение работы Германа Лотца «Metaphysik (System der Philosophie II)»; истории Великого Новгорода.

Библиотека "Руниверс"

Для студентов словесной секции предлагались лекции: История римской литературы. История западноевропейской литературы XIX в. (эпоха романтизма). Старославянский язык. История русской народной словесности (история эпических сюжетов). Обзор славянских литератур. Семинарские занятия велись по русской литературе; народной словесности, древнерусской литературе.

Для студентов исторической секции читались лекции: История греческой литературы. История античного искусства. История Рима в эпоху империи. История Возрождения в Италии. История Западной Европы в XIV–XV вв. Французская монархия в XVI–XVII вв. История французской революции. А семинарские занятия велись по римской истории II века до Р. Х.; истории Германии в Средние века; истории Карла Великого; истории французской революции; Судебнику царя Федора Иоанновича; истории Русского Севера в XVII в.; историографии, философии и методологии истории.

Кроме этих занятий для желающих Г. И. Челпанов читал курс «О задачах университетского образования».

В 1915/1916 учебном году тематика лекций и семинарских занятий изменилась, но в целом блоки дисциплин (словесных наук и исторических) были столь же разнообразны и столь же (как отмечал В. Ф. Булгаков) мало согласованы друг с другом. Что касается чисто философских тем, то в этом учебном году был объявлен курс по истории древней философии до Аристотеля, по философии Аристотеля, истории эстетических учений, педагогике.

А семинарские занятия велись по философии Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, этике Вл. Соловьёва и др.[24]

Таким образом, студенты философского отделения получали солидную подготовку как по философским дисциплинам, особенно по истории античной философии и немецкому идеализму (большинство произведений философов изучалось по первоисточникам на древнегреческом и немецком языках),

[24] См.: Обозрение преподавания наук в Имп. Московском университете (историко-филологический факультет) в 1914/1915 и 1915/1916 уч. г.

Библиотека "Руниверс"

а также в соответствующих секциях по истории и словесным наукам.

Вместе с тем из подготовки специалистов по философским наукам исчезли курсы, знакомящие студентов с достижениями и историей естественных наук. Правда, студентам философского отделения рекомендовалось посещать лекции на физико-математическом и медицинском факультетах, но посещения этих курсов не были обязательными.

В связи с ориентацией выпускников философского отделения на педагогическую работу в гимназиях и других учебных заведениях была усилена их подготовка по педагогике. С 1913 г. М. М. Рубинштейн стал читать курс истории педагогических учений и курс педагогической психологии, с 1915 г. П. П. Блонский – курс педагогики, А. П. Болтунов и В. М. Экземплярский вели семинарии по экспериментальной педагогике, а А. П. Болтунов еще и по педагогической психологии, на котором рассматривалась проблема детской одаренности.

Студенты философского отделения получали не только основательную теоретическую подготовку. Г. И. Челпанов не оставил своих усилий по развитию экспериментальных исследований психической деятельности.

Переехав в Москву, Челпанов решил продолжить практику психологического семинария, получившего широкое признание во время функционирования в Киеве. В работе семинария год от года все большее значение стали приобретать практические экспериментальные работы, которые требовали соответствующего лабораторного оборудования. Однако средств на закупку оборудования и строительство помещений для его установки не было. К счастью, среди учеников Челпанова оказался сын владельца художественной галереи Сергея Ивановича Щукина, который, по-видимому, и уговорил отца пожертвовать средства на приобретение оборудования и строительство здания лаборатории. В 1910 г. С. И. Щукин выделил университету 100 тыс. рублей на строительство психологического института. В сопроводительном письме на имя ректора он написал, что «Институту должно быть присвоено название "Психологический

Библиотека "Руниверс"

институт имени Лидии Григорьевны Щукиной"» (покойной жены С. И. Щукина). На следующий год С. И. Щукин внес еще 20 тыс. рублей на приобретение оборудования.

Для ознакомления с опытом работы психологических лабораторий за границей Г. И. Челпанов предпринимает поездки в Германию и США. Летом 1910 г. вместе с Г. Г. Шпетом он выехал в Германию, где ознакомился с организацией психологических исследований в лабораториях проф. Штумпфа в Берлине, проф. Марбе в Вюрцбурге, в Боннском университете. Челпанов и Шпет имели беседы с профессорами Вундтом и Кюльпе. В марте 1911 г. Г. И. Челпанов ознакомился с устройством психологических институтов в университетах США — Колумбийском, Чикагском, Мичиганском, Корнельском, Гарвурдском, Филадельфийском.

Уже в 1912 г. занятия психологического семинария Челпанов стал проводить в здании только что построенного института, а в марте 1914 г. состоялось торжественное открытие Психологического института имени Л. Г. Щукиной. Это был в те годы самый передовой в мире институт психологии, оснащенный самым современным оборудованием, в том числе приборами, сконструированными самим Челпановым. Челпанов стал одновременно и директором своего любимого детища.

Энергичная деятельная натура Челпанова несколько отодвинула в тень другого профессора кафедры философии — Лопатина, который, продолжая вести большую педагогическую работу (он читал курсы психологии (пропедевтический), истории новой философии (основной), вел семинарии по философии Лейбница, Канта, Гегеля), очень много времени и сил отдавал редактированию журнала «Вопросы философии и психологии» и работе Психологического общества. Многие его современники в своих воспоминаниях отмечают, что и успехи журнала, и деятельность Психологического общества связаны с тем вниманием, которое им уделял Лопатин. Чтобы обеспечить своевременный выход журнала в свет, Лопатин порою всю ночь, до 4–5 часов утра корпел над рукописями. Он и сам много писал для журнала, и его научные труды воспитывали студентов не меньше, чем лекции, которые не всегда воспринимались

Библиотека "Руниверс"

студентами как надо. П. П. Блонский, например, вспоминал, как Л. М. Лопатин читал историю новой философии после Канта. «Лекция должна была читаться от 2 до 4 часов дня,— писал Блонский,— но и в половине третьего Л. М. Лопатина не было. “Спит еще”,— говорили студенты. Л. М. Лопатин славился поздним вставанием. Вот почти бежит запыхавшийся, невысокий, худенький, с взлохмаченной бородкой профессор, и очень похоже на то, что он только недавно вскочил с кровати. Читал Л. М. Лопатин по тетрадке старческим, но весьма приподнятым, “вдохновенным” голосом, и этот пафос мне не нравился. Казалось, что профессор как бы разогревал себя. Этот старческий философский пафос показался мне скучным, и я бросил ходить на его лекции: много они дать не могли. Впоследствии я познакомился с его печатными философскими речами и характеристиками, и там характеристики философов мне больше понравились. <...> На первый план выступало стремление отнестись к философу как к философу, мыслителю, выделить его основные мысли» [25].

А Психологическое общество, во главе которого стоял Лопатин, несмотря на то что в эти годы оно теряло свое влияние, так как активизировались другие общества, в особенности Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьёва, все же оставалось тем местом, где обсуждались серьезные философские проблемы, многие доклады, прочитанные на заседаниях Психологического общества, становились затем статьями в журнале и широко обсуждались в других университетах России. Членами Психологического общества были почти все члены кафедры философии, но вступление в Общество было не формальным актом, а сопровождалось обязательным докладом на его заседании, и только после обсуждения сделанного доклада могла идти речь об избрании в Общество нового члена.

Кроме кафедры философии, в Московском университете была еще одна «полуфилософская» кафедра на юридическом факультете — кафедра энциклопедии права и истории философии права. Такое название она получила на основе

---

[25] *Блонский П. П.* Мои воспоминания. М., 1971. С. 83.

Библиотека "Руниверс"

устава 1884 г., но философская составляющая кафедры особенно усилилась после того, как ее возглавил князь Евгений Николаевич Трубецкой, который после смерти брата пришел в университет и заменил на кафедре Павла Ивановича Новгородцева, подавшего в 1906 г. в отставку после подписания совместно с другими профессорами и членами Государственной Думы «Выборгского воззвания» с протестом против роспуска 1-й Государственной Думы. Новгородцев вернулся на кафедру в 1907 г., но уже на должность приват-доцента, а основным местом его работы стал Московский коммерческий институт, где он был избран директором[26]. К 1909 г. кафедра энциклопедии права и истории философии права представляла собой мощный коллектив философов-правоведов: во главе кафедры стоял Е. Н. Трубецкой, а приват-доцентами были Новгородцев, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, Н. Н. Алексеев, С. И. Живаго и А. А. Рождественский. Правда, в 1911 г. кафедру оставили Е. Н. Трубецкой, Новгородцев и Живаго. Вернулись они в университет только после Февральской революции и только на один год. Но и оставшиеся на кафедре Вышеславцев, Ильин, Алексеев и Рождественский были уже не новичками в философии, и кафедра, несмотря на свой юридический профиль, оставалась довольно серьезным философским учреждением. Об этом говорит характер защищавшихся членами кафедры диссертаций. Например, Вышеславцев в 1914 г. защитил магистерскую диссертацию на тему: «Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии». Ильин представил в 1918 г. на защиту свою двухтомную монографию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», а до этого опубликовал целый ряд сочинений о философии Фихте, Шеллинга, Гегеля, Руссо, Аристотеля. Очевидно, что характер научных интересов не мог не влиять на содержание лекций, и студенты юридического факультета тоже имели возможность обрести прочные философские знания. Так что философия в Московском университете не была

[26] Ныне этот институт стал Академией народного хозяйства им. Г. В. Плеханова.

Библиотека "Руниверс"

локализована только в рамках историко-филологического факультета.

К сожалению, философское содержание лекций на физико-математическом факультете снизилось после ухода в 1911 г. многих профессоров, активно участвовавших в обсуждении философских проблем.

Заканчивая это краткое сообщение о философии и философах в Московском университете до Октябрьской революции 1917 г., нельзя не упомянуть профессора-экономиста Сергея Николаевича Булгакова, преподавательская деятельность и научные труды которого не могли не оказывать влияния на формирование философских взглядов студентов юридического факультета[27]. После защиты магистерской диссертации Булгаков уехал в Киев и вернулся в Московский университет в 1906 г., будучи уже широко известным лектором, публицистом и общественным деятелем. Его избрали в университете приват-доцентом, и одновременно он занял должность профессора в Московском коммерческом институте. Его лекции и научные работы тех лет были проникнуты идеями нового религиозного сознания и христианского социализма. Его нравственные позиции не позволили ему остаться в университете после известной акции министра народного просвещения в 1911 г. Но в 1912 г. он вернулся в университет, защитил докторскую диссертацию по первой части своего труда «Философия хозяйства» и стал ординарным профессором университета. Революцию Булгаков воспринял как личную трагедию. 11 июня 1918 г. он принимает сан священника, его избирают членом Высшего Церковного Совета. В глазах университетских сослуживцев профессор в рясе выглядел, по словам самого Булгакова, как сумасшедший или юродивый. В конце 1918 г. он получает тревожную весточку из Крыма, где была его семья, выезжает в Крым и оставляет универси-

[27] Кафедра политической экономии и статистики, по которой С. Н. Булгаков заканчивал университет и на которой он был оставлен для приготовления к профессорскому званию, а затем работал, была в составе юридического факультета.

Библиотека "Руниверс"

тет, теперь уже навсегда. В октябре 1922 г. он был арестован и 30 декабря вместе с семьей выслан за границу.

К сожалению, в данном исследовании у меня не было возможности охватить все аспекты бытования философии в университете и я ограничил предмет исследования в основном только вопросами преподавания философии профессорами философии.

Февральская революция 1917 г. вызвала определенные надежды на демократические преобразования в стране, они и произошли, но Октябрьская революция 1917 г., произошедшая под лозунгами немедленного мира, отдачи земли в руки крестьян, а фабрик — рабочим, раскололa общество. Многие преподаватели, спасаясь от голода и грабежей, эмигрировали уже в первые годы после революции. Учебный процесс в университете формальных изменений не претерпел, но мирная, спокойная жизнь университетского коллектива была на многие годы прервана постоянными реорганизациями.

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Философия в Московском университете в послереволюционные годы (1917–1941)

Преподавание философии сразу после революций 1917 г.— Декреты по вопросам высшего образования.— Организация факультета общественных наук (ФОНа).— Научная работа членов кафедры философии.— Ликвидация философского отделения.— Философские курсы на факультете общественных наук.— Высылка ученых в 1922 г.— Преодоление нигилистического отношения к философии.— Философское просвещение естествоиспытателей.— Ликвидация факультета общественных наук, создание этнологического факультета и организация на нем философского цикла.— Студенческий состав университета.— Реорганизация высшего образования в 1931 г.— Философия в 1930-е гг.

Непосредственно после революций 1917 года Московский университет сохранялся в составе 4 факультетов: историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского. Не изменилось и количество кафедр, не претерпел существенных изменений и кадровый состав преподавателей, хотя часть профессоров и приват-доцентов покинули Московский университет, спасаясь от голода и хозяйственной разрухи. В частности, в 1918 г. по разным причинам покинули университет профессора юридического факультета кн. Е. Н. Трубецкой, П. И. Новгородцев, С. Н. Булгаков, но кафедра философии продолжала функционировать в прежнем составе. Занятия на философском отделении вплоть до 1921 г. продолжались по старому учебному плану, и состав кафедры философии изменился мало. Правда, в 1917 г. скончался В. Ф. Эрн, в 1918 г. ушел из жизни еще один приват-доцент — Д. В. Викторов, а в 1920 г. умер ведущий профессор кафедры Л. М. Лопатин, но содержание других читавшихся курсов оставалось на прежнем уровне. Вот, например, как характеризует состояние преподавания философских дисциплин в эти годы

Библиотека "Руниверс"

В. И. Бессонова в своей диссертации, защищенной в 1953 г.: «В программу занятий по философии входило главным образом изучение идеалистической философии самых ярких представителей идеалистического направления. Учебный план философского отделения, действовавший до 1919/1920 учебного года, включал семинары по Шеллингу, Гегелю, семинары по теоретической философии Канта, семинары по Лейбницу (ЦГАОР, ф. 1565, оп. 3, д. 52, л. 7). При этом на все эти семинары отводилось по 2–4 недельных часа на каждый. На курс по истории новой философии отводилось 2 недельных часа, а на курс философии Канта — 4 часа. Идеализм и мистика пронизывали учебный процесс философского отделения и составляли основное содержание философских дисциплин. Изучение же материалистической философии игнорировалось, семинары по марксистско-ленинской философии в план преподавания не были включены» [1]. На оценку В. И. Бессоновой преподавания философии, конечно, повлияло время написания диссертации, но общую картину она передает верно, содержание преподавания после революции на философском отделении не изменилось, и студенты получали фундаментальные знания по основным этапам развития философии.

Советское правительство (Совет Народных Комиссаров — СНК РСФСР) с первых шагов своей деятельности много внимания уделяло проблемам образования, направляя усилия на демократизацию всей системы просвещения, однако на первых порах решительной ломки учебного процесса оно не предпринимало. 11 (24) декабря 1917 г., т.е. всего через полтора месяца после захвата власти, СНК издал декрет «О передаче всех учебных заведений в ведение Наркомпроса», в котором ставилась задача преобразования всего учебного процесса «на началах новой педагогики и социализма». Этот декрет, подчинив все высшие учебные заведения Народному комиссариату просвещения и сформулировав цели намечаемых преобразований,

---

[1] *Бессонова В. И.* Московский университет в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1953. С. 214–215.

Библиотека "Руниверс"

фактически не оказал никакого влияния на учебный процесс. Поэтому советское правительство предпринимало усилия, направленные на изменение ситуации в высшей школе, пытаясь опереться на университетских профессоров, многие из которых еще до 1917 г. выступали за решительные реформы в системе высшего образования России.

8–14 июля 1918 г. было проведено Всероссийское совещание по реформе высшей школы. Совещание, однако, не оправдало надежд его организаторов, планировавших принять на совещании Положение о российских университетах, в котором был пункт о необходимости создать факультеты общественных наук, ставящих своей целью задачу разработки и распространения идей научного социализма и приложения материалистического метода во всех областях обществоведения. Участники совещания, среди которых было немало представителей старой профессуры (от Московского университета участвовали в совещании 12 профессоров, в том числе кн. Е. Н. Трубецкой, М. К. Любавский, С. Я. Котляревский), воспротивились попыткам сделать высшую школу средством идеологической обработки молодежи. Принятая 10 июля резолюция гласила, что «в университетах должна царить атмосфера полной свободы преподавания наук и проведения взглядов и идей всякого направления»[2].

Однако советское правительство настойчиво добивалось того, чтобы в высшей школе преподавание велось с позиций марксизма, и с этой целью издавало декреты, направленные на привлечение в высшую школу преподавателей-коммунистов, требовало пересмотра программ всех обществоведческих дисциплин и изменения учебных планов. В 1918–1921 гг. был принят целый ряд декретов СНК и постановлений Наркомпроса, направленных на внедрение в высшую школу предметов, способствующих марксистскому просвещению, а также на подготовку преподавателей, способных нести в массы идеи социализма и коммунизма.

---

[2] Цит. по: *Сафразьян Н. Л.* Становление марксистско-ленинского гуманитарного образования в Московском университете (октябрь 1917–1925 г.). М., 1987. С. 18.

Библиотека "Руниверс"

Стремясь привлечь в высшую школу возможно большее количество представителей трудящихся слоев населения, 2 августа 1918 г. своим постановлением СНК отменил плату за учебу и снял всякие ограничения на прием женщин в высшие учебные заведения. В декрете СНК, подписанном его председателем В. И. Лениным, говорилось, что каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16 лет, может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения без преставления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы. Декретом от 1 октября 1918 г. СНК РСФСР отменил все ученые степени и звания, оставив единое звание «профессор» для всех, кто способен вести самостоятельные занятия. Это было сделано, по-видимому, для привлечения на педагогическую работу в высшую школу членов партии, не имеющих ученых степеней, но в соответствии с этим декретом 175 приват-доцентов Московского университета получили звание «профессор», в том числе профессорами стали Густав Густавович Шпет, Александр Владиславович Кубицкий[3] и некоторые другие преподаватели кафедры философии. В университет для чтения лекций были приглашены П. Б. Струве, С. Н. Прокопович, А. В. Чаянов, Н. А. Бердяев, которого Совет филологического факультета в 1920 г. избрал на должность профессора, а до этого читавшего отдельные лекции. Кстати, именно из лекционных курсов родились его труды «Миросозерцание Достоевского» (Прага, 1923) и «Смысл истории» (Берлин, 1923)[4].

28 декабря 1918 г. было опубликовано постановление Наркомпроса РСФСР от 23 декабря об упразднении юридических факультетов, а 3 марта 1919 г. Наркомпрос принял постановление об организации в университетах факультетов общественных наук (ФОНов). В Московском университете юрфак был ликвидирован в начале 1919 г. и на базе некоторых кафедр ликвидирован-

---

[3] А. В. Кубицкий в 1911 г. в знак протеста против действий министра народного просвещения Кассо подал в отставку и вернулся в университет только в 1917 г.

[4] По философии истории Н. А. Бердяев начал читать лекции в Вольной академии духовной культуры и там же вел семинар по Достоевскому.

Библиотека "Руниверс"

ного юридического факультета и историко-филологического факультета началось создание факультета общественных наук в составе трех отделений: экономического, юридико-политического и исторического. Первое организационное собрание факультета общественных наук состоялось 28 апреля 1919 г., а 12 мая 1919 г. ФОН в МГУ был открыт. Кафедра энциклопедии права и истории философии права в университете не сохранилась, но работавшие на кафедре Б. П. Вышеславцев и И. А. Ильин остались в университете, правда, в составе других кафедр ФОНа, и читали курсы логики, этики, общей методологии и методологии общественных наук. Историко-филологический факультет, из которого было изъято историческое отделение, превратился в филологический факультет и продолжал функционировать в составе трех отделений: классического, романо-германского и философского. Занятия на философском отделении вплоть до 1921 г. продолжались по старому учебному плану и состав кафедры изменился мало, так что содержание читавшихся курсов оставалось на прежнем уровне.

Что касается научной работы, то первые послереволюционные годы, несмотря на чрезвычайно суровые условия жизни, не привели к снижению творческой активности членов кафедры философии. Выше уже сказано о подготовленных в эти годы работах Н. А. Бердяева, который написал еще ряд статей и в том числе статью «Учение о свободе в философии Л. М. Лопатина» для сборника, посвященного памяти скончавшегося в 1920 г. Льва Михайловича. Очень успешно работал Г. Г. Шпет, написавший и издавший за пять послереволюционных лет более десяти сочинений («Скептик и его душа», «Предмет и задачи этнической психологии», «Философия Лаврова», «П. Л. Лавров и А. И. Герцен», «Философское мировоззрение Герцена», «Антропологизм Лаврова в свете истории философии», «Очерк развития русской философии», «История как предмет логики», «Театр как искусство», «Эстетические фрагменты»). Как свидетельствуют Отчеты о состоянии и деятельности МГУ за эти годы, Г. Г. Шпет выступал с докладами в Вольной академии духовной культуры, в Научно-педагогической ассоциации, в Обществе любителей русской словесности, в Московском лингвисти-

Библиотека "Руниверс"

ческом кружке, принимал деятельное участие в создании при ФОНе МГУ Института научной философии и был назначен его директором. Г. И. Челпанов начал писать большой труд «Основание психологии», опубликовать который он смог только в 1926 г. под названием «Очерки психологии». Активно работали и другие члены кафедры. Например, Ф. Ф. Бережков написал ряд статей и усиленно работал над переводом с английского монографии о философском творчестве Ф. М. Достоевского (*Middleton Murru.* Fyodor Dostoevsky. A critical study. London, 1916); Н. Д. Виноградов работал над трехтомной монографией о философии Юма; А. П. Казанский переводил сочинения Платона и Аристотеля; Н. В. Самсонов перевел с греческого все 54 книги Плотина и написал к ним комментарии и т. д.[5] Таким образом, все структурные перетряски в университете, несмотря на их негативное влияние и на учебный процесс, и на творческую работу преподавателей, все же не смогли остановить их творческой деятельности.

Слабое внедрение марксизма в преподавание обществоведческих дисциплин побуждало советскую власть действовать более энергично. 19 ноября 1920 г. вышел декрет СНК «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР», в соответствии с которым при Наркомпросе была создана специальная комиссия по коренной перестройке преподавания общественных наук в высшей школе под председательством Ф. А. Ротштейна, которой было поручено разработать новые учебные планы, программы основных курсов, списки лиц, рекомендуемых для преподавания общественных наук. В директивах ЦК РКП(б) коммунистам-работникам Наркомпроса, опубликованных газетой «Правда» 5 февраля 1921 г., В. И. Ленин писал: «...содержание обучения, поскольку речь идет об общеобразовательных предметах, в особенности же о философии, общественных науках и коммунистическом воспитании, должно определяться только коммунистами»[6].

---

[5] См.: Отчет о состоянии и деятельности Московского государственного университета за 1920/1921 уч. г.

[6] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 42. С. 320.

Библиотека "Руниверс"

В 1921 г. в преподавании философских дисциплин наметились существенные изменения. 4 марта 1921 г. вышел декрет СНК «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР». В этот минимум вошли: исторический материализм, история пролетарской революции, политический строй РСФСР и план электрификации. Этот декрет, правда, не ликвидировал преподавания философских дисциплин: логики, психологии, истории философии. Но вот другой декрет от 4 марта «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов» повлиял на преподавание философских дисциплин, поскольку в соответствии с этим декретом в Московском университете был ликвидирован филологический факультет, на базе которого были созданы литературно-художественное и этнолого-лингвистическое отделение на ФОНе, а философское отделение прекратило свое существование. (В соответствии с этим декретом 8 августа 1921 г. при факультете общественных наук были созданы научно-исследовательские институты для подготовки кадров высшей квалификации, в том числе и Институт научной философии, в организации которого Г. Г. Шпет принял самое активное участие и был назначен его директором.)

Кафедра философии не была ликвидирована, а переведена на ФОН, но в сильно сокращенном составе. На ней числились только Л. И. Аксельрод, Г. О. Гордон, А. В. Кубицкий, Г. И. Челпанов и Г. Г. Шпет. Таким образом, в 1921 г. подготовка специалистов по философии в МГУ прекратилась. Хотя философские курсы на ФОНе не были ликвидированы, но теперь они преподносились в марксистской интерпретации. Для всех студентов факультета читались четыре философских курса. Н. И. Бухарин читал курс исторического материализма с довольно внушительным общефилософским введением (см. его популярный учебник «Теория исторического материализма», лежавший в основе его курса и выдержавший в 20-е годы 9 изданий). Курс логики и методологии наук читал Г. О. Гордон, а курс «История мировоззрений» — А. В. Кубицкий, который излагал фактически только историю античной философии, пре-

Библиотека "Руниверс"

подносят ее как историю зарождения и развития материализма. Курс психологии читал Г. И. Челпанов, старавшийся в эти годы трактовать психологию как науку нейтральную в отношении философских направлений, хотя до революции подчеркивал, что «психология должна оставаться философской наукой, ибо ее связь с философией естественна и необходима» [7].

Кроме этих общих для студентов всего факультета курсов на общественно-педагогическом отделении ФОНа Г. Г. Шпет читал еще курсы «Логика и методология общественных наук» и «Социальная и этническая психология», а на литературно-художественном отделении он же читал «Введение в эстетику» [8]. Эти курсы (как, кстати, и курс психологии Г. И. Челпанова) не были марксистскими, они рассматривали конкретные проблемы с позиций реализма, преподносились как научное познание действительности, как объективное познание конкретного смысла явлений. Понятие философии как «строгой науки», как «чистого знания», которое годами отстаивал Г. Шпет, не противоречило марксистскому пониманию философии как науки о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Шпет не был марксистом, но он не был и противником марксизма, он всегда критически относился к любого рода мистицизму, возражал против смешения знания с мнением, усматривая в этом смешении нечто «восточное и христианское» [9]. Поэтому шпетовские курсы не вызывали неприятия у тогдашнего руководства ФОНа и университета. (Во главе Президиума, созданного в университете вместо Совета университета, с 1921 по 1925 г. стоял историк В. П. Волгин, сменивший юриста Д. П. Боголепова, стоявшего на позициях левого коммунизма, в мае 1921 г. В. П. Волгин был назначен ректором, а деканом ФОНа вместо А. М. Винавера назначен Н. М. Лукин, тоже историк.)

---

[7] *Челпанов Г. И.* Психология. М., 1909. С. 20.

[8] См.: Обозрение преподавания факультета общественных наук 1-го МГУ на 1922/1923 ак. г. М., 1923.

[9] *Шпет Г. Г.* Скептик и его душа // Шпет Г. Г. Философские этюды. М., 1994. С. 176.

Библиотека "Руниверс"

Но, конечно, все вышеназванные курсы не могли заменить тех курсов и семинаров, которые были на философском отделении. Поэтому для тех студентов, которые стремились закончить университет по программам философского отделения, Г. Г. Шпет от имени Совета Института научной философии предложил организовать в Институте чтение лекций и проведение семинаров по основным курсам, которые существовали на философском отделении филологического факультета. В осеннем семестре 1921 г. дали согласие прочитать лекции: Л. И. Аксельрод — по истории новейшей философии (с включением современной), Н. Д. Виноградов — по истории новой философии до Канта, Б. П. Вышеславцев — по этике, И. В. Попов — по истории средневековой философии, С. Л. Франк — по логике и методологии наук, Г. И. Челпанов — по психологии. Были выделены специалисты и для проведения семинаров. Однако полностью воплотить в жизнь это благое начинание было не суждено. Летом 1922 г. последовали аресты И. А. Ильина, С. Л. Франка, начались гонения на любые попытки свободомыслия и настойчивое внедрение марксизма во все области обществознания.

Весной 1923 г. Шпета от руководства Институтом освободили и назначили директором В. И. Невского. Занятия со студентами были прекращены, а в Институте была создана аспирантура для подготовки преподавателей по диалектическому и историческому материализму[10].

---

[10] Подробнее см.: *Коган Л. А.* Непрочитанная страница (Г. Г. Шпет — директор Института научной философии: 1921–1923) и Материалы по истории Института научной философии // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 110–112.

В 1924 г. с целью подчинить партийному контролю научные исследования и подготовку научных кадров через аспирантуру в области общественных наук на основании постановления Наркомпроса РСФСР была создана Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук ФОНа МГУ (АНИОН), в которую вошли все гуманитарные институты МГУ, в том числе и Институт научной философии, а в 1926 г. АНИОН была вообще выделена из университета и создана Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) во главе с М. Н. Покровским, который был настроен весьма решительно против любых «буржуазных извращений» в науке.

Библиотека "Руниверс"

Главной целью советского руководства в это время было изгнание из учебных заведений профессуры, не разделявшей марксистских убеждений. Особенно это касалось специалистов в области общественных наук, в том числе и философии. В. И. Ленин откровенно писал в статье «О значении воинствующего материализма» о том, что не только в вузах, но и в стране не должно быть места «философским предрассудкам так называемого образованного общества», что «профессора философии» суть не что иное, как «дипломированные лакеи поповщины», которых давно следовало бы выпроводить в страны буржуазной демократии, а все преподавание общественных наук перестроить на марксистской основе. Советское правительство повело наступление на всех неугодных профессоров. В августе были отстранены от работы декан физико-математического факультета, математик В. В. Стратонов, профессор зоологии, в 1919–1920 гг. выбиравшийся ректором университета М. М. Новиков, историк А. А. Кизеветтер, экономист С. Н. Прокопович, философы Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев и др. Все они вскоре были высланы из советской России вместе с полуторастами других ученых из Москвы, Петрограда и иных университетских центров.

После высылки большой группы преподавателей из страны в Московский университет в декабре 1922 г. по решению ЦК РКП(б) для чтения лекций была направлена большая группа руководящих деятелей партии, ученые-марксисты В. В. Адоратский, Ш. М. Дволайцкий, Н. В. Крыленко, Д. И. Курский, П. И. Лебедев-Полянский, А. В. Луначарский, И. К. Луппол, В. И. Невский, М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, П. И. Стучка и другие.

1922 год стал переломным в преподавании философских дисциплин в Московском университете. Из университета были удалены все, кто не проявлял особого рвения в пропаганде идей марксизма и социализма. В 1923 г. в университете не осталось ни одного профессора философии, не разделявшего марксистских убеждений. Кафедра философии была преобразована в кафедру истории философии и на ней числились только Л. И. Аксельрод и А. В. Кубицкий, который в эти годы был еще и заместителем ректора университета В. П. Волгина.

Библиотека "Руниверс"

Штатным сотрудником кафедры на 1 января 1923 г. числился и Б. С. Чернышев.

Для чтения лекций и ведения семинарских занятий привлекались А. М. Деборин, Н. А. Карев, И. К. Луппол, Я. Э. Стэн. Вряд ли стоит сомневаться, что в своих лекциях они рассматривали всю историю философии как подготовку к формированию марксизма, вобравшего в себя все наиболее ценное из предшествующих учений. Занятия по психологии вели А. Г. Цирес и назначенный вместо Г. И. Челпанова директором Психологического института К. Н. Корнилов, который психологию трактовал как науку о поведении человека, ибо только через поведение человека, считал он, можно изучать его сознание[11].

На созданной кафедре исторического материализма работали: В. В. Адоратский, Б. И. Горев, С. С. Кривцов, В. К. Сережников (в сентябре назначенный деканом ФОНа) и А. Д. Удальцов, сверх штата привлекались А. И. Варьяш, В. И. Невский, П. С. Сапожников. В те годы всякое изложение теории исторического материализма начиналось с краткой характеристики основных положений диалектического материализма. Но даже углубленное изложение теории диалектического материализма не могло заменить тех философских курсов, которые читались на философском отделении историко-филологического, а потом филологического факультета до его ликвидации. Поэтому с 1923 г. в университете философская подготовка студентов значительно

[11] С 1920-х гг. в психологии начались дискуссии, есть ли психология наука о сознании, как полагал Г. И. Челпанов, или же психология есть наука о поведении, как полагали марксисты. В 1923 г. Г. И. Челпанов был смещен с поста директора Психологического института и изгнан из университета как неспособный вести преподавание с марксистских позиций. Лишенный возможности вести педагогическую работу, он до 1930 г. работал в Государственной академии художественных наук, а последние годы доживал в одиночестве (одна дочь жила во Франции, другая умерла в Москве в 1935 г. и вскоре умерла внучка). Г. И. Челпанов скончался 13 февраля 1936 г. на 73 году жизни. (Г. П. Щедровицкий, ссылаясь на П. А. Шеварева, говорит, что К. Н. Корнилов после снятия Г. И. Челпанова с поста директора оставил его в институте и «Челпанов до своей смерти сохранял дружеские отношения с Корниловым». См.: Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом... М., 2001. С. 49.)

Библиотека "Руниверс"

снизилась и не поднималась выше простой ликвидации элементарной философской безграмотности.

Вообще надо сказать, что в начале 20-х гг. среди марксистов было довольно распространенным мнение о чуждости науке любых «философствований». Нигилистическое отношение к философии среди российских марксистов опиралось на некоторые высказывания Энгельса, с сочувствием процитированных Лениным. Еще в конце XIX в. в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» Ленин замечает: «С точки зрения Маркса и Энгельса, философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между разными отраслями положительной науки» [12]. А в статье «Карл Маркс», написанной для энциклопедического словаря Гранат, Ленин пишет о философии марксизма, цитируя выражение из энгельсовского «Анти-Дюринга»: «Диалектический материализм "не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками". От прежней философии остается "учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика"» [13]. Подобное отношение к философии можно встретить и у А. А. Богданова, чьи взгляды питали идеологию пролеткульта, весьма влиятельного идейного течения в послереволюционной России. Еще до революции он писал: «Философия доживает последние дни. Эмпириомонизм — уже не философия, а переходная форма...» [14] А уже после революции, разрабатывая свою всеобщую организационную науку — тектологию, он пишет: «По мере своего развития тектология делает излишней философию и уже с самого начала стоит над нею, соединяя с ее универсальностью научный и практический характер» [15]. Наиболее яркое

---

[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 438.

[13] Там же. Т. 26. С. 54.

[14] *Богданов А. А.* Философия живого опыта. Популярные очерки. Материализм. Эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. М., 1920. С. 255.

[15] *Богданов А. А.* Очерки организационной науки // Пролетарская культура. 1919. № 9-10. С. 20.

Библиотека "Руниверс"

проявление нигилистического отношения к философии выразилось в статье члена ЦК Компартии Украины С. К. Минина, опубликованной в 1922 г. в журнале «Под знаменем марксизма» под броским заголовком «Философию за борт!». Опираясь на отдельные высказывания Маркса и Энгельса, он доказывал, что пролетариат в своей политике, в своей деятельности по преобразованию мира должен опираться не на философию, а на науку, ибо только наука дает верное понимание действительности, а философия, как и религия, искажает картину мира — первая в угоду классовым интересам буржуазии, а вторая в угоду классовым интересам помещиков. Подобные взгляды разделяли многие деятели Пролеткульта, стремившиеся создать новую, пролетарскую культуру, свободную от интересов и вкусов эксплуататорских классов, чья культура господствовала на протяжении тысячелетий, способствуя духовному закабалению трудящихся.

И в университетской среде, где были сильны позитивистские взгляды, нигилистическое отношение к философии тоже имело место. Поэтому философское просвещение естествоиспытателей, хоть и с марксистских позиций, имело положительное значение. Ведь в действительности В. И. Ленин не отрицал философии как важного средства познания мира, а его статья «Еще раз о профсоюзах, текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина», в которой он подчеркивал, что «*нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» [16], и требовал от профессоров философии, чтобы они знали изложение марксистской философии Плехановым и умели передать учащимся это знание, сыграла важную роль и в преодолении пролеткультовского отрицания всякой философии вообще, и в подготовке молодых философов-марксистов, которых в ускоренном порядке начал готовить созданный в феврале 1921 г. Институт красной профессуры, одним из выпускников которого был преподавав-

[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

Библиотека "Руниверс"

ший в МГУ философию Я. Э. Стэн. Конечно, философские взгляды Г. В. Плеханова, с моей точки зрения, ближе к материалистической философии французских просветителей, чем к взглядам К. Маркса, кратко сформулированным в его «Тезисах о Фейербахе». Но, во всяком случае, плехановские работы по философии дают грамотное изложение философских проблем и способствуют их освоению, поэтому ленинское требование изучать философские сочинения Плеханова сыграло положительную роль в преодолении того поверхностного отношения к философии, которое было характерно для очень многих коммунистов, придерживавшихся левацких взглядов. Лишь к середине 20-х гг. усилиями теоретически наиболее подготовленных философов-марксистов утвердилось положительное отношение к философии, а именно к философии марксизма, для которой было характерно стремление к научности, ибо сама философия рассматривалась как наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления.

Стремление к научности, к систематическому изложению философских проблем объективно способствовало сближению философии марксизма с естествознанием, поэтому ленинское указание о необходимости теснейшего союза марксистской философии с естествознанием нашло в среде философов-марксистов горячий отклик. Направленные на работу в университет ученые-марксисты стремились наладить контакты в первую очередь с учеными и студентами физико-математического и медицинского факультетов. Уже в конце 1922 г. на физико-математическом и медицинском факультетах были созданы студенческие кружки по изучению диалектического и исторического материализма, а в 1923 г. на физико-математическом факультете стал читаться курс «Материалистическая философия естествознания и биологии». Государственный ученый совет, работавший при Наркомпросе, рекомендовал университету обратить внимание в этом курсе на учение об атоме, теорию относительности и другие проблемы физики и химии, связанные с диалектическим материализмом, в области биологических наук — на учения Дарвина, Тимирязева, Сеченова и Павлова. В этом курсе рассматривались теории Вейсмана,

Библиотека "Руниверс"

Фрейда, а евгеника трактовалась как последнее достижение науки[17].

С 1924/1925 учебного года на физико-математическом факультете стал читаться курс диалектического материализма, а на следующий год на нем и на медицинском факультете были созданы кафедры диалектического материализма. В университете был также открыт кабинет диалектического и исторического материализма. Значительную роль в ознакомлении ученых естествоиспытателей с философскими проблемами, в марксистском, конечно, освещении, играли созданные в 1924 г. в университете «Общество врачей-материалистов» и «Общество физиков-материалистов»[18]. С целью философской переподготовки преподавательского состава в университете стали проводиться занятия по диалектике естествознания. Для студентов была развернута сеть кружков по диалектическому и историческому материализму. На физико-математическом факультете в сентябре 1926 г. была образована также кафедра истории и философии естествознания во главе с А. А. Максимовым и В. П. Егоршиным, а С. А. Яновская начала читать курс «Введение в историю и философию естествознания». Таким образом, философия начала путь на сближение с естествознанием и то противостояние «метафизики» и «положительной науки», которое сложилось в XIX в. под влиянием позитивизма, постепенно стало преодолеваться, в том числе и среди марксистов, среди которых было немало противников всякой философии вообще.

С середины 20-х гг. в разные годы лекции по диалектическому и историческому материализму в университете читали

[17] См.: *Ронина Г. С.* Из истории МГУ (1922–1925 годы) // Из истории Московского университета. 1917–1941. Сб. ст. М., 1955. С. 124–151.

[18] Надо сказать, что в университете действовали ячейки и «Общества воинствующих материалистов», и «Общества материалистических друзей гегелевской диалектики», созданные в 1924 г. в качестве структурных подразделений Коммунистической академии, а в 1928 г. объединенные в «Общество воинствующих материалистов-диалектиков» (ОВМД), ячейки которого были практически во всех вузах, учреждениях и предприятиях страны.

Библиотека "Руниверс"

В. В. Адоратский, Л. И. Аксельрод-Ортодокс, В. А. Базаров, Г. К. Баммель, М. П. Баскин, А. А. Богданов, Я. М. Букшпан, Н. И. Бухарин, А. И. Варьяш, Б. И. Горев, А. М. Деборин, Н. А. Карев, С. С. Кривцов, Л. И. Крицман, И. К. Луппол, В. И. Невский, В. К. Сережников, И. И. Скворцов-Степанов, Я. Э. Стэн, А. Д. Удальцов, В. М. Фриче, курсы эстетики вели А. Ф. Лосев, А. В. Луначарский. Луначарский, Скворцов-Степанов и некоторые другие читали также лекции по атеизму. Большинство из них работали в университете по совместительству, ибо занимали одновременно должности в различных партийных, государственных, научных учреждениях, редакциях и издательствах. Штатными профессорами университета в отдельные годы были Адоратский, Аксельрод, Горев, Кривцов, Луппол, Невский, Фриче. Только Сережников и Удальцов были постоянно верны университету. Философские вопросы затрагивали в своих лекциях и литературоведы Н. Л. Бродский, В. Я. Брюсов (работавший в МГУ в 1921–1924 гг.), П. И. Лебедев-Полянский, П. Н. Сакулин, психолог П. П. Блонский, правовед П. И. Стучка и другие. Это были теоретически подготовленные преподаватели, ведь многие ученые-марксисты были не теми скороспелыми начетчиками от марксизма, которых наплодил Институт красной профессуры, а весьма квалифицированными философами, получившими образование или в западноевропейских университетах, или в российских еще до 1917 г.[19] Да и учебники

[19] Л. И. Аксельрод и А. М. Деборин окончили философский факультет Бернского университета, В. В. Адоратский, И. К. Луппол, В. К. Сережников окончили юридические факультеты соответственно Казанского, Московского, Петербургского университетов, В. А. Базаров учился на физико-математическом факультете Московского университета и завершил университетское образование в Берлине, М. П. Баскин окончил университет им. А. Л. Шанявского, А. А. Богданов — медицинский факультет Харьковского университета, Н. И. Бухарин был арестован, когда учился на последнем курсе юридического факультета Московского университета, А. И. Варьяш окончил историко-филологический факультет Будапештского университета и прослушал курс математики в Берлинском университете, И. И. Скворцов-Степанов окончил Московский учительский институт, В. М. Фриче — историко-филологический факультет Московского университета.

Библиотека "Руниверс"

по диалектическому материализму отличались высоким уровнем привлечения историко-философского материала. Например, учебник А. М. Деборина «Введение в философию диалектического материализма», выдержавший до 1931 г. шесть изданий, изложение диалектического метода и диалектического материализма предварял изложением философии Бэкона, Гоббса, Локка, Беркли, Юма, краткой характеристикой трансцендентального метода. А в заключение характеризовал отношение марксистской философии к махизму, эмпириосимволизму, прагматизму. Изданный в Минске в 1922 г. «Курс лекций по диалектическому материализму» С. Я. Вольфсона тоже содержал обширный историко-философский раздел, в котором история философии прослеживалась от античного мира до Людвига Фейербаха. Так что курсы диалектического материализма были далеки от того убогого стандарта, который внедрился в наши учебники по философии марксизма после издания «Истории ВКП(б). Краткий курс». Чрезвычайно интересным и содержательным был также учебник Бухарина «Теория исторического материализма», изданный до 1929 г. 9 раз. Нет никаких оснований сомневаться, что и лекции по диалектическому и историческому материализму тоже были выдержаны на высоком профессиональном уровне.

Наряду с активным внедрением философской проблематики в учебный процесс на физико-математическом факультете во второй половине 20-х гг. происходит упорядочивание философской подготовки и студентов-гуманитариев. После целого ряда преобразований на факультете общественных наук в конце апреля 1925 г. он, наконец, был ликвидирован и на его основе созданы факультеты советского права и этнологический с отделениями: историко-археологическим, этнографическим, литературным и изобразительных искусств. В 1926 г. на историко-археологическом отделении была введена специальность «философия» и на следующий год открыт философский цикл для подготовки специалистов в области диалектического и исторического материализма и атеизма. Срок обучения на факультете был увеличен с 3-х до 4-х лет.

Таким образом, в 1927 г. впервые после революции в университете была начата подготовка специалистов в области

Библиотека "Руниверс"

философии, и преподавание философии перестало быть только средством ликвидации «философской безграмотности» у представителей других дисциплин.

Как написано в преамбуле к учебному плану, программам и пособиям этнологического факультета 1-го МГУ, «совершенно особое значение имеет философский цикл, единственный в высшей школе РСФСР, обеспеченный наличием в Москве наиболее видных представителей марксистской философии; этот цикл ставит себе целью подготовку лиц с основательным марксистским образованием для преподавания в школах разного типа исторического и диалектического материализма, для дела антирелигиозной пропаганды, для психологических и психотехнических исследований, наконец, для работы в научных институтах философии и психологии» [20].

Для всех студентов этнологического факультета преподавался *исторический материализм* с изучением работ Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Деборина, Бухарина и Луппола, а также курс *истории материализма*, который на всех отделениях читал И. К. Луппол. Программа курса «История материализма в новое время» включала изучение взглядов скептиков эпохи Возрождения Монтэна и Шаррона, затем философии Декарта, Спинозы, Лейбница, а также Бэкона, Гоббса, Локка, Беркли, Юма, Толанда, Гартли, Пристли. Тема «сенсуализм и материализм» во Франции включала изучение взглядов Вольтера, Кондильяка, Мелье, Ламеттри, Дидро, Гольбаха, Гельвеция и Рабинэ. По теме «Материализм в великой революции» значились фамилии: Нежон, Сильвен-Марешаль и Кабанис. Материализм в России представлен только именами Радищева и Пнина. По теме «Классический немецкий идеализм, развитие диалектики» должны были изучаться философские воззрения Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля (эта тема была включена в курс по истории материализма, видимо, потому, что немецкий классический идеализм рассматривался как один из источников марксизма). Затем шла тема «Левые гегельянцы и Фейербах,

[20] Учебный план, программы и пособия. Этнологический факультет 1-го МГУ. М., 1929. С. 4.

Библиотека "Руниверс"

Маркс и Энгельс», а далее: Позитивизм и Дюринг. Материализм Дицгена. Естественно-научный материализм Бюхнера, Фохта и Молешотта. Неокантианцы и попытки ревизии диалектического материализма. Эмпириокритики и попытки ревизии диалектического материализма. Ортодоксальный марксизм: Плеханов, Лабриола. Заканчивался курс темой: «Ленин и его место в теории материализма»[21].

Как видим, это был довольно основательный историко-философский курс, знакомивший студентов со всеми основными философскими течениями нового времени. Кроме этих двух курсов студентам этнологического факультета читался курс *психологии* в изложении К. Н. Корнилова — «Изучение поведения человека»,— в котором подвергалось критике понимание психологии как учения о душе или явлениях сознания.

Что касается *философского цикла* на историко-археологическом отделении, то история философии читалась все четыре года обучения и к чтению историко-философских курсов привлекались В. Ф. Асмус, Г. Н. Баммель и И. К. Луппол, который кроме курса истории новой философии от Бэкона до Ленина включительно, читал еще и курс «Введение в философию», в котором рассматривал проблемы познания, сущего и учение о диалектике.

В. Ф. Асмус кроме курса античной философии читал еще самостоятельный курс «История эстетических учений».

Н. А. Карев читал курсы «Исторический материализм» и «Логика», в котором кроме чисто логических проблем давал характеристику метафизического мышления, раскрывал понятия качества и количества, субстанции, сущности и явления и др.

А. В. Кубицкий вел практические занятия по теме «Источники и методы истории философии как науки», а В. А. Артемьев — по теме «Социальная и этническая психология».

Довольно сильным был состав профессоров, которые читали на факультете различные исторические курсы, это — В. В. Бартольд, С. В. Бахрушин, В. П. Волгин, Ю. В. Готье, Б. П. Денике,

[21] Обозрение преподавания этнологического факультета 1-го МГУ на 1925/1926 ак. г. М., 1926.

Библиотека "Руниверс"

А. А. Захаров, Е. А. Косминский, Н. М. Лукин, М. К. Любавский, Е. А. Мороховец, В. И. Невский, Г. М. Пригоровский. Курс литературы читал В. Ф. Переверзев, курс «Народное хозяйство и экономическая политика СССР» — В. Н. Сарабьянов, курс «История социологических учений» — В. Н. Максимовский, который по этой теме вел также просеминарий[22].

Как видим, к 1927 г. в Московском университете философская подготовка студентов наконец-то приобрела систематический характер и давала довольно основательные знания историко-философского процесса. Против такой оценки можно, конечно, возразить и сказать, что вся история излагалась с марксистских позиций, а потому формировала в головах студентов искаженную картину развития философии. Но как бы критически ни относиться к содержанию историко-философских курсов, знакомство с первоисточниками (а в 20-е гг. были изданы многие произведения античных мыслителей, философов французского Просвещения, сочинения Декарта, Спинозы, Бэкона, Гоббса, Пристли, Фихте. Кроме того, и дореволюционные издания западноевропейских философов были доступны для изучения) давало возможность наиболее любознательным и серьезным студентам составить собственное представление о сущности философских проблем и их решениях на разных этапах развития философского знания.

Другое дело, способны ли были сами студенты усвоить сложные философские проблемы, даже излагавшиеся высококвалифицированными преподавателями. Ведь проблема заключалась в том, что в университет пришла масса слабо подготовленных студентов, которые были не в состоянии освоить сложные философские проблемы. Ведь согласно декрету Совнаркома от 2 августа 1918 г. в высшие учебные заведения могли поступать все граждане, достигшие 16 лет, без экзаменов и без представления свидетельства об окончании средней школы. Это открыло двери вузов для пролетарских слоев населения, но одновременно резко снизило общий уровень

---

[22] См.: Учебный план, программы и пособия. Этнологический факультет 1-го МГУ. М., 1929.

Библиотека "Руниверс"

подготовки студентов. Поэтому с 1920 г. декретом Совнаркома предусматривался отбор в студенты наиболее подготовленных претендентов, «обладающих достаточным развитием и познанием». Однако сам принцип отбора предусматривал прием в первую очередь выходцев из рабочих и беднейшего крестьянства, а не кандидатов, обладающих лучшей теоретической подготовкой и способностями. И несмотря на то, что в университете с 1919 по 1936 г. действовал рабочий факультет с трехлетним сроком обучения для подготовки слушателей к поступлению на другие факультеты, все-таки состав студентов оставлял желать лучшего. Достаточно сказать, что в конце 20-х гг. менее десятой части студентов оканчивали университет в срок. К тому же, несмотря на программы, утвержденные специальной предметной комиссией по общественным наукам, несмотря на регулярные отчеты профессоров и преподавателей о своей работе, в процессе изучения диалектического материализма студенты сталкивались с противоположными точками зрения, что, конечно, могло способствовать пробуждению творческой мысли, но при нехватке общей культуры сеяло в головах только путаницу. Это были годы, когда в философской литературе шла острая полемика между так называемыми «диалектиками» и «механистами» (или «механицистами»). Полемика эта, естественно, отражалась и на преподавании философии в университете, где были сторонники как точки зрения «диалектиков» (Деборин, Баммель, Карев, Луппол, Стэн), так и «механистов» (Аксельрод-Ортодокс, Варьяш, Скворцов-Степанов). Впрочем, и внутри этих течений не было единства взглядов, так что слушатели философских курсов вынуждены были самостоятельно искать правильные решения, что не всегда было под силу недавним выпускникам рабфака и студентам, командированным на учебу партийными, комсомольскими, профсоюзными организациями и советскими учреждениями. В результате уровень философской подготовки студентов был весьма невысок.

Так что если взять объем философских знаний, который усваивали студенты историко-филологического факультета, и объем усваиваемых знаний студентов, обучающихся на фило-

Библиотека "Руниверс"

софском цикле этнологического факультета, то вывод будет в пользу первых, а не вторых.

Установившаяся с 1927 г. система философского образования продержалась в университете недолго и до выпуска специалистов по философскому циклу дело не дошло.

В 1930 г. в стране началась перестройка высшего образования под предлогом необходимости более полного удовлетворения запросов практики. В университетах из преподавания исключались чисто теоретические дисциплины, например теоретическая физика, чистая математика и т.п. дисциплины. Были даже предложения готовить в университетах только инженеров для промышленности. Многие факультеты были выделены из университета. Так, медицинский факультет с его многочисленными клиниками был преобразован в самостоятельный медицинский институт. Аналогичная участь постигла химический факультет, геологическое, минералогическое и географическое отделения физико-математического факультета.

Под тем предлогом, что этнологический факультет не готовит специалистов для практической работы в советских учреждениях и педагогов для школ и вузов, он был 1930 г. преобразован в два факультета: литературы и искусства и историко-философский с двумя отделениями — историческим и философским. На последнем оказалась всего одна кафедра исторического и диалектического материализма во главе с В. К. Сережниковым.

В январе 1931 г. совещание, созванное Наркомпросом РСФСР, высказалось за вывод из состава университета гуманитарных факультетов, которые будто бы не обеспечивают подготовку специалистов для конкретной работы в издательствах, учреждениях культуры и тому подобных организациях. Целый ряд кафедр факультета литературы и искусства уже в январе был передан различным ведомствам, в мае был преобразован в самостоятельные институты факультет советского строительства и права, а в июле все оставшиеся в составе университета факультеты были преобразованы в отделения. Одновременно историко-философское отделение в полном составе (29 профессоров, 53 доцента, 25 ассистентов, 32 аспиранта и 230 студентов) было выведено из МГУ и на его базе организован Московский

Библиотека "Руниверс"

институт философии и истории, который после включения в него в 1933 г. ряда литературных кафедр стал называться Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ) (он чаще фигурировал под аббревиатурой ИФЛИ)[23].

В результате всех этих преобразований в МГУ остались только естественные отделения: физическое, механическое, астрономо-математическое, зоологическое, ботаническое, почвенное и географическое, которые после восстановления в 1933 г. факультетской системы образовали пять факультетов: механико-математический, физический, химический, биологический и почвенно-географический. В 1934 г. к ним добавился исторический факультет.

Таким образом, после ликвидации в 1921 г. философского отделения филологического факультета наладить в МГУ выпуск специалистов по философии так и не удалось. Из всех философских дисциплин в МГУ осталось преподавание диалектического и исторического материализма, которое осуществляла созданная в мае 1931 г. общеуниверситетская кафедра диалектического и исторического материализма, и курсы, которые вела кафедра истории и философии естествознания.

Курс диалектического и исторического материализма в 30-е гг. представлял из себя жалкое зрелище. После разгрома группы Деборина, членов которой окрестили «меньшевиствующими идеалистами», из преподавания изъяли все произведения Плеханова, Деборина, Луппола, еще раньше перестали рекомендовать работы Н. И. Бухарина, для изучения остались только произведения классиков марксизма, да «гениальные» работы «великого продолжателя дела Ленина Иосифа Виссарионовича Сталина». Кафедра истории и философии естествознания под руководством А. А. Максимова превратилась в 30-е гг. в орудие искоренения идеализма в естественных науках, а искали некоторые наиболее ретивые и наименее теоретически подкованные марксисты идеализм во всех новых, а потому мало им понятных направлениях наук. О подобных борцах за материализм в науке

[23] См.: История Московского университета. Т. 2. М., 1955. С. 119; *Шарапов Ю. П.* Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ (1931–1941). М., 1996.

Библиотека "Руниверс"

А. Ф. Иоффе на сессии Института философии Комакадемии, посвященной 25-летию книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», в 1934 г. говорил, что «философы становятся поперек дороги историческому прогрессу физики», что ими «с опаской принимается каждая новая научная теория и в самих теориях ищется идеализм»[24]. Одним из таких «борцов» был, к сожалению, и заведующий университетской кафедрой Максимов, яростный противник квантовой теории, которого А. Ф. Иоффе, В. А. Фок, А. Д. Александров и другие ученые неоднократно уличали в элементарном незнании физики, но который был, к несчастью, одним из тех, кто олицетворял в университете марксистскую философию[25]. Так что в 30-е гг. философия в Московском университете играла далеко не положительную роль.

Еще более убогим преподавание философии стало после 1938 г. Выход в свет «Истории ВКП(б). Краткий курс» и постановления ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи в выходом “Краткого курса истории ВКП(б)”» заставили пересмотреть учебные планы «идеологических» дисциплин. Все преподавание свелось к штудированию § 2 главы IV «Краткого курса истории ВКП(б)» «О диалектическом и историческом материализме», написанного, как утверждалось, самим Сталиным.

Структура этого параграфа на долгие годы определила строение курса диалектического и исторического материализма, который стал преподаваться во всех вузах страны с 1953 г. в качестве обязательной дисциплины для студентов всех специальностей. Схоластический характер строения самого курса и отсутствие достаточного количества высококвалифицированных преподавателей привели к тому, что отношение к философии среди представителей других специальностей приобрело негативный характер. Ведь только в 1956 г. в связи

---

[24] *Иоффе А. Ф.* Развитие атомистических воззрений в XX веке // Под знаменем марксизма. 1934. № 4. С. 65.

[25] См. подробнее: *Ахундов М.Д., Баженов Л. Б.* Философия и физика в СССР. М., 1989. С. 35–36, 50–54.

Библиотека "Руниверс"

с критикой культа личности Сталина преподавание диалектического и исторического материализма в Московском университете начало превращаться в преподавание именно философии, а не сводиться к заучиванию трех черт материализма и четырех законов диалектики. К сожалению, после окончания хрущевской «оттепели» процесс «философизации» диамата и истмата замедлился, что и является, как мне представляется, причиной скептического отношения к философии некоторых представителей естественных и гуманитарных наук.

Но судьба философии в Советском Союзе развивалась все же в положительном направлении. Философский факультет МИФЛИ давал относительную свободу в изучении истории философии и постижении философских проблем, а включение МИФЛИ в состав Московского университета в декабре 1941 г. дало возможность и в университете развиваться различным областям философского знания, и бурная, полная дискуссий и «проработок» история развития философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова в послевоенный период свидетельствует о том, что факультет, несмотря на все сложности, давал солидную философскую подготовку и готовил специалистов, способных мыслить свободно, а не только цитировать классиков марксизма-ленинизма и партийные директивы.

Библиотека "Руниверс"

И. Г. Шварц

Н. Н. Поповский

М. Г. Павлов

Н. И. Надеждин

Библиотека "Руниверс"

Т. Н. Грановский

М. Н. Катков

М. М. Троицкий

В. С. Соловьев

Библиотека "Руниверс"

Н. Я. Грот

С. Н. Трубецкой

Л. М. Лопатин

Г. И. Челпанов

Библиотека "Руниверс"

В. Ф. Эрн

Г. Г. Шпет

П. Н. Каптерев

А. С. Ахманов

Библиотека "Руниверс"

Б. С. Чернышев

В. Ф. Асмус

А. Ф. Лосев

Ю. А. Левада

Библиотека "Руниверс"

М. Ф. Овсянников, В. Ф. Асмус, В. В. Соколов

Э. В. Ильенков

Библиотека "Руниверс"

М. К. Мамардашвили

А. А. Зиновьев

И. Т. Фролов

А. Ф. Зотов

Библиотека "Руниверс"

Б. А. Грушин

Г. П. Щедровицкий

Декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова В. В. Миронов со студентами

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
Восстановление философского факультета и его развитие до начала 90-х гг. XX века

Реорганизация факультетов МИФЛИ в факультеты МГУ им. М. В. Ломоносова.— Университет в эвакуации и возвращение в Москву.— Создание кафедры истории русской философии.— Оформление кафедры логики и отделения психологии.— Идеологическая обстановка в послевоенные годы; борьба с космополитизмом.— Роль профессора З. Я. Белецкого.— Хрущевская оттепель и рецидивы прошлого.— «Гносеологи» и борцы с цитатничеством.— Выпускники факультета о преподавателях и преподавании.— Роль профессора В. Ф. Асмуса.— Факультет после смерти Сталина: новые веяния, формирование новых идей.— Выпускники факультета послевоенных лет.— Деканы факультета и развитие его структуры.— Заведующие и преподавательский состав философских кафедр.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. внесла существенные коррективы в жизнь Московского университета. Наступление фашистских войск вынудило коллектив университета оставить Москву. В октябре 1941 г. основной состав университета был эвакуирован в Ашхабад, небольшая часть осталась в Москве, а некоторые подразделения (например Институт им. Штернберга) были эвакуированы в Свердловск[1]. В Ашхабад же был эвакуирован и Московский институт истории, философии и литературы (МИФЛИ). И вот 4 декабря 1941 г. руководство университета получило телеграмму Всесоюзного комитета по высшей школе при СНК СССР (ВКВШ) и Наркомпроса РСФСР о решении реорганизовать факультеты Московского государственного института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского (в 1938 г. в МИФЛИ был создан еще и экономический факультет)

[1] Ныне Екатеринбург.

Библиотека "Руниверс"

в факультеты Московского ордена Ленина государственного университета имени М. В. Ломоносова[2].

На основании этой телеграммы по МГУ им. М. В. Ломоносова был издан Приказ № 29 от 25 декабря 1941 г. за подписью и.о. ректора университета в Ашхабаде М. М. Филатова, в соответствии с которым философский факультет МИФЛИ стал философским факультетом МГУ. И.о. декана философского факультета был назначен И. Г. Каплан (деканом в конце 1942 г. был назначен Г. Г. Андреев), а заместителем декана доцент В. И. Мальцев[3]. Университетская кафедра философии (точнее — кафедра диалектического и исторического материализма, так официально назывались все кафедры философии в вузах СССР) была передана на философский факультет и объединена с соответствующей кафедрой МИФЛИ в единую кафедру. Таким образом философский факультет МГУ стал функционировать в составе двух кафедр: диалектического и исторического материализма (руководитель — проф. И. Г. Каплан) и истории философии (руководитель — проф. Б. С. Чернышев)[4]. При факультете был восстановлен Институт психологии под руководством проф. А. Н. Леонтьева, который перестал функционировать в начале войны.

Но наладить регулярные занятия в Ашхабаде, несмотря на героические усилия коллектива университета, так и не удалось: не было учебных помещений, кадров преподавателей, да и студентов постоянно отвлекали на сельскохозяйственные и другие работы[5].

---

[2] Московскому университету присвоено имя М. В. Ломоносова и он был награжден орденом Ленина в мае 1940 г. в связи со 185-летием со дня основания.

[3] До 1961 г. деканы и заведующие кафедрами не избирались, а назначались и проходили затем утверждение в ЦК ВКП(б) (после XIX съезда КПСС). Выборность деканов факультетов была введена «Положением о высших учебных заведениях», утвержденным Советом Министров СССР 21 марта 1961 г.

[4] См.: Летопись МГУ. Т. 1. М., 2004. С. 442, 443, 447. В 1943 г. кафедру диалектического и исторического материализма возглавил проф. З. Я. Белецкий.

[5] См.: История Московского университета. Т. 2. М., 1955. С. 278–281; Московский университет в Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 40–43.

Библиотека "Руниверс"

Летом 1942 г. руководство университета добилось разрешения переехать всему университету в Свердловск, где для занятий условия были несравненно более подходящие. Осенью 1942 г. на философском факультете была создана кафедра психологии, которую возглавил С. Л. Рубинштейн, получивший в 1942 г. Сталинскую премию второй степени за опубликованную в 1940 г. книгу «Основы общей психологии». 15 октября 1942 г. начались более или менее регулярные занятия на философском факультете. Как вспоминал один из первых студентов факультета Н. Ф. Овчинников, поступивший в МГУ в Свердловске в 1942 г., на первом курсе было пять человек: три студентки и два инвалида войны. Лекции по истории философии на всех курсах читал М. А. Дынник[6].

Летом 1943 г. университет из эвакуации возвратился в Москву, где в коллектив философского факультета влились некоторые студенты МИФЛИ, не покидавшие Москвы в 1941–1943 гг. Н. Ф. Овчинников вспоминает, что, соединившись с москвичами, второй курс факультета стал состоять уже человек из десяти, а в конце войны на курс пришло еще три–четыре человека из бывшего ИФЛИ. Пополнился и коллектив преподавателей. С 1943 г. лекции на факультете читали В. Ф. Асмус, З. Я. Белецкий, Г. М. Гак, П. Я. Гальперин, Ф. И. Георгиев, М. А. Дынник, М. Т. Иовчук, Д. А. Кутасов, А. Ф. Лосев, М. Ф. Овсянников, П. С. Попов, С. Л. Рубинштейн, О. В. Трахтенберг, Б. А. Фохт, Б. С. Чернышев, И. Я. Щипанов и др. Несмотря на то что усилиями З. Я. Белецкого в 1944 г. из университета удалили А. Ф. Лосева, которого Белецкий называл «гегельянцем» и «мистиком» и обвинял в том, что в своем курсе логики он излагает историю философии[7],

---

[6] См.: *Овчинников Н. Ф.* Вспоминая прошлое // Вопросы философии. 1999. № 7. С. 107.

[7] Это признает и В. В. Соколов, который отмечает, что лекции А. Ф. Лосева по курсу логики были насыщены «историко-философски от Платона до Гегеля» (*Соколов В. В.* Некоторые эпизоды предвоенной и послевоенной философской жизни // Вопросы философии. 2001 № 1. С. 76). Этим, кстати, «грешил» и В. Ф. Асмус, о лекциях которого З. А. Каменский пишет: «В этих лекциях по проблемам формальной логики В. Ф. Асмус боль-

Библиотека "Руниверс"

придавая особое значение идеалистическим учениям, состав преподавателей свидетельствует о том, что знания студенты получали основательные (правда, это не значит, что все студенты эти знания усваивали).

Итак, летом 1943 г. университет был возвращен из эвакуации в Москву. А осенью за будто бы антисоветскую пропаганду был арестован декан философского факультета Григорий Георгиевич Андреев[8]. Деканом был назначен Борис Степанович Чернышев, при котором в декабре 1943 г. на базе кафедры истории философии, которой Чернышев руководил еще в МИФЛИ с 1940 г., были созданы кафедра истории русской философии под руководством М. Т. Иовчука[9] и кафедра истории западноевропейской философии, руководителем которой был он сам до своей кончины в 1944 г., а с 1944 г. до 1949 г.— Василий Иосифович Светлов. К кафедре истории русской философии отошла вся проблематика, связанная с историей марксистской философии в России, а на кафедре истории западноевропейской философии остался курс истории философии марксизма, включавший в себя освещение взглядов Маркса и Энгельса. Этот курс очень интересно с 1947 г. стал читать тогда еще доцент Т. И. Ойзерман.

В 1944 г. деканом философского факультета был назначен доцент кафедры диалектического и исторического материализма Дмитрий Алексеевич Кутасов (до 1949 г.). При нем в 1947 г. было оформлено создание кафедры логики под руководством П. С. Попова (до этого преподавание логики осуществляла кафедра диалектического и исторического материализма). В том же 1947 г. на основе кафедры психологии на факультете

шое внимание уделял историко-философским экскурсам» (Философия не кончается... М., 1999. Кн. 2. С. 311). Но такая насыщенность курсов логики историко-философским содержанием как раз и способствовала профессиональному образованию специалистов в области философии, а не пропагандистов политики партии.

[8] Г. Г. Андреев в 1955 г. реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

[9] М. Т. Иовчук в то время занимал ответственный пост в аппарате ЦК ВКП(б), будучи заместителем начальника Управления пропаганды и агитации, и кафедру он возглавлял по совместительству.

Библиотека "Руниверс"

было открыто отделение психологии под руководством заместителя директора Института психологии[10] Бориса Михайловича Теплова, которого вскоре на посту заведующего отделением сменил Алексей Николаевич Леонтьев[11].

По-настоящему развиваться философское образование в Московском университете стало после окончания Великой Отечественной войны. Этому способствовала та обстановка всеобщего подъема, которая складывалась в результате побед на фронтах. С войны приходили молодые люди, обретшие уверенность в себе на полях сражений. И эту уверенность не могли сломить даже развязанные после войны идеологические кампании, призванные, по всей вероятности, убить всякие надежды на реформирование тоталитарного режима.

А обстановка в стране после окончания Великой Отечественной войны была весьма неспокойной. Видимо, из опасения вольнолюбивых настроений в среде победителей в тяжелейшей войне руководство страны постоянно организовывало идеологические кампании, выпускало постановления ЦК ВКП(б), которые обязательно обсуждались на партийных и комсомольских собраниях, «прорабатывались» в творческих организациях, изучались в учебном процессе.

Вот только простой перечень постановлений ЦК партии и массовых идеологических кампаний 1944–1952 гг.:

1944 г.— «О третьем томе истории философии».

1945 г.— «О недостатках в преподавании основ марксизма-ленинизма в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского».

---

[10] Институт психологии в 1944 г. был выведен из состава факультета и передан в Академию педагогических наук РСФСР.

[11] Я не буду касаться существовавших на факультете отделений психологии, научного коммунизма, прикладной социологии, деятельность которых — предмет особый, воздержусь также от освещения деятельности всех подразделений университета, ведущих преподавание философских дисциплин в МГУ. Ограничусь только философским факультетом. (О кафедре философии ИППК МГУ см.: *Платонов Г. В., Недзвецкая Э. А.* Полвека на службе высшей школе // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1999, №№ 5 и 6.)

Библиотека "Руниверс"

1946 г.— «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». «О кинофильме “Большая жизнь”». Решение Секретариата ЦК ВКП(б) о проведении дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии».

1948 г.— «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели». Сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), положившая начало разгрому генетики и борьбе с космополитизмом.

1949 г.— Повсеместное обсуждение по указанию ЦК ВКП(б) редакционных статей газет «Правда» и «Культура и жизнь» «Об одной антипатриотической группе театральных критиков».

1950 г.— На страницах газеты «Правда» статьей А. Чикобавы открыта дискуссия по вопросам языкознания. 20 июня опубликована статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании», затем вышла работа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». «Сталинское учение о языке» включено в учебные программы по общественным наукам.

1951 г.— «О мерах улучшения преподавания общественных наук в высших учебных заведениях».

1952 г.— Обсуждение макета учебника по политической экономии. Опубликована работа Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», изучение которой включено в программу курса политэкономии, который читался на всех факультетах университета и других вузов.

Как видно из перечня постановлений ЦК, такой интенсивной идеологической обработки населения страна не знала даже в зловещие 1937–1938 гг. Проводились всесоюзные дискуссии по философии (1947 г.), языкознанию (1950 г.), политической экономии (1951 г.). 1946–1953 гг. были отмечены такими массовыми идеологическими кампаниями, каких страна не знала даже в 30-е гг.: борьба против космополитизма, против вейсманизма-морганизма, всеобщая одуряющая «проработка» сталинских сочинений по вопросам языкознания и экономическим проблемам социализма, травля «врачей-убийц» и т. п.

Все это не могло не сказываться на учебном процессе. Особенно остро, с кадровыми перестановками, переживался на фа-

Библиотека "Руниверс"

культете период борьбы с космополитизмом, который достиг своего пика в 1949 г. На партийных собраниях факультета обсуждался, например, такой «философский» вопрос: сколько евреев на каждой кафедре, ибо в каждом еврее виделся скрытый космополит и антипатриот. В 1949 г. был освобожден от заведования кафедрой психологии Сергей Леонидович Рубинштейн, книгу которого «Основы общей психологии», удостоенной Сталинской премии, обвиняли в антимарксизме, уволен с факультета профессор Григорий Моисеевич Гак. Обвиняли в идеализме В. Ф. Асмуса, поскольку приклеить к нему кличку космополита не получалось. П. В. Таванец, например, обвинял Асмуса в том, что, излагая формальную логику, тот «игнорирует совершенно работы русских материалистов-философов». И вообще «Логика» Асмуса от начала до конца — пропаганда идеализма, «образец несовершенства в работе» и «эклектическая похлебка идей» [12].

Обстановка в стране складывалась такая, что заставляла не только каяться в несуществующих грехах, но и возводить напраслину на других. Эту обстановку очень ярко характеризует письмо выпускника философского факультета Е. М. Вейцмана, без всяких причин уволенного из Института философии в 1949 г. Это письмо, адресованное Сталину, приводят в своей статье Г. С. Батыгин и И. Ф. Девятко. «Еще будучи аспирантом философского факультета Московского университета,— пишет Е. Вейцман,— в феврале 1948 г. я выступил на заседании Ученого совета философского факультета, на котором обсуждался журнал “Вопросы философии”, № 2. В своем выступлении на этом заседании я коснулся статьи З. А. Каменского “О традиции в русской материалистической философии” [13]. <...> Однако, несмотря на то, что я не ставил тогда своей задачей подробного разбора статьи Каменского, что она не занимала в моем выступлении значительного места и что я обратил внимание

[12] Цит. по: *Батыгин Г., Девятко И.* Пятый пункт основного вопроса философии. Эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 3. С. 112.

[13] Кстати, очень содержательная статья, подвергающая критике взгляды М. Т. Иовчука и И. Я. Щипанова. А Захар Абрамович Каменский в том же 1949 г. был уволен из Института философии.

Библиотека "Руниверс"

только на некоторые, в общем правильные мысли, я считаю свое выступление объективно неправильным, ошибочным, так как за громкими фразами о "материалистических традициях", за провозглашением необходимости увязывать традиции в русской философии с социально-политическими, классовыми условиями русской действительности,— я не сумел разглядеть вредной сущности всей статьи в целом. Впоследствии, в процессе моей аспирантской учебы, мне пришлось познакомиться с другими работами Каменского, и я по-иному оценил его статью в журнале "Вопросы философии". Я убедился, что его точка зрения неправильна, антинаучна и что его статья, которую я раньше считал интересной и содержащей некоторые ценные мысли, является явно космополитической, антимарксистской, принижающей значение русской классической философии, делающей русских мыслителей простыми учениками западных буржуазных философов» [14].

Вот до какого состояния доводила людей борьба с космополитизмом!

Да что покаяния несчастного Вейцмана.

Обстановка в стране в 1948–1953 гг., заставлявшая каяться в несуществующих грехах простых смертных, вынуждала к покаянию и руководителей различного ранга. Даже такого уровня руководитель как начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров заставлял себя писать покаянные письма Сталину и Жданову, осуждая собственные взгляды. Так, после философской дискуссии 1947 г. Г. Ф. Александров писал: «После указаний Сталина, после философской дискуссии я самым пристальным образом пересмотрел то, как и о чем писал все эти пятнадцать лет. Я вполне сознаю, что не поправь меня Центральный Комитет по теоретическим вопросам, мало пользы было бы от меня как профессионального философа для партии» [15].

---

[14] Цит. по: *Батыгин Г. С., Девятко И. Ф.* Еврейский вопрос: хроника сороковых годов // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 2. С. 149.

[15] Цит. по: *Косичев А. Д.* Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2003. С. 224–225.

Библиотека "Руниверс"

В последние годы жизни Сталина учебный процесс на факультете был заполнен изучением «гениальных произведений» «гениального продолжателя дела Ленина». С 1950 г. на семинарских занятиях изучалась работа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». С 1952 г. новая работа Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» была поставлена в центр учебного процесса.

Но все это наступление на свободу мысли и даже многочисленные аресты, в том числе и студентов факультета, не могли остановить того духовного подъема, который был вызван освободительной войной против фашизма. Не случайно именно в первые послевоенные годы на факультете выросли такие «смутьяны», всколыхнувшие философскую мысль, как «гносеологисты» Э. В. Ильенков и В. И. Коровиков, как А. А. Зиновьев и Б. А. Грушин, выдвинувшие свое понимание логики «Капитала», как Г. П. Щедровицкий, предложивший свою концепцию логики.

Все это «вольнодумство» вырастало, конечно, не только из «победных настроений». В послевоенные годы на факультете работала довольно значительная группа профессоров еще старой дореволюционной школы, которая сумела передать свои знания и свое уважение к профессионализму новому поколению.

Но несмотря на солидный и авторитетный состав профессуры, идейную обстановку на факультете фактически определял заведующий кафедрой диалектического и исторического материализма профессор Зиновий Яковлевич Белецкий, который даже не имел ученых степеней (в 1925 г. он окончил медицинский факультет МГУ, а в 1929 г. естественное отделение Института красной профессуры, выпускникам которого присваивали ученое звание «профессор»). О роли З. Я. Белецкого не только на факультете, но и в философской жизни в стране писали в последние годы многие [16], в свою очередь хочу добавить

[16] См.: *Батыгин Г., Девятко И.* 1) Дело академика Г. Ф. Александрова: эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 1; 2) Дело профессора З. Я. Белецкого. Эпизод из истории советской философии // Свободная мысль. 1993. № 11; *Кессиди Ф.Х.* О феномене З. Я. Белецкого // Филос. науки. 1997. № 2;

Библиотека "Руниверс"

некоторые штрихи к его портрету, чтобы яснее понять, почему он пользовался авторитетом у студентов.

Я поступил на философский факультет в 1947 г., когда имя З. Я. Белецкого уже получило широкую известность. Это был небольшого роста горбатый человек с острыми чертами лица. Из-за кафедры обычно выглядывала только его голова. Лекций студентам он, как правило, не читал, а вел занятия с аспирантами, но на факультетских собраниях, заседаниях Ученого совета выступал часто, и студенты были знакомы со взглядами этого профессора, который обычно страстно громил всякого рода идеалистов и исказителей марксизма. На факультете ходила такая байка о его выступлении на одном из заседаний то ли Ученого совета факультета, то ли какого-то собрания, проходившего в круглом зале факультета. Факультет занимал тогда второй этаж левого крыла старого здания МГУ, третий этаж над нами занимали филологи. Круглый зал выходил окнами на Моховую улицу и улицу Герцена (ныне Большая Никитская). И вот З. Я. Белецкий при обсуждении вопроса об объективной истине будто бы вышел из-за кафедры, подошел к открытой форточке и, простирая руку в ее сторону, картинно провозгласил: «Вот объективная истина!» Дело в том, что он считал извращением марксизма точку зрения, которая рассматривала объективную истину как верное отражение в сознании объективной реальности. С его точки зрения, истина есть то, что человек познает. Ведь мы познаем объективную истину, следовательно, истина есть не отражение в сознании внешнего мира, а сам внешний мир как объект познания. При доказательстве своей точки зрения Белецкий умело использовал некоторые высказывания В. И. Ленина,

---

Косичев А. Д. Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2003; *Михайлов Ф. Т.* Он сам — целая школа // Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков. М., 1997; *Митрохин Л. Н.* Из бесед с академиком Ойзерманом // Вопросы философии. 2004. № 5; *Овчинников Н. Ф.* Вспоминая прошлое; *Соколов В. В.* Некоторые эпизоды предвоенной и послевоенной философской жизни (из воспоминаний) // Вопросы философии. 2001. № 1.

Библиотека "Руниверс"

например, его слова: «Признавать объективную, т.е. независящую от человека и от человечества истину, значит так или иначе признавать абсолютную истину» (т. 18, с. 134–135). Но если истина не зависит от человека и человечества, значит, она находится вне человека, т. е. представляет собой объективную реальность, а вот отражение этой объективной реальности в сознании субъекта дает субъективную истину. Причем Белецкий редко прибегал к доказательству своей точки зрения с помощью цитирования классиков марксизма, он предпочитал собственные рассуждения и этим привлекал студентов и аспирантов, заставляя и их на занятиях рассуждать, а не ссылаться на цитаты. Об этом очень верно пишет Ф. Х. Кессиди[17]. Не случайно сторонниками З. Я. Белецкого стали такие талантливые аспиранты, а затем и преподаватели, как А. И. Вербин, Ш. М. Герман, В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон, Д. И. Кошелевский, Е. А. Куражковская и др.

В Белецком привлекала его страстная уверенность в своей правоте. Он обвинял в антимарксизме философское руководство страны и в то же время не стеснялся подвергать сомнению истинность некоторых высказываний классиков марксизма. Все явления общественной жизни он рассматривал как проявления классовой борьбы и был уверен, что сам является наиболее верным истолкователем интересов пролетариата. Вся идеология эксплуататорских классов, с его точки зрения, направлена на искажение истинной картины мира, а пролетарская идеология, выражая интересы трудящихся масс, напрямую вытекает из классового сознания пролетариата и потому не может быть искажением действительности. Идеалистическую философию он трактовал как отражение интересов эксплуататорских классов, а потому она не может быть средством осмысления реальности. Только материалистические учения достойны изучения, ибо в них содержится зерно истины. А вообще-то, с точки зрения Белецкого, изучения достойна только марксистская философия, которая отражает интересы пролетариата, класса, призванного покончить с эксплуатацией и угнетением

---

[17] См.: *Кессиди Ф.Х.* О феномене З. Я. Белецкого. С. 91–92, 94.

Библиотека "Руниверс"

трудящихся. Поэтому к изучению истории философии он относился скептически.

З. Я. Белецкий постоянно критиковал философские позиции философского руководства страны: начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова, философов-академиков М. Б. Митина, П. Ф. Юдина и др. По его письму Сталину, в котором он раскритиковал позиции авторов третьего тома «Истории философии» за некритическое, как утверждал Белецкий, отношение к немецкой классической философии, было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б), осуждающее авторов тома. По его же письму тоже И. В. Сталину ЦК ВКП(б) принял решение об обсуждении книги Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии». А. Д. Косичев пишет в связи с этим, что такое внимание к письмам простого заведующего кафедрой Московского университета заключалось, видимо, в том, «что Сталину больше импонировали идеи Белецкого, чем взгляды Александрова по анализу философии Гегеля» [18]. Мне же представляется, что выступления заведующего кафедрой против руководства, как тогда говорили, «философского фронта» страны позволяли Сталину держать в напряжении тех, кто, казалось бы, ни от кого не зависел и никого не боялся. Сталину нужно было держать в ожидании ареста всех руководителей всех отраслей науки и промышленности. С помощью страха он добивался абсолютного подчинения и не допускал независимого поведения руководителей любого ранга. А то, что обвинение в антимарксистских взглядах могло привести не только к снятию с руководящих постов, но и к арестам, ни у кого тогда сомнений не вызывало. Ведь были же объявлены врагами народа и арестованы преподаватели диалектического и исторического материализма Московского университета С. С. Гольдентрихт и Д. Ф. Козлов, которые ничего противозаконного не совершили. Да и студенты университета вдруг бесследно исчезали, и даже спрашивать об их судьбе было небезопасно. Так что письма З. Я. Белецкого с обвинениями в антимарксизме руководящих деятелей «философского фронта» нужны были Сталину не из-

[18] *Косичев А. Д.* Философия, время, люди. С. 104.

Библиотека "Руниверс"

за их философского содержания, а как инструмент давления на своих верных сатрапов. И З. Я. Белецкий нужен был Сталину именно как критик философского руководства. Вот почему до смерти Сталина все противники Белецкого, а их на факультете было немало, ничего не могли сделать со строптивым профессором, несмотря на все решения партийных собраний, деканата и ректората МГУ. Только в 1955 г. Белецкого все же вынудили уйти из университета.

Даже после смерти Сталина обстановка на факультете изменилась не сразу. Очень многим памятны события 1955 г. вокруг обсуждения на Ученом совете факультета тезисов молодых преподавателей кафедры истории западноевропейской философии Э. В. Ильенкова и В. И. Коровикова о предмете философии. Опираясь на высказывания Ф. Энгельса, которые цитировал и В. И. Ленин, о том, что за философией остается только учение о законах процесса мышления, логика и диалектика, Ильенков и Коровиков подвергли сомнению существовавшее мнение о философии как учении о мире в целом, за что получили кличку «гносеологи». К сожалению, серьезного и вдумчивого обсуждения тезисов на Ученом совете не получилось. Видимо, страх перед аппаратом ЦК партии сидел достаточно глубоко, и напуганные выводом комиссии отдела науки при ЦК и МГК КПСС, которая в своей справке обстановку на факультете окрестила как антимарксистскую, члены Ученого совета подвергли Э. В. Ильенкова и В. И. Коровикова разносной критике, в которой не было ни анализа точки зрения молодых преподавателей, ни попыток разобраться в проблеме по существу. В результате факультет лишился двух талантливых и перспективных преподавателей, ибо В. И. Коровиков вообще порвал с философией, а Э. В. Ильенков вынужден был уйти в Институт философии [19].

В эти же годы факультет лишился еще нескольких творчески мыслящих преподавателей и аспирантов. Вдохновленные хрущевской «оттепелью» аспиранты кафедры истории русской

[19] См.: *Коровиков В. И.* Начало и первый погром // Вопросы философии. 1990. № 2; *Косичев А. Д.* Философия, время, люди. С. 243–249.

Библиотека "Руниверс"

философии Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак, Л. А. Филиппов и поддержавшие их молодые преподаватели кафедры Г. С. Арефьева, В. Н. Бурлак и прошедший войну и получивший серьезное ранение И. М. Панюшев выступили против фальсификации истории русской философии заведующим кафедрой И. Я. Щипановым. Досталось и М. Т. Иовчуку за искажение цитат путем выдергивания их из контекста и толкования, которое противоречит фактическому смыслу. Карякин, Плимак и Филиппов выступили со статьей в журнале «Вопросы истории»[20], а затем подвергли обстоятельному критическому разбору «Очерки истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» во время их обсуждения в редакции журнала «Вопросы истории»[21]. Молодые «бунтари» и в этом случае потерпели поражение, как несколько лет спустя потерпел поражение Ю. А. Левада, одним из первых начавший осваивать современные методы социологии и уже в послехрущевскую эпоху лишенный за «пропаганду буржуазной науки» профессорского звания и возможности вести преподавательскую работу[22]. Старые кадры сидели крепко, занимали ключевые посты, обросли нужными связями, и победить их в открытой научной полемике было невозможно. В результате все трое (Карякин, Плимак, Филиппов) покинули кафедру без защиты диссертаций, а молодые преподаватели вынуждены были оставить кафедру и уйти с факультета.

Сейчас как-то даже трудно себе представить, как в той атмосфере строжайшего идеологического контроля, подкрепляемого репрессивными акциями всесильного ведомства Берии, могли формироваться самостоятельно мыслящие, творчески активные специалисты, посвятившие свою жизнь не идеологическим разоблачениям, а серьезным философским исследованиям. Ведь именно в те послевоенные годы на факультете выросло поколе-

[20] См.: *Карякин Ю., Плимак Е., Филиппов Л.* О произвольном обращении с источниками // Вопросы истории. 1955. № 9.

[21] Вопросы истории. 1956. № 6.

[22] См.: Обсуждение курса лекций Ю. А. Левады по социологии // Философские науки. 1970. № 3. С. 178–185.

Библиотека "Руниверс"

ние философов, которые реально двинули вперед философию, избавив ее от начетничества, пронизывавшего работы советских академиков М. Б. Митина, В. Ф. Константинова и некоторых других (из числа которых следовало бы исключить академика Б. М. Кедрова).

Несмотря на идеологический контроль за факультетом со стороны ЦК партии и схоластический характер философских споров на факультете в первые годы его существования (например, Ф. Т. Михайлов приводит в своей статье эпизод о споре вокруг запятой во фразе В. И. Ленина об объективной истине[23]), философский факультет давал основательные знания философских проблем, главным образом благодаря изучению произведений классиков философии. Такое внимание к изучению произведений выдающихся философов прошлого было в основном на кафедрах истории западноевропейской философии и логики, где в числе преподавателей были профессора еще старой дореволюционной выучки (например, на кафедре логики в послевоенные годы работали Валентин Фердинандович Асмус, Александр Сергеевич Ахманов, Павел Сергеевич Попов, на кафедре истории западноевропейской философии — Михаил Александрович Дынник, Орест Владимирович Трахтенберг, на кафедре психологии — Александр Романович Лурия, Сергей Леонидович Рубинштейн). На факультет пришли прошедшие войну «ифлийцы» — В. П. Калацкий, М. Я. Ковальзон, Д. И. Кошелевский, В. И. Мальцев, И. С. Нарский, Т. И. Ойзерман, В. В. Соколов. Значительное влияние на формирование философски грамотных специалистов оказывали пришедшие на факультет «со стороны» такие преподаватели, как Е. К. Войшвилло, П. Я. Гальперин, Ф. И. Георгиев, Ю. К. Мельвиль, М. Ф. Овсянников.

Как вспоминал В. И. Коровиков, в 1950 г. окончивший факультет и после защиты в 1953 г. диссертации оставленный на кафедре истории западноевропейской философии для преподавательской работы, условия для утоления жажды

[23] См.: *Михайлов Ф. Т.* Он сам — целая школа // Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков. М., 1997. С. 147.

Библиотека "Руниверс"

знаний, «по крайней мере на нашей кафедре, были вполне приличными. <...> Со студенческой скамьи у нас была возможность черпать знания из первоисточников, осмысливать их богатства, а не пробавляться пособиями и учебниками конъюнктурного, пропагандистского толка»[24].

О тех возможностях приобретения знаний, которые давал факультет, говорит и такой свидетель, которого трудно заподозрить в приукрашивании ситуации. Я имею в виду выпускника 1952 г., эмигрировавшего в 1973 г. и ставшего профессором Лондонского университета А. М. Пятигорского. В интервью В. Н. Садовскому он говорит, что, несмотря на то, что философский факультет был самым идеологическим, самым контролируемым со стороны ЦК партии, КГБ и других организаций факультетом, «вот в этом самом догматическом из всех возможных мест уровень предлагаемого тебе образования был чрезвычайно высок... Конечно, большинство студентов приходило на факультет и оставляло его феноменально необразованными, но, тем не менее, им предлагался высокий уровень философского образования. Поэтому те студенты, которые хотели учиться, хотели запоминать и хотели (а таких было меньшинство) понимать — они могли многое получить». «Работая в последние годы в Англии, я познакомился с английским стилем философского образования. У меня есть и небольшой западногерманский и американский опыт в этом отношении. И вот, сравнивая уровни философского образования сегодня в Европе и США с тем, что было у нас тогда, я хочу сказать, что у нас были хорошие преподаватели»[25]. А. М. Пятигорский отмечает, что были, конечно, и очень плохие преподаватели,

---

[24] *Коровиков В. И.* Начало и первый погром // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 65.

[25] *Пятигорский А., Садовский В.* Как мы изучали философию. Московский университет. 50-е годы // Свободная мысль. 1993. № 2. С. 43, 44. Подробнее см.: *Садовский В. Н.* Философия в Москве в 50-е и 60-е годы. (Некоторые соображения о философии и философском образовании в первые послевоенные десятилетия) // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 147–164.

Библиотека "Руниверс"

но желающие получить знания эти знания на факультете имели возможность приобрести.

Конечно, существенное значение имело и то, что послевоенное поколение молодежи, несмотря на полуголодное существование, активно, даже страстно, стремилось к знаниям. Этому поколению нужны были не «корочки» диплома, а знания, которые помогали бы разбираться в реалиях жизни.

Многие студенты, пришедшие на философский факультет после войны, уже имели за плечами суровую школу армейской военной жизни, и к учебе они относились серьезно, хорошо понимая значение знаний в жизни. Среди этого контингента учащихся можно назвать В. Ж. Келле, П. В. Копнина, А. М. Ковалева, С. Ф. Анисимова, С. Р. Микулинского, В. В. Богатова, А. П. Бутенко, Э. В. Ильенкова, В. И. Коровикова, Д. М. Угриновича, М. Н. Грецкого, А. А. Зиновьева, В. А. Малинина, И. С. Тимофеева, В. И. Мишина, И. Г. Иванова, О. В. Лапшина, С. И. Попова, Е. Г. Плимака, В. Фролова и многих других, которые задавали тон на факультете, на которых равнялись недавние выпускники школ, ни в чем не желая уступать старшим товарищам и стремясь критически, творчески осваивать преподносимый им на лекциях и семинарах материал.

Как вспоминает академик РАН Л. Н. Митрохин, учившийся на факультете (включая аспирантуру) в 1948–1956 гг.: «В 50-е годы основным рассадником "ересей" оставался философский факультет МГУ. <...> В это время группа молодых философов (А. А. Зиновьев, Э. В. Ильенков, Б. А. Грушин, М. К. Мамардашвили) предложила и разработала особую концепцию диалектики и логики <...>. С 1954 г. на философском факультете активно работал спецсеминар Э. В. Ильенкова (В. А. Лекторский, Г. С. Батищев, Л. Н. Науменко, В. М. Межуев и др.), возникла целая "ильенковская школа", нашедшая последователей во многих университетах на периферии»[26].

А вот что пишет о ситуации на факультете выпускник следующего года, безвременно ушедший из жизни известный специа-

[26] *Митрохин Л.Н.* «Докладная записка» 74 // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 49–50.

Библиотека "Руниверс"

лист в области логических исследований В. А. Смирнов, который был студентом факультета в 1949–1954 гг.: «Преподавание на философском факультете было удручающим: все до предела заидеологизировано, во всем усматривались происки классового врага и мирового империализма. Диалектический материализм преподавался по четвертой главе "Краткого курса истории ВКП(б)". *Но и в этих условиях, несмотря ни на что, сформировалась целая плеяда думающих философов»* (подчеркнуто мной.— *А. П.*)[27].

Конечно, формирование творчески мыслящих, критически относящихся к изучаемому материалу специалистов происходило не само собой, не только благодаря личным качествам студентов. В этом процессе огромную роль играли работавшие на факультете профессора старой, еще дореволюционной закалки, а также пришедшие с войны молодые преподаватели, еще до войны воспринявшие свободный дух, существовавший в МИФЛИ. В первую очередь все учившиеся в послевоенные годы отмечают благотворное воздействие на них Валентина Фердинандовича Асмуса. Именно В. Ф. Асмус вел семинары, на которых сформировалась целая плеяда ныне известных философов. «В 1952–1953 гг.,— пишет В. А. Смирнов,— Валентин Фердинандович провел спецкурс — спецсеминар под названием "Логика эпохи рационализма и эмпиризма". В работе этого спецсеминара – спецкурса участвовали мои однокурсники Е. Д. Смирнова, Ф. Т. Михайлов, И. Б. Михайлова, В. М. Козлов, я, а также студенты старшего курса Г. П. Щедровицкий и Л. Н. Митрохин. <...> Были изучены произведения Галилея, Бэкона, Декарта, Локка, Юма, Лейбница <...> В следующем 1953/1954 учебном году Валентин Фердинандович предложил спецкурс — спецсеминар под названием "Логика эпохи империализма". Несмотря на одиозное название, это было серьезное изучение философии и логики конца XIX и начала XX в. <...> Мы делали доклады по доступным нам произведениям Гуссерля, Риккерта, Кассирера, Пуанкаре и др. Валентин Фердинандович излагал нам идеи логиков и философов, чьи про-

[27] Философия не кончается... М., 1999. Кн. 2. С. 481.

Библиотека "Руниверс"

изведения нам были недоступны»[28]. Так же высоко оценивает роль В. Ф. Асмуса в приобщении студентов к современной проблематике А. Л. Субботин. «1947–1949 гг.,— пишет он,— можно считать переломными в логическом образовании на философском факультете МГУ, которое до этого в общем ограничивалось проблематикой, содержащейся в "Учебнике логики" для гимназий Г. И. Челпанова. <...> Лекции по логике отношений В. Ф. Асмуса, как и лекции по математической логике, которые в то время читала на философском факультете С. А. Яновская (профессор механико-математического факультета.— *А.П.*), стали первым прорывом небольшой, лишь снисходительно допускаемой официальной идеологией части нашей философии к действительно современной научной проблематике»[29]. А вот курс символической логики, который Софья Александровна Яновская начала читать в осеннем семестре 1946 г. вскоре был запрещен как «буржуазная лженаука», и руку к этому приложил опять-таки З. Я. Белецкий, усмотревший в этом курсе «идеалистические извращения».

И в той чрезвычайно напряженной идеологической обстановке В. Ф. Асмус все же умудрялся доносить до своих слушателей идеи, которые формировали способность философски осмысливать сложные научные проблемы, критически относиться к существующим точкам зрения на тот или иной вопрос. Характеризуя В. Ф. Асмуса как лектора, Т. И. Ойзерман так описывает стиль его чтений: «В. Ф. Асмус как лектор не пытался уснащать свои лекции какими-либо забавными, анекдотического свойства, подробностями. Он читал спокойно, несколько даже суховато, постоянно ссылаясь на источники, в том числе и на новейшую зарубежную литературу вопроса. Такие основательные (я бы сказал даже специальные) лекции по философии, собственно, и нужны на философском факультете. Они стимулируют серьезное изучение трудов классиков философии и оказываются необходимыми, полезными для тех, которые уже преуспели в этом изучении. <...> Лекции В. Ф. Асмуса

[28] Там же. С. 316.
[29] Там же. С. 323.

Библиотека "Руниверс"

были рассчитаны на подготовленных слушателей. Он говорил, например, о Канте или Фихте так, как будто слушатели уже знакомы с их произведениями и испытывают потребность уяснить наиболее важные и трудные для понимания положения. Слушатели как бы вовлекались в обсуждение проблем, приглашались тем самым к более основательному, глубокому их изучению»[30].

После смерти Сталина философский факультет Московского университета смог быстрее оправиться от давления партийной идеологии, чем философские учреждения, не имевшие в своем составе такой мощной молодежной прослойки. Вспоминая то время, Г. П. Щедровицкий говорил, что «философский факультет даже в ту эпоху все равно выполнял свою функцию и был центром инновационных процессов, центром всевозможных нововведений. Именно те, кто кончал философский факультет Московского университета в 1951–1955 гг., кто начал свою деятельность на этом переходном рубеже между сталинским и послесталинским периодами, должны были по самой ситуации вырабатывать какие-то новые ценностные ориентации, новые цели и прокладывать новые пути»[31]. О существовавших в те годы настроениях на философском факультете очень точно говорит в своих работах Л. Н. Митрохин. Он, например, приводит слова В. А. Лекторского, который, характеризуя обстановку на философском факультете в те годы, в беседе с Л. Н. Митрохиным отмечал, «что в 1954–1955 гг. на философском факультете МГУ происходили поистине революционные изменения, в результате которых он стал центром развития философии в нашей стране. Главная заслуга в этом <...> принадлежала Э. В. Ильенкову и А. А. Зиновьеву — двум молодым преподавателям, которые стали возмутителями философского спокойствия и повели за собою молодежь. Тематика их диссертаций <...> может показаться весьма специальной.

[30] Там же. С. 302. Т. И. Ойзерман говорит о времени, когда В. Ф. Асмусу разрешили перейти с кафедры логики на кафедру истории западно-европейской философии, т. е. о времени после 1954 г.

[31] *Щедровицкий Г. П.* Я всегда был идеалистом... М., 2001. С. 231.

Библиотека "Руниверс"

В действительности же речь шла о формулировании новой философской проблематики и об оппозиции целому ряду догм официального диамата и истмата»[32].

Об особой духовной атмосфере на факультете в те годы говорят многие выпускники тех лет. Например, один из ведущих специалистов в области методологии научного знания В. С. Швырев, вспоминая годы учебы на факультете, говорит: «Примерно с 1954 г. на философском факультете МГУ были две группы, которые значительно определили дальнейшее развитие нашей философии,— в той мере, в какой она вышла за рамки официозной и стала конструктивной и творческой. Это группа Э. В. Ильенкова и группа А. А. Зиновьева, Г. П. Щедровицкого и Б. А. Грушина, к которой впоследствии примкнул М. К. Мамардашвили. Они составляли как бы первый эшелон, который пытался выйти за рамки официозной философии и был ориентирован на конструктивную, не догматическую философскую мысль. <...> Изучение двух диссертаций — Э. В. Ильенкова и А. А. Зиновьева, споры вокруг них, восприятие их идей как программных установок передового философского исследования в значительной степени повлияло на формирование взглядов большой группы вступающих в философскую жизнь моих товарищей, к сообществу которых принадлежал и я»[33].

Споры в студенческой и аспирантской среде, конечно, очень развивали способности мыслить и аргументированно отстаивать свои взгляды. Но определенное влияние на формирование профессионализма оказывали и преподаватели (к сожалению не все). Э. Ю. Соловьёв отмечал: «Я с благодарностью вспоминаю лекции Т. И. Ойзермана, семинары М. Ф. Овсянникова и В. В. Соколова, почти немыслимый для середины 50-х годов курс психологии, который читал П. Я. Гальперин. Но первым из всех, я, конечно, должен назвать Э. В. Ильенкова, работавшего

---

[32] *Митрохин Л.Н.* О феномене А. А. Зиновьева // Вопросы философии. 2007. № 4. С. 81–82.

[33] Берега рациональности. Беседа с В. С. Швыревым // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 114.

Библиотека "Руниверс"

и преподававшего под негласным девизом “назад к Марксу”. <...> Для его учеников было аксиомой, что философия — это прежде всего основательное историко-философское знание. Вокруг Ильенкова сплотились такие известные впоследствии философы, как Г. С. Батищев, Ю. Н. Давыдов, П. П. Гайденко, К. Н. Любутин»[34].

Все эти свидетельства той творческой атмосферы, которая существовала в довольно большой среде аспирантов, студентов и молодых преподавателей, не исключают того печального обстоятельства, что преодоление тягостной обстановки идеологического прессинга происходило очень медленно и не сразу привело к созданию на факультете атмосферы свободных творческих дискуссий и спокойного освоения всего богатства философских идей и направлений. Л. Н. Митрохин справедливо отмечает, что «были на факультете и другие молодые специалисты (кроме А. А. Зиновьева и Э. В. Ильенкова названых выше.— *А. П.*), особенно среди недавних фронтовиков, которые ясно видели, какая затхлая обстановка царила на факультете в последние годы жизни Сталина и какие неимоверные усилия прилагало его руководство к тому, чтобы навсегда сохранить эту атмосферу скудоумия, цитатничества, идеологических доносов. Но именно Ильенков и Зиновьев выступили в роли таранов, пробивших брешь в зловещем монолите догматизма и двоемыслия и шли до конца»[35].

Оценивая роль журнала «Вопросы философии» в оздоровлении философской жизни в стране, В. Н. Садовский справедливо замечает, что в 50-е гг. философский факультет Московского университета «был гораздо более прогрессивным учреждением по сравнению, например, с Институтом философии»[36], и именно выпускники философского факультета МГУ и его аспиранты подняли журнал на ту высоту, которая

---

[34] «Просторное слово авторитетов». Беседа с Э. Ю. Соловьёвым // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 82.

[35] *Митрохин Л. Н.* О феномене А. А. Зиновьева. С. 82.

[36] *Садовский В. Н.* «Вопросы философии» в шестидесятые годы // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 37.

Библиотека "Руниверс"

сделала именно его, а не академические учреждения центром философской жизни в стране. Если мы посмотрим список выпускников философского факультета МГУ, работавших в «Вопросах философии» в 50-е гг., то увидим, что для многих из них журнал стал трамплином, с которого они поднялись к вершинам философского творчества. Это Э. А. Араб-оглы, А. Г. Арзаканян, Н. Б. Биккенин, И. В. Блауберг, Г. Н. Волков, Л. И. Греков, Н. И. Лапин, М. К. Мамардашвили, В. С. Марков, В. М. Михкалев, Ю. Б. Молчанов, И. Б. Новик, А. П. Огурцов, Б. С. Пышков, В. Н. Садовский, Э. Ю. Соловьёв, А. Л. Субботин, Е. Т. Фаддеев, И. Т. Фролов, А. Я. Шаров. А когда И. Т. Фролов в 1968 г. сменил М. Б. Митина на посту главного редактора, то руководящие посты в журнале заняли выпускники философского факультета М. К. Мамардашвили, Л. И. Греков, Б. А. Грушин, А. А. Зиновьев, В. Ж. Келле, В. А. Лекторский, Л. Н. Митрохин. А другой выпускник факультета — П. В. Копнин стал директором Института философии АН СССР[37].

Такой подбор кадров свидетельствует о высоком уровне подготовки студентов и аспирантов на философском факультете МГУ. Ведь кроме МГУ философские кадры «ковались» и в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, и в Академии общественных наук при ЦК КПСС, и в Высшей партийной школе МК и МГК КПСС, существовала философская аспирантура в Институте философии АН СССР, во многих вузах Москвы. Но все же философский факультет Московского университета давал более фундаментальную подготовку, и среди отечественных специалистов в области философских наук, достигших общемирового уровня, мы видим больше всего выпускников философского факультета МГУ.

А. Д. Косичев приводит в своей книге сведения идеологического управления КГБ СССР о том, что философский факультет МГУ больше всех других факультетов дает диссидентов[38]. Это, на мой взгляд, свидетельствует только о том, что философский факультет, точнее, философия как особый род духовной

[37] См.: там же. С. 37–38; Митрохин Л. Н. «Докладная записка» — 74. С. 49.
[38] *Косичев А. Д.* Философия, время, люди. С. 200.

Библиотека "Руниверс"

деятельности воспитывает свободомыслие. М. К. Мамардашвили по этому поводу замечает: «Я жаждал внутренней свободы, и философия оказалась тем инструментом, который позволил мне ее добиться». Но ведь свободомыслие неотделимо от критического отношения к действительности, что является основой творческого процесса. Ведь творчество невозможно без критического отношения к существующему. Пассивное некритическое восприятие данного губит творческие порывы, формирует приспособленческое поведение. Но свободомыслие вовсе не означает враждебной деятельности по отношению к государству или общественному строю. «Не всякая критика коммунизма есть антикоммунизм,— замечает А. А. Зиновьев.— <...> Не всякая критика Советского Союза есть антисоветизм <...>. Я был противником этого общества, но в качестве члена этого общества, не имеющего желания его разрушать и даже причинять ему ущерб» [39].

К сожалению, власть предержащие понять это не могли. С точки зрения партийного руководства, любое расхождение во взглядах означало покушение на основы государственного строя и требовало приведения разномыслия к одномыслию, к слепой поддержке любых самых нелепых действий власти. В справке отдела науки и культуры ЦК КПСС, составленной в 1955 г. по результатам проверки комиссией идеологической обстановки на философском факультете, с осуждением говорится, что «среди неустойчивой, марксистски слабо подготовленной части студентов, аспирантов и преподавателей стало модным критиканство и демагогия. На факультете появилось мнение, что наличие многочисленных разногласий и точек зрения является положительным фактором, свидетельствующим не о застое, а о жизни и творчестве в философской науке» [40]. А в «марксистски слабо подготовленные» зачислены Э. В. Ильенков и В. И. Коровиков, которые именно с марксистских позиций пытались решать любые вопросы философии, в частности вопрос о предмете философии.

---

[39] *Зиновьев А. А.* Формула жизни // Феномен Зиновьева. М., 2002. С. 14.

[40] Цит. по: *Косичев А. Д.* Философия, время, люди. С. 242.

Библиотека "Руниверс"

В середине 50-х гг. обстановка на факультете под влиянием перемен, происходивших в стране, стала понемногу меняться. Наконец-то удалось убрать с факультета непримиримого борца против идеализма — З. Я. Белецкого, В. Ф. Асмусу разрешили перейти с кафедры логики на «идеологическую» кафедру истории западноевропейской философии, которая в 1957 г. была переименована в кафедру истории зарубежной философии. На кафедре появился курс критики современной буржуазной философии, что позволило теперь уже совершенно легально знакомить студентов с произведениями зарубежных философов XX столетия. На кафедре истории русской философии, которая с 1955 г. стала называться кафедрой истории философии народов СССР, появились отдельные лекции и спецкурсы, рассматривающие философские взгляды русских философов идеалистического направления — Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьёва, славянофильство получило более взвешенную оценку и т. п. Курсы философских проблем естествознания, которые читали преподаватели кафедры диалектического материализма, стали знакомить студентов с современными проблемами естественных наук, еще недавно трактуемыми как результат влияния идеалистической буржуазной философии. Вообще очень медленно, с трудом преодолевая идеологические штампы сталинской эпохи, философия приобретала современное звучание.

Факультет в целом давал довольно серьезную философскую подготовку, которая позволяла его выпускникам самостоятельно совершенствовать свои знания и ни в чем не уступать современному состоянию мировой философской мысли. Другое дело, что выпускники факультета попадали в условия жесткой регламентации программами преподавания диалектического и исторического материализма. А программы курсов диалектического и исторического материализма еще долгие годы копировали структуру § 2 главы IV «Истории ВКП(б). Краткий курс», что, естественно, сдерживало и творческое освоение, и преподавание философии марксизма. Не без основания многие исследователи пишут о догматизации марксизма в СССР, об идеологизации марксистской философии, что не могло не отразиться и на преподавании философии в университете. Однако не следует забывать

Библиотека "Руниверс"

о том, что на философском факультете преподавались и история философии, и логика, и психология, а затем и философские проблемы естествознания, и другие философские дисциплины, позволяющие давать действительно философские знания, а не только сведения о «материи и формах ее существования» да о «законах и категориях материалистической диалектики». Именно поэтому из философского факультета выходили не только толкователи цитат из произведений классиков марксизма-ленинизма, но и настоящие философы. Говоря об одном из таких философов, Ф. Т. Михайлов пишет: «Да, он (Э. В. Ильенков.– *А.П.*) так и не смог привыкнуть к победному торжеству бездарных комментаторов убогой *четвертой главы* "Истории ВКП(б). Краткий курс", вытеснивших философский Разум не только со страниц *партийной печати*, но и из учебников, диссертаций, научных публикаций»[41]. А. Ф. Зотов очень верно замечает: «То, что среди нас все-таки были и философы, а не сплошь преподаватели философии или партийные функционеры и политпросветчики, подготовленные на "идеологическом факультете", само по себе может послужить основанием вывода, что марксистская философия у нас так и не выродилась окончательно ни в квазирелигиозную догматику, ни — того хуже — в политпропаганду в форме учебной дисциплины (то, что Э. В. Ильенков был "подлинным марксистом, для всех, знавших его, вне сомнений)"»[42]. И заслуга в этом во многом в том, что в числе преподавателей факультета были настоящие специалисты, сумевшие передать свои знания и увлечение философией студентам, пусть не всем, но все же немалой их части.

Несмотря на сложные общеполитические условия, сложившиеся в послевоенные годы, несмотря на жесткие идеологические установки, факультет все же давал такую теоретическую подготовку, которая позволяла его выпускникам в дальнейшем самостоятельно повышать свой теоретический уровень

---

[41] *Михайлов Ф.Т.* Он сам — целая школа // Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков: (Книга – диалог). М., 1997. С. 118.

[42] *Зотов А. Ф.* Отношение к прошлому как проблема нашего самоопределения // Там же. С. 30–31.

Библиотека "Руниверс"

и становиться вровень со своими зарубежными коллегами. Назову хотя бы по нескольку представителей из десяти послевоенных выпусков, оставивших заметный след в философской литературе: 1947 — М. Н. Алексеев, П. В. Копнин, В. К. Скатерщиков, П. С. Шкуринов, 1948 — Д. П. Горский, Г. Н. Гумницкий, И. С. Нарский, А. К. Уледов, 1949 — С. Ф. Анисимов, Г. С. Арефьева, Л. Б. Баженов, С. Р. Микулинский, А. И. Уёмов, 1950 — Г. М. Андреева, Б. В. Бирюков, В. В. Богатов, Л. П. Буева, А. П. Бутенко, Э. В. Ильенков, Р. С. Карпинская, А. Д. Литман, И. Б. Новик, П. А. Рачков, А. Л. Субботин, Д. М. Угринович, Н. С. Юлина, 1951 — М. Н. Грецкий, А. А. Зиновьев, О. В. Лармин, В. А. Малинин, В. И. Мишин, В. И. Свинцов, И. С. Тимофеев, 1952 — Г. А. Багатурия, Е. В. Боголюбова, В. И. Гараджа, Б. А. Грушин, И. Г. Иванов, А. Я. Ильин, К. М. Кантор, Л. В. Карпинский, О. Н. Крутова, Ю. А. Левада, С. И. Попов, А. М. Пятигорский, А. И. Ракитов, Г. Л. Смолян, А. Н. Чанышев, 1953 — И. В. Блауберг, Н. И. Бочкарев, В. В. Давыдов, В. П. Зинченко, А. Ф. Зотов, Ю. Ф. Карякин, А. М. Коршунов, Л. Н. Митрохин, Е. Г. Плимак, И. Т. Фролов, Г. П. Щедровицкий, 1954 — Н. Б. Биккенин, Б. А. Глинский, Б. С. Грязнов, Н. И. Лапин, М. К. Мамардашвили, Ф. Т. Михайлов, В. М. Мунипов, И. К. Пантин, А. Р. Познер, Л. В. Скворцов, В. А. Смирнов, Е. Д. Смирнова, 1955 — А. С. Богомолов, В. А. Вазюлин, Э. В. Гирусов, А. М. Каримский, Г. Г. Квасов, В. Н. Кузнецов, В. А. Лекторский, Н. И. Стяжкин, З. А. Тажуризина, А. М. Титаренко, 1956 — П. В. Алексеев, Г. С. Батищев, Г. Н. Волков, А. И. Володин, В. М. Межуев, Н. В. Мотрошилова, Л. К. Науменко, В. Н. Садовский, В. С. Швырев и т. д. Я, понятно, не могу перечислить всех достойных, ибо выпускников факультета, достигших высокого профессионального уровня, довольно много. В. Н. Садовский в своей статье упоминает многих[43]. Но вернемся к организации преподавания философии на факультете.

---

[43] См: *Садовский В. Н.* Указ. статья. С. 159–163. Сведения о факультете и его выпускниках содержатся также в интервью Л. Н. Митрохина, см.: Вопросы философии. 1995. № 6. С. 98–103, а также в статье Н. Б. Биккенина «Сцены общественной и частной жизни. Мои университеты» (Свободная мысль — XXI. 2001. № 3).

Библиотека "Руниверс"

В марте 1949 г. деканом был назначен Владимир Федорович Берестнев, но уже в ноябре того же года его сменил Алексей Петрович Гагарин, который был на этом посту до 1952 г. В 1952 г. деканом был утвержден Василий Сергеевич Молодцов и занимал этот пост без малого 16 лет, до 1968 г., когда деканом был избран Михаил Федотович Овсянников (до 1974 г.).

Это был период после смерти И. Сталина, когда несколько ослабли идеологические вожжи и когда развитие факультета приобрело более интенсивный характер. В 1953 г. в связи с введением курса диалектического и исторического материализма в качестве обязательного на всех факультетах происходит реорганизация преподавания марксистской философии в масштабе университета: единая кафедра диалектического и исторического материализма была разделена на три кафедры — философского факультета (рук. Ф. В. Константинов, с 1959 — Д. И. Чесноков), гуманитарных факультетов (рук. З. Я. Белецкий до 1955 г.) и естественных факультетов (рук. Х. М. Фаталиев). В 1957 г. на философском факультете была образована кафедра истории марксистско-ленинской философии под руководством М. Т. Иовчука, в которую вошли курсы истории марксистской философии, читавшиеся по кафедре истории западноевропейской философии и по кафедре истории философии народов СССР. С этого года кафедра истории западноевропейской философии получает название кафедры истории зарубежной философии (рук. Т. И. Ойзерман) и начинает вести разработку и преподавание истории американской философии и философии стран Востока. В 1959 г. создается кафедра истории и теории атеизма под руководством И. Д. Панцхавы. До этого лекции по атеизму читались в рамках кафедры диалектического и исторического материализма, где с 1954 г. Е. Ф. Муравьев начал читать курс по истории религии и атеизма. В сентябре 1960 г. факультетская кафедра диалектического и исторического материализма была разделена на две: диалектического материализма (рук. В. С. Молодцов) и исторического материализма (рук. Д. И. Чесноков). Из последней в декабре 1960 г. была выделена кафедра этики и эстетики под руководством М. Ф. Овсянникова. На всех факультетах были в 1960 г. введены

Библиотека "Руниверс"

факультативные курсы по атеизму, этике и эстетике, которые читали преподаватели вновь созданных кафедр. В 1962 г. была образована кафедра теории научного коммунизма под руководством А. М. Ковалева, на базе которой в 1969 г. открыто отделение научного коммунизма. В 1990 г. это отделение было реорганизовано в отделение социально-политических наук (рук. А. М. Ковалев), а в 1991 г. оно было преобразовано в отделение политологии, руководителем которого стал В. И. Коваленко. В 1966 г. из состава факультета выделено отделение психологии и образован самостоятельный факультет психологии, деканом которого стал А. Н. Леонтьев. В том же году было объявлено о создании на факультете кафедры диалектической логики под руководством академика М. Б. Митина, которая на деле так и не была образована[44].

В феврале 1968 г. деканом философского факультета был избран Михаил Федотович Овсянников, а в декабре того же года кафедра этики и эстетики была разделена на две самостоятельные кафедры — эстетики (рук. М. Ф. Овсянников) и этики (рук. С. Ф. Анисимов). В том же году создана и кафедра методики и техники конкретных социальных исследований под руководством Г. М. Андреевой[45].

В первой половине 1974 г. истек второй срок пребывания М. Ф. Овсянникова на посту декана. Исполнение обязанностей декана было возложено на заместителя декана по учебной работе

---

[44] Создать в реальности эту кафедру так и не удалось, видимо, потому, что разработать программу и читать лекционный курс — это совсем не то, что написать статью или монографию. «То, что в течение длительного времени именовалось диалектической логикой,— пишет В. И. Свинцов,— всегда отличалось крайне неопределенными представлениями о собственном содержании и предмете». «Элементарная невнятица не позволяет рассматривать то, что принято было считать диалектической логикой, в качестве приемлемой системы правил мышления» (*Свинцов В. И.* Существует ли диалектическая логика? // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 103, 104).

[45] В то время назвать кафедру кафедрой социологии было невозможно, так как социология трактовалась как буржуазная наука, а все социальные проблемы должны были рассматриваться в рамках исторического материализма.

Библиотека "Руниверс"

Э. Н. Цыганкову, и началась скрытая от внешних глаз борьба за пост декана, который давал шанс на избрание в Академию наук. Ректор университета Р. В. Хохлов и более молодая часть профессуры поддерживали кандидатуру профессора кафедры истории зарубежной философии Алексея Сергеевича Богомолова, однако Совет факультета проголосовал «против», и деканом факультета в сентябре 1974 г. был избран заведующий кафедрой философии естественных факультетов Серафим Тимофеевич Мелюхин, ставший также и заведующим факультетской кафедрой диалектического материализма. В сентябре 1977 г. истек срок пребывания С. Т. Мелюхина на посту декана. Исполнение обязанностей декана было возложено на заместителя декана по научной работе Виталия Васильевича Богатова. А в апреле 1978 г. деканом был избран Анатолий Данилович Косичев. При нем в 1984 г. было открыто отделение прикладной социологии под руководством Б. В. Князева, которое в 1989 г. выделилось в самостоятельный социологический факультет, деканом которого стал В. И. Добреньков.

В 1986 г. закончился второй срок пребывания А. Д. Косичева на посту декана. Исполняющим обязанности декана был назначен Ричард Иванович Косолапов, который, однако, к выборам рекомендован не был, а деканом в 1987 г. был избран Александр Владимирович Панин, работавший до этого заместителем декана по научной работе. Это был период «перестройки», положивший начало процессу смены ценностных и идеологических ориентаций и всевозможных организационных новаций. На факультете всегда практиковалось привлечение к преподаванию на условиях совместительства наиболее видных советских философов, главным образом из учреждений Академии наук, а в 1988 г. состоялось совещание в Министерстве высшего образования с участием руководящих работников Академии наук, наметившее пути более систематического привлечения сотрудников академических учреждений к преподавательской деятельности в университете. Были выделены средства на создание так называемых филиальных кафедр Академии наук в университете для финансирования преподавательской работы сотрудников Академии наук. В процессе реализации

Библиотека "Руниверс"

этого решения в 1988 г. после долгих и сложных согласований была образована кафедра истории и теории мировой культуры во главе с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, а также кафедра философской антропологии и проблем комплексного изучения человека во главе с Вячеславом Семеновичем Стёпиным, в составе которых на условиях совместительства стали преподавать наиболее известные ученые из учреждений Академии наук. В 1992 г. на факультете была создана кафедра философии и методологии науки под руководством А. В. Панина.

Охарактеризовав структурные преобразования на философском факультете, попробуем теперь рассмотреть кадровый состав преподавателей по кафедрам.

Развитие факультета, создание новых кафедр приводило и к увеличению количества преподавателей, и к все большей специализации в преподавании философских дисциплин. При этом надо подчеркнуть, что комплектование факультетских кафедр уже с начала 50-х гг. шло преимущественно из выпускников факультета, которые поступали в аспирантуру, а после защиты диссертации оставлялись на преподавательской работе. Факультетская аспирантура всегда была и остается весьма мощным центром подготовки специалистов высшей квалификации не только для факультета, но и для других вузов и научных учреждений страны. В иные годы количество аспирантов приближалось к 30–40 % от количества студентов на факультете. Помимо аспирантуры факультет имел и довольно значительную докторантуру. В период существования Советского Союза на факультете стажировалось большое количество преподавателей из всех союзных республик, которые готовили и защищали докторские диссертации, становясь ведущими специалистами в различных областях философских наук в своих республиках.

Создание новых кафедр приводило не только к специализации в преподавании, но и стимулировало научную разработку философских проблем. Преподаватели факультета становились ведущими специалистами в тех отраслях философских наук, которые обретали кафедральный статус.

Библиотека "Руниверс"

После создания в 1960 г. самостоятельной кафедры диалектического материализма на кафедре возникли новые общие курсы и спецкурсы, которые свидетельствовали об углубленном изучении проблем гносеологии и онтологии, методологии наук и философских проблем естествознания. Кафедру возглавил В. С. Молодцов, потом в начале 70-х гг. какое-то время исполнял обязанности заведующего кафедрой А. Я. Ильин, а с 1974 г. заведующим стал С. Т. Мелюхин. На кафедру диалектического материализма перешли с бывшей единой кафедры диалектического и исторического материализма Ф. И. Георгиев, С. П. Лебедев, В. И. Мальцев, затем на кафедру поступили А. Я. Ильин, А. М. Коршунов, В. И. Купцов, Е. И. Кукушкина, В. Г. Борзенков, З. М. Оруджев, С. А. Пастушный, Д. И. Дубровский, С. А. Лебедев, А. В. Панин, Ю. А. Петров, И. С. Верстин, В. Г. Кузнецов, Г. А. Кузнецов. С 1993 г. кафедра стала называться кафедрой философии, были разработаны новые лекционные курсы, которые читали и читают профессора П. В. Алексеев, В. В. Ильин, В. М. Фёдоров, В. В. Миронов и другие преподаватели и научные сотрудники. В 1998 г. Владимир Васильевич Миронов был избран деканом и заведующим кафедрой, которая наконец-то получила точное название — кафедра онтологии и теории познания.

Еще более динамичным было развитие на факультете дисциплин, связанных с изучением общества. Уже после создания самостоятельной кафедры исторического материализма из нее отпочковались проблемы этики и эстетики, научного коммунизма и методики конкретных социальных исследований. Из бывшей единой кафедры диалектического и исторического материализма на кафедру исторического материализма перешли Г. М. Андреева, В. В. Казаринов, А. М. Ковалев, Е. Н. Лошкарев, Х. Н. Момджян, Т. В. Самсонова, В. А. Фомина, затем на кафедре стали работать В. И. Разин, В. И. Добрынина, Н. И. Дряхлов, Ю. К. Плетников, Ю. М. Павлов, С. Ф. Анисимов. Заведовали кафедрой Д. И. Чесноков (1960–1967), И. Д. Панцхава (1969–1976), В. И. Разин (1976–1988). С 1989 г. заведует кафедрой К. Х. Момджян, кафедра во многом обновила проблематику, учебные программы и с 1992 г. стала называться

Библиотека "Руниверс"

кафедрой социальной философии, на которой занятия стали вести профессора Е. В. Боголюбова, И. А. Гобозов, В. С. Грехнев, М. В. Демин, Р. И. Косолапов, доценты В. Я. Пащенко, Т. П. Покровская, И. И. Шевчук и другие преподаватели и научные сотрудники.

В философском образовании в университете традиционно ведущее место занимала история философии. До 1917 г. она занимала две трети всего времени, отводимого на изучение философии. В последние десятилетия удельный вес историко-философских знаний постепенно снижается, однако авторитет, который занимают историко-философские кафедры, не падает. Это особенно касается кафедры истории зарубежной философии, которая всегда отличалась высоким уровнем профессионализма ее преподавателей. На кафедре преподавали такие известные ученые, как М. А. Дынник, О. В. Трахтенберг, М. П. Баскин, В. Ф. Асмус (которому в 1954 г. разрешили перейти с «неидеологической» кафедры логики на «идеологическую» кафедру истории западноевропейской философии). Профессорами кафедры были также М. Ф. Овсянников, И. С. Нарский, А. С. Богомолов, А. М. Каримский. Будучи еще совсем молодыми людьми, завоевали авторитет на кафедре П. П. Гайденко, А. Л. Доброхотов, А. М. Руткевич, работал на кафедре известный специалист по истории индийской философии В. С. Костюченко, а также крупнейший специалист в области аналитической философии А. Ф. Грязнов. На кафедре работали и работают профессора В. В. Соколов, А. Н. Чанышев, В. Н. Кузнецов, Г. Г. Майоров, Г. Я. Стрельцова, В. Ф. Титов, доценты В. Ф. Коровин, М. А. Гарнцев, другие преподаватели и научные сотрудники. Кафедрой заведовал с 1940 по 1944 г. Б. С. Чернышев, с 194 4 по 1949 г. — В. И. Светлов, с 1949 по 1968 г. — Т. И. Ойзерман, с 1968 по 1987 г. — Ю. К. Мельвиль, с 1987 по 2004 г. — А. Ф. Зотов, с 2004 г. — В. В. Васильев.

Образование в 1943 г. кафедры истории русской философии позволило перейти от отдельных лекций в общем курсе истории философии к созданию целостного курса истории русской философии. Несмотря на то что этот курс включал

Библиотека "Руниверс"

освещение в основном материалистических направлений русской философской мысли, он все же давал возможность более обстоятельно знакомиться с отечественным философским наследием. С 1955 г. кафедра стала называться кафедрой истории философии народов СССР, и в ней появились отдельные лекции и разделы по истории философской мысли на Украине, в Белоруссии, странах Прибалтики, в Закавказье и Средней Азии, что дало возможность готовить специалистов по истории философии союзных республик. До создания в 1957 г. кафедры истории марксистско-ленинской философии на кафедре работали Г. С. Васецкий, А. Д. Косичев, Л. Н. Суворов, которые перешли затем на новую кафедру, а также И. М. Панюшев, В. И. Романенко, З. В. Смирнова, Н. Г. Тараканов, П. Т. Белов, П. С. Шкуринов, Ш. Ф. Мамедов, Г. С. Арефьева, В. Н. Бурлак, затем на кафедру пришли Н. С. Козлов, Н. И. Бочкарев, Л. П. Беленкова. С 1947 по 1983 г. кафедру возглавлял И. Я. Щипанов, в 1983–1985 гг. исполнял обязанности заведующего кафедрой В. В. Богатов, в 1985–1992 гг. кафедрой заведовал В. А. Кувакин, усилиями которого кафедре вернули первоначальное название — истории русской философии. С 1992 г. кафедру возглавляет М. А. Маслин. Сейчас на кафедре работают профессора А. Д. Косичев, В. А. Кувакин, А. Т. Павлов, доценты А. И. Болдырев, А. П. Козырев, В. Н. Пономарёв, Г. Г. Судьин, ведущий научный сотрудник Т. М. Караев, другие преподаватели и научные сотрудники. Кафедра сейчас не знакомит студентов с философской мыслью стран СНГ, а курс истории русской философии претерпел существеннейшие изменения, поскольку объектом изучения стали не только материалистические течения русской мысли, но весь спектр философских идей России, включая и русскую зарубежную мысль XX в., и философскую мысль в СССР. Несмотря на то что в учебном курсе проблемы истории философии народов, населявших СССР, не преподаются, они не перестали быть объектом научного исследования. В 1991 г. на кафедре была создана учебно-научная лаборатория по изучению истории философии и культуры славянских народов, народов Кавказа и Востока под руководством старшего научного сотрудника Т. М. Караева, которая через аспиранту-

Библиотека "Руниверс"

ру ведет научную разработку проблем, а также преподает ряд спецкурсов по указанной проблематике.

С 1957 по 1991 г. на факультете существовала еще одна историко-философская кафедра — кафедра истории марксистско-ленинской философии. В 1991 г. Совет факультета признал ее существование нецелесообразным, ибо марксистская философия, как и иные философские учения, всюду в мире существовала и существует в тесном контакте и взаимодействии с другими философскими учениями. Поэтому историю марксистской философии логичнее рассматривать в общем русле развития философской мысли в той или иной стране или регионе. Но в свое время кафедра много сделала для изучения и преподавания истории философии марксизма. На кафедре со дня ее основания работали Г. С. Васецкий, С. Т. Калтахчян, А. Д. Косичев, Л. Н. Суворов, С. И. Попов, Л. В. Скворцов, затем на кафедру пришли А. П. Петрашик, М. М. Филиппова, В. А. Вазюлин, Г. Д. Балычева, М. Н. Грецкий, И. А. Гобозов, В. А. Кувакин, В. Ф. Титов, Г. Г. Судьин, В. Н. Пономарев, Е. Л. Петренко, Ю. Ф. Вишняков. На условиях совместительства занятия вели такие ученые, как Г. А. Багатурия, С. М. Брайович, Я. Г. Фогелер и другие сотрудники академических и партийных научных учреждений. Заведующими кафедрой были М. Т. Иовчук (1957–1963), Г. С. Васецкий (1964–1972), А. Д. Косичев (1972–1989), В. Ф. Титов (1989–1991).

Одной из старейших кафедр факультета является кафедра логики, которая оказывает серьезнейшее влияние на формирование высоких профессиональных качеств выпускников факультета. Выше уже было сказано о тех философах еще дореволюционной школы, которые работали на факультете и преподавали логику. Во второй половине 40-х гг. на кафедру пришли Н. В. Воробьев, А. А. Ветров, Е. К. Войшвилло. С конца 40-х гг. курс математической логики читала на факультете профессор механико-математического факультета С. А. Яновская. Позднее на кафедре в штате и по совместительству работали такие ученые, как Б. В. Бирюков, Д. П. Горский, А. А. Ивин, С. И. Попов, Н. И. Стяжкин, В. А. Смирнов, А. П. Куприян, А. Л. Блинов, В. В. Воробьёв,

Библиотека "Руниверс"

В. С. Меськов, В. Г. Кузнецов и другие. Заведующими кафедрой были в 1947–1949 гг. П. С. Попов, в 1949–1955 гг.— В. И. Черкесов, затем в 1956–1957 гг. кафедру возглавлял «откомандированный» с кафедры истории западноевропейской философии В. Ф. Асмус, которого в 1957 г. сменил пришедший с кафедры диалектического материализма М. Н. Алексеев, руководивший кафедрой до 1965 г., в 1965–1966 гг. заведовал кафедрой И. С. Нарский, тоже пришедший с кафедры истории зарубежной философии, в 1966–1967 гг.— А. А. Зиновьев, который был научным сотрудником Института философии и работал на кафедре по совместительству, и, наконец, в 1968 г. заведующим стал доцент кафедры А. А. Старченко, который возглавлял кафедру до 1981 г. В 1982 г. заведующим кафедрой стал Ю. В. Ивлев, которого на посту заведующего в 2003 г. сменил В. И. Маркин. С тех пор на кафедре работают профессора В. А. Бочаров, Ю. В. Ивлев, Е. Д. Смирнова, А. А. Старченко, другие преподаватели и научные сотрудники.

Организованная в 1959 г. кафедра истории и теории атеизма много сделала для формирования у выпускников научного мировоззрения. За годы своего существования кафедра постепенно приобретала религиоведческий профиль, ибо атеизм тесно связан с пониманием источников религиозного сознания. В конце 80-х гг. она получила название кафедры теории и истории религии и свободомыслия, а с 1992 г. стала называться кафедрой философии религии и религиоведения. На ней с момента ее образования работали В. И. Гараджа, М. П. Новиков, затем пришли И. Г. Иванов, Ю. М. Павлов, В. И. Добреньков, Д. М. Угринович, Н. Д. Куфакова, Ф. Г. Овсиенко, С. М. Орлов, М. А. Попова, А. С. Попов, Ю. Ф. Борунков. В настоящее время занятия ведут профессора К. И. Никонов, З. А. Тажуризина, З. П. Трофимова, другие преподаватели и научные сотрудники. Заведовали кафедрой в 1959–1969 гг. И. Д. Панцхава, в 1969–1987 гг. М. П. Новиков, с 1988 г. по настоящее время И. Н. Яблоков. В 1996 г. на базе кафедры создано отделение религиоведения.

Проблемы этики и эстетики стали предметом углубленного изучения и преподавания после выделения в 1960 г. самостоя-

Библиотека "Руниверс"

тельной кафедры этики и эстетики. До этого проблемы этики освещались в лекциях С. Ф. Анисимова, В. В. Казаринова, эстетики – в лекциях Д. Ф. Козлова, некоторых других преподавателей кафедры исторического материализма. Когда же была создана кафедра этики и эстетики, началась разработка целостных курсов этики и эстетики со значительным объемом в них сведений по истории этих отраслей философского знания.

С 1968 г. самостоятельно существуют кафедра этики и кафедра эстетики. На кафедре эстетики работают профессора Е. В. Волкова, В. П. Крутоус, Т. В. Кузнецова, А. С. Мигунов. Возглавлял кафедру с 1987 г. по 2001 г. Е. Г. Яковлев. До этого заведующим кафедрой был М. Ф. Овсянников, на кафедре работали М. Н. Афасижев, Л. И. Новикова, А. А. Оганов, В. С. Соколов и другие известные специалисты по эстетике. В 2005 г. заведующим кафедрой избран профессор А. С. Мигунов.

Этическая проблематика получила наиболее благоприятные условия для разработки и преподавания после образования самостоятельной кафедры в 1968 г. На кафедре стали работать А. А. Гусейнов, В. В. Казаринов, А. И. Титаренко, затем пришли на кафедру Л. Б. Волченко, В. Т. Ганжин, Б. О. Николаичев, Р. Г. Апресян, Т. И. Пороховская, Е. Л. Дубко, Ф. И. Поташев и другие. Для работы на условиях совместительства кафедра привлекала известных специалистов по этике – Д. С. Авраамова, Е. Г. Балагушкина, К. С. Гаджиева, О. Г. Дробницкого, Л. В. Коновалову, Т. А. Кузьмину, О. П. Целикову, В. Н. Шердакова и других. Кафедрой заведовал в 1968–1980 гг. С. Ф. Анисимов, в 1980–1993 гг. А. И. Титаренко, в 1993–1995 гг. Ю. М. Смоленцев. Сейчас на кафедре преподают профессора А. В. Прокофьев, А. В. Разин и другие преподаватели и научные сотрудники, а возглавляет кафедру с 1996 г. академик РАН А. А. Гусейнов.

Созданная в 1988 г. как филиальная, кафедра истории и теории мировой культуры все более прочно входит в структуру философского факультета. Сейчас на кафедре работают не только совместители из научных учреждений Академии наук, но и штатные сотрудники факультета. С 1995 г. кафедрой заведует А. Л. Доброхотов, с момента организации кафедры и до 1995 г. заведующим кафедрой был В. В. Иванов. На кафедре на усло-

Библиотека "Руниверс"

виях совместительства работали такие известные ученые, как С. С. Аверинцев, Т. Ю. Бородай, М. Л. Гаспаров, А. Я. Гуревич, В. В. Вертоградова, В. П. Гайденко, Е. М. Мелетинский, В. Н. Романов, М. И. Свидерская.

Функционирует и другая филиальная кафедра — философской антропологии. Ее заведующим с момента основания и до настоящего времени является академик В. С. Стёпин. В ее составе работали и работают сотрудники академических учреждений Л. П. Буева, В. Л. Рабинович, Н. М. Смирнова, В. Г. Федотова, И. Т. Фролов, В. С. Швырев, Б. Г. Юдин.

Набирает силу и самая молодая философская кафедра факультета — кафедра философии и методологии науки, которой заведует В. Г. Кузнецов. В ее основании участвовали А. В. Панин, С. А. Пастушный, Ю. А. Петров, затем пришли Ю. Д. Артамонова, Е. В. Брызгалина, А. В. Чусов.

Конечно, всех преподавателей и научных сотрудников философского факультета, участвовавших и участвующих в подготовке философски образованных специалистов, перечислить очень сложно. В его стенах с 1942 г. трудились около трехсот ученых. Для более полной и содержательной картины развития философского образования в университете нужна серия очерков с покафедральным рассмотрением и кадрового состава, и содержания читавшихся и читаемых лекционных курсов и научных работ. Начало такому рассмотрению положили книги «Московский университет за 50 лет Советской власти» (М., 1967) и «История философской мысли в Московском университете» (М., 1982). Но последние годы дали такой сильный импульс обновления, который требует более обстоятельного и критического рассмотрения всех аспектов и структурных преобразований, и развития учебного процесса, совершенствования программ и содержания лекционных курсов.

В заключение приведу высказывание нидерландского исследователя функционирования философии в Советском Союзе Эверта Ван дер Цвирде, который вопреки некоторым нашим отечественным критикам всего и вся, что было в СССР, в своей книге «Советская философия — идеология и служанка» (Неймеген, 1994) пишет: «Безотносительно к тому, сколь успеш-

Библиотека "Руниверс"

ной была “индокринация” советских людей или членов КПСС, в каждый период истории советской философии находились личности, которые действовали как самостоятельные философы, каким бы узким или ограниченным по времени ни было поле их активности. В этом смысле философия в СССР никогда не умирала»[46]. А в существовании и развитии философии в Советском Союзе, а ныне в Российской Федерации, большую роль играет Московский университет, который с 1755 г. и до настоящего времени является центром подготовки философски грамотных специалистов в различных отраслях знания.

А философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, несмотря на чрезвычайно сложные идеологические обстоятельства первых десятилетий своего существования, всегда давал знания, позволявшие его выпускникам решать самые сложные философские проблемы и быть на уровне мировой философской мысли.

[46] Цит. по: *Задорожнюк И.* Цветы и тернии советской философии // Свободная мысль. 1995. № 6. С. 127.

Библиотека "Руниверс"

Научное издание

Алексей Терентьевич Павлов

ФИЛОСОФИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Заведующий редакцией *В. Н. Подгорбунских*
Корректор *Т. Г. Шарипо*
Верстка *Т. О. Прокофьевой, О. М. Кукушкиной*
Художник *О. Д. Курта*

Подписано в печать с готового оригинал-макета 13.08.2010.
Формат 84 x 108 $^1/_{32}$. Бум. офсетная. Гарнитура PetersburgC.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 800 экз. Заказ № **131.**

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15,
Издательство Русской христианской гуманитарной академии.
Тел.: (812) 310-97-91; факс: (812) 571-30-75;
e-mail: editor@rchgi.spb.ru
URL: http://www.rhga.spb.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО "ИПК Бионт"
г. Санкт-Петербург, Средний пр., дом 86
Тел.: (812) 322-68-43

Библиотека "Руниверс"

Замеченные опечатки:

Стр. 21 3-я строка снизу: вместо «Христианина» надо «Христиана».
Стр. 62 18-я строка снизу: вместо «писал» надо «искал».
Стр. 66 9-я строка сверху: перед словом «Докладная» нужны кавычки «.
Стр. 96 14-я строка сверху: вместо «Карийского» надо «Каринского».
Стр. 111 12-я строка снизу: вместо «iniversalia» надо « universalia».
Стр. 132 18-я строка снизу: снять «у» оставить «области».
Стр. 219 14-я строка сверху: вместо «Гарвурдском» надо «Гарвардском».
Стр. 241 16-я строка снизу: вместо «Монтэна» надо «Монтеня».

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

А. Т. ПАВЛОВ

ФИЛОСОФИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В книге известного ученого Алексея Терентьевича Павлова исследуется история русской профессиональной философии как она сложилась в стенах прославленного Московского университета — одного из центров развития русской мысли. Автор рассказывает о выдающемся вкладе профессорско-преподавательского корпуса в развитие отечественной философской науки, которая в начале XX века достигает высокой научной зрелости, поравнявшись в своих результатах с европейской философией.

Книга адресована всем, кто следит за перипетиями русской культуры.

Библиотека "Руниверс"